

ФЕДРЪ.

ФЕДРЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ разговорѣ Платона, подъ заглавіемъ Федръ, Сократъ бесѣдуетъ съ Федромъ. Этотъ собесѣдникъ сына Софронискова представляется человѣкомъ молодымъ, съ живыми способностями и добрымъ отъ природы сердцемъ. Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ уже до страсти любитъ ученыя бесѣды, усердно посѣщаетъ литературныя собранія, самъ участвуетъ въ разсужденіяхъ о любви и съ жадностію питаетъ свой умъ всякою новостію въ области словесныхъ произведеній (Sympr. p. 176, 178). Но не смотря на то, онъ—на пути заблужденія: благороднымъ его стремленіемъ овладѣлъ лживый духъ времени, требовавшій, чтобы отвратительный цинизмъ внутренней жизни вездѣ украшался внѣшнимъ блескомъ. Федръ вполне преданъ водительство современныхъ ораторовъ и софистовъ, на все смотритъ ихъ глазами, о всемъ судитъ по ихъ началамъ, все опредѣляетъ ихъ понятіями (Protag. p. 315 C). Искусство слова разумѣетъ онъ, какъ навѣкъ свободно и легко блистать фразою, не заботясь о достоинствѣ содержанія и нравственной цѣли сочиненій. За успѣхъ рѣчи, по его мнѣнію, должно ручаться умѣнье представлять даже парадоксъ въ формѣ дѣйствительной истины, и способность увлекать вниманіе слушателей къ своекорыстнымъ цѣлямъ оратора. Таковъ былъ взглядъ Федра на краснорѣчіе.

Сократъ встрѣчается съ нимъ въ то время, когда онъ, проведши цѣлое утро въ обществѣ знаменитаго аеинскаго оратора Лизіаса, возвращался отъ него и шелъ за городъ

прогуляться. Разговоръ завязался съ вопроса о томъ, какъ и чѣмъ угощаль его Лизіасъ. Федръ началъ съ энтузіазмомъ превозносить любимаго своего оратора и упомянулъ о читанной имъ рѣчи, прибавивъ, что она была эротическаго содержанія. Это сильно подстрекнуло любопытство Сократа и заставило его просить Федра, чтобы онъ пересказаль слышанное сочиненіе. Молодой человѣкъ, какъ часто бываетъ, сперва сталъ-было отказываться, ссылаясь на недостатокъ памяти, а потомъ соглашался пересказать отрывочно мысли: но Сократъ замѣтилъ у него подъ плащемъ свитокъ, и память на этотъ разъ оказалась ненужною; въ свиткѣ заключалась подлинная рѣчь Лизіаса. Тогда два любителя рѣчей отправились за городъ, къ рѣкѣ Илиссу и, сѣвъ на берегу, подъ тѣнистымъ яворомъ, приступили къ чтенію принесенной Федромъ рѣчи. Легкій очеркъ избраннаго ими загороднаго мѣста для чтенія есть превосходное вступленіе въ бесѣду; потому что онъ мѣтко принаровленъ къ характеру излагаемаго въ ней Платонова ученія о любви. Прозрачныя воды Илисса, посвященныя Нимфамъ и Ахелою, растеніе агнецъ—символь дѣвственной чистоты и непорочности, журчаніе ручья, выбѣгающаго изъ-подъ явора, пѣсни кузнечиковъ, питающихся одною росой, тихое дыханіе вѣтерка, навѣвающаго прохладу, нѣжная мурава, приглашающая путника къ отдохновенію: все это—искусная обстановка убѣжища, избраннаго философомъ для размышленія объ Эросѣ (р. 227—230 С).

Возлегши на мураву, Сократъ предоставляетъ чтеніе Лизіасовой рѣчи Федру и выслушиваетъ ее отъ начала до конца. Лизіасъ поставилъ въ ней цѣлю убѣдить прекраснаго мальчика, что для него гораздо лучше оказывать благосклонность тому, кто не любитъ его, чѣмъ быть благосклоннымъ къ влюбленному. Встрѣчая такую тему въ рѣчи извѣстнѣйшаго оратора древности, котораго сочиненія, переживъ столько вѣковъ, дошли до насъ, который принадлежалъ къ самому образованному народу въ мірѣ языческомъ и про-

цвѣталъ въ самую блестящую эпоху наукъ и искусствъ въ аѳинской республикѣ, — трудно понять, какимъ образомъ въ умную голову Лизіаса могла войти столь пошлая мысль, а еще труднѣе объяснить себѣ тотъ восторгъ, съ которымъ юношество тогдашней Греціи, донинѣ превозносимое за тонкость и образованность вкуса, принимало подобныя мысли. Одна лишь исторія объясняетъ намъ эти несообразности и даетъ прекрасный урокъ тѣмъ, которые, не опредѣливъ, въ чемъ должно состоять истинное образованіе народа, кричатъ, что только образованность гнушается пороками и движется благороднымъ сочувствіемъ къ ближнему. Наперекоръ замѣчательнымъ успѣхамъ Грековъ въ наукахъ, преимущественно же въ искусствахъ, нравственную жизнь ихъ исторія пятнаетъ самыми низкими пороками, въ числѣ которыхъ особенно отвратительнымъ представляется—*παιδεραστία*, *παιδικὸς ἔρωσ* или *τὰ παιδικά*. Въ буквальномъ значеніи этого слова конечно нѣтъ ничего постыднаго; потому что имъ означается любовь къ дѣтямъ того или другаго пола: но крайній развратъ греческаго юношества, опиравшійся, можетъ быть, на нѣкоторыхъ сказаніяхъ ¹ столь же развратной эллинской миѳологіи и находившій поводъ къ своему развитію въ самыхъ воспитательныхъ тогдашнихъ учрежденіяхъ ², не замедлилъ эту чистую и естественную любовь къ дѣтской невинности сдѣлать органомъ гнусной страсти, которая кажется чудовищемъ даже для самой чувственности человѣка. *Παιδεραστία*, въ смыслѣ ужаснаго зла, нравственно убивающаго душу и физически разрушающаго тѣло, во времена Платона въ аѳинскомъ обществѣ почти не надѣвала маски и стала въ совершенную противоположность съ началами здравомыслящей и благонравной философіи, которая тогда, можно сказать, отождествлялась съ

¹ Къ числу подобныхъ миѳическихъ сказаній можно отнести подробности о Ганимедѣ и Гименѣ.

² Древніе много рассказываютъ о формахъ гимнастическихъ учреждений въ греческихъ республикахъ, и рассказы ихъ позволяютъ заключать, что гимнастика у нихъ не могла не вредить нравственности.

именемъ Сократа. Посему Платонъ, вообще старавшійся своимъ ученіемъ и сочиненіями положить сильный оплотъ противъ развитія современнаго ему софистическаго вольномыслія и нравственнаго разврата, считалъ своимъ долгомъ подвергнуть глубокому изслѣдованію понятіе *περί τῶν παιδικῶν* и написалъ нѣсколько весьма важныхъ діалоговъ—съ намѣреніемъ раскрыть природу любви и показать афинскому юношеству, до какой степени оно обезображиваетъ ее грубою чувственною своею жизнію и извращаетъ высокую цѣль, для которой она пробуждается въ человѣческомъ сердцѣ. Главнымъ и, можно сказать, кореннымъ между діалогами этого рода надобно почитать безспорно тотъ, который теперь подлежитъ нашему разсмотрѣнію, и въ которомъ весьма естественнымъ поводомъ къ разсужденію о любви служить Платону рѣчь Лизіаса на упомянутую выше тему.

Но какимъ образомъ къ этому одному предмету могутъ быть сведены, повидимому, слишкомъ разнородные вопросы, служащіе общими задачами главныхъ отдѣловъ Платонова Федра? Критики отвѣчаютъ на это неодинаково, и потому не одно и то же принимаютъ за коренное положеніе цѣлаго разговора. Платоновъ Федръ, съ перваго взгляда, рѣзко дѣлится на двѣ части, по содержанію совершенно различныя: въ первой предлагаются три рѣчи о любви, изъ которыхъ одна Лизіасова и двѣ—Сократовы (р. 231—257); а во второй излагаются правила составленія рѣчей (р. 258—279). Предметы этихъ частей изслѣдованія, очевидно, таковы, что если главнымъ въ цѣломъ сочиненіи мы признаемъ первый, то послѣдній должны будемъ почестъ прирощимъ къ цѣлому случайно и неимѣющимъ ничего общаго съ его цѣлію; а когда всю сущность діалога заключимъ въ послѣднемъ, то первый представится въ значеніи слишкомъ широко раскрытаго примѣра для предполагаемой теоріи, или несоразмѣрно долгою практическою игрою умовъ, прежде чѣмъ они принялись за серьезное изслѣдованіе. Въ томъ и другомъ случаѣ Платоновъ Федръ

покажется намъ сочиненіемъ безъ единства содержанія и безъ стройности въ формѣ. Но не спѣша предполагать такіе недостатки въ разсматриваемомъ произведеніи Платонова ума, которое, каково бы ни было наше о немъ сужденіе, располагаетъ насъ невольно увлекаться высотой своихъ идей и изяществомъ изложенія ихъ, мы прежде всего внимемъ въ рѣчь Лизіаса,—не найдемъ ли въ ней и въ сопровождающихъ ее словахъ Федра достаточнаго основанія для приведенія обѣихъ частей діалога къ желаемому единству.

Въ Лизіасовой рѣчи, какъ видно уже изъ самой ея темы, полагается различіе между равнодушіемъ и влюбленностію въ отношеніи къ красотѣ. Первое изображаетъ ораторъ такъ, что въ немъ нельзя не видѣть скотскаго удовольствія возбуждающейся по временамъ похоти; а послѣднюю—такъ, что въ ней мы замѣчаемъ хотя человѣческое, но самое гибельное искаженіе любви, ограниченной представленіями грубыхъ скотоподобныхъ удовольствій. Итакъ человѣкъ съ равнодушіемъ и влюбленностію, въ отношеніи къ красотѣ, Лизіасъ, самъ того не замѣчая, разсматриваетъ въ состояніи скотства и скотоподобія, а между тѣмъ полагаетъ, что въ его рѣчи разсматривается человѣкъ. Явно, что такое заблужденіе происходило, во-первыхъ, отъ незнанія человѣческой природы, а во-вторыхъ, отъ того, что ораторъ не опредѣлилъ и, не зная природы души, не могъ опредѣлить, что такое—любовь. Но отсюда само собою вытекало положеніе, служащее темою всего разговора, озаглавленнаго именемъ Федра: «чтобы говорить или писать о любви, и вообще о какомъ бы то ни было предметѣ, надобно знать природу любви, или всякаго разсматриваемаго предмета, и при свѣтѣ этого познанія, въ устной ли то бесѣдѣ, или въ письменной рѣчи, прежде всего опредѣлить предметъ разсужденія.» Принявъ это въ Федрѣ за основное положеніе всей бесѣды, которымъ условливается единство ея содержанія и отношеніе ея частей, мы теперь ясно видимъ, что двумя рѣчами, которыя произнесъ въ ней Сократъ, Пла-

тонъ поправляетъ *содержаніе* рѣчи Лизіасовой, т. е. говорить о природѣ и видахъ любви; а чрезъ изложеніе правилъ устнаго и письменнаго составленія рѣчей, показываетъ, въ какой *формѣ* надлежало бы Лизіасу написать свою рѣчь, еслибы онъ правильно понималъ, что такое — любовь.

Итакъ, выслушавъ рѣчь Лизіаса и видя, что, по матеріи, въ ней скотское плотоугодіе отличается отъ скотоподобной любви, а любовь въ истинномъ ея значеніи вовсе не разсматривается и не опредѣляется, Сократъ мысленно дѣлитъ любовь на чувственную и разумную и, по настоящему убѣжденію Федра, говоритъ—одну послѣ другой—двѣ рѣчи, изъ которыхъ въ первой красками самыми яркими изображаетъ низкія удовольствія любви чувственной, а въ другой—языкомъ восторженнаго поэта и глубокомысленнаго философа описываетъ происхожденіе, природу и стремленіе любви разумной. Приступая къ произнесенію рѣчи о сынѣ Афродиты плебейской, Сократъ предувѣдомляетъ Федра, что, дабы не краснѣть отъ стыда и не заикаться, онъ произнесетъ ее съ закрытыми глазами. И дѣйствительно, эту рѣчь надобно не только произносить, но и читать, оградившись броней хорошо развитаго нравственнаго чувства. Впрочемъ, она написана такъ искусно, что, доказывая какъ будто тому Лизіасову, т.-е., что прекрасный мальчикъ получаетъ больше пользы, благопріятствуя невлюбленному, чѣмъ тогда, когда онъ бываетъ расположенъ къ влюбленному, представляетъ чувственную любовь во всемъ ея безобразіи и возбуждаетъ сильное къ ней отвращеніе. Начавъ свою рѣчь опредѣленіемъ чувственной любви, и понимая ее, какъ страсть, влекущую къ удовольствіямъ, проистекающимъ изъ красоты тѣла, Сократъ показываетъ, сколько золъ приноситъ она людямъ, особенно когда лице любимое отвлекаетъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыми оно должно пользоваться, какъ плодами истинной мудрости. Имѣя это, искусно прикрытое доброе направленіе, Сократова рѣчь, и по самой своей формѣ, противоположна Лизіасовой. Основанная на опредѣленномъ по-

нати о чувственной любви, она потому самому отличается ясностію и связанностію мыслей, стройнымъ расположеніемъ словъ и выраженій, тогда какъ въ рѣчи Лизіаса мысли неопредѣленны и перепутаны, а выраженія раскиданы и держатся только внѣшними, ничего незначащими связями. Когда эта декламація Сократа была окончена, — Федръ и Сократъ увидѣли въ ней только половину дѣла; но въ другой половинѣ предполагали оба не одно и то же: первый надѣялся услышать, что скажетъ Сократъ о выгодахъ благорасположенія къ человѣку нелюбящему; а послѣдній, раскрывъ значеніе любви чувственной, долженъ былъ еще объяснить, что такое любовь разумная или духовная. Удовлетворить ожиданію Федра Сократъ рѣшительно отказывается и, по внушенію своего генія, приступаетъ къ разсматриванію природы божественнаго Эроса — уже съ открытыми глазами.

Если весь Платоновъ Федръ написанъ по мѣстамъ подвліяніемъ бѣльшаго или меньшаго поэтическаго воодушевленія, то особенно звучитъ диѳирамвомъ вторая рѣчь Сократа, въ которой онъ созерцаетъ происхожденіе и природу любви духовной. Эта любовь, говоритъ онъ, есть изступленіе, даруемое богами для величайшаго благополучія смертныхъ. Но чтобы понять всю ея важность и силу, надобно разсмотрѣть природу человѣческой души. Всякая душа бессмертна, потому что самодвижима; а какова ея природа, — можно высказать только подобіемъ. Она подобна двумъ крылатымъ конямъ, запряженнымъ въ колесницу и управляемымъ возницею. Но кони боговъ и возничіе ихъ во всемъ совершенны; а прочіе не таковы: изъ коней, везущихъ колесницу души человѣческой, одинъ бодръ и послушенъ, другой золъ и упрямъ; такъ что возничему трудно управляться съ ними. Этимъ объясняется древнее — до-мірное разстройство человѣческой природы, происшедшее слѣдующимъ образомъ: прежде чѣмъ люди населили землю, души ихъ обитали въ мірѣ духовномъ и наслаждались блаженствомъ въ сообществѣ съ богами. По числу двѣнадцати главныхъ бо-

жествъ, онѣ дѣлились на двѣнадцать сонмовъ, и каждый сонмъ слѣдовалъ за своимъ богомъ; а всѣ боги составляли свиту великаго Зевса. И такъ Зевсъ, оставивъ центральное жилище Весты, ѣдетъ на праздникъ подъ зенитъ небеснаго свода, и поднимается по наклонной плоскости, сопровождаемый всѣми богами и героями. Колесницы боговъ катятся плавно и ровно; потому что кони ихъ хорошо вскормлены, и возникіе имѣютъ довольно силы для управленія ими. Они достигаютъ высшей точки орбиты и, прозирая съ ней въ горній міръ безпредѣльнаго свѣта, въ которомъ нѣтъ уже ни матеріальныхъ образовъ, ни формъ бытія, неизяснимо наслаждаются этимъ духовнымъ созерцаніемъ. Напротивъ, изъ душъ не всѣ возносятся къ желаемой цѣли: только болѣе совершенныя и везомыя старательно воспитанными конями восходятъ къ крайнему предѣлу своего пути, откуда, по безформенности вещей премірныхъ, созерцаніемъ ихъ, вмѣстѣ съ богами, наслаждаются по крайней мѣрѣ возникіе. Прочія же души,—такъ какъ одинъ изъ коней ихъ рвется впередъ,—другой упирается и останавливаетъ колесницу, — неминуемо подвергаются страшнымъ бѣдствіямъ; ибо отъ этого происходятъ замѣшательства и столкновенія, разрушеніе колесницъ и ломка крыльевъ. А когда у коней крылья переломаны,—души не могутъ уже слѣдовать за богами, но стремглавъ летятъ внизъ и, падая на землю, въ наказаніе заключаются въ тѣла.

Это аллегорическое сказаніе о природѣ человѣческой души Сократъ примѣняетъ ко всѣмъ степенямъ и направленіямъ душевной жизни и на такомъ основаніи показываетъ необходимость многихъ и долговременныхъ метаморфозъ одного и того же разумнаго существа, пока оно не возвратится въ то состояніе, къ которому предназначено. Что же касается до значенія изложенной аллегоріи, то оно довольно обстоятельно показывается въ Платоновомъ «Государствѣ», гдѣ подъ именемъ возникача Платонъ велитъ разумѣть умъ, который въ человѣческой душѣ долженъ быть силою господ-

ствующею; въ добромъ конѣ видитъ природу раздражительную, которая повинуется и помогаетъ уму; а въ конѣ упрямомъ мыслить природу пожелательную, увлекаемую страстями и стремящуюся къ удовольствіямъ; крыльями же означаетъ порывъ души къ божественному. Такъ, показавъ образно небесное происхожденіе и судьбу планетнаго существованія душъ. Сократъ отсюда выводитъ значеніе и природу любви.

Стремленіе человѣческой души—разсѣянные черты вещей собирать въ одно, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ стараніе припоминать и возстановлять тѣ образы, которыхъ созерцаніемъ души наслаждались въ жизни до-мірной. И кто болѣе занимается этимъ, какъ на примѣръ философъ; тотъ скорѣе выращаетъ крылья для паренія на небо, ибо тотъ живѣе возбуждаетъ въ памяти идеи вещей небесныхъ. Но выращеніе крыльевъ есть восторженіе души; а восторженіе или изступленіе ея есть любовь. Полныхъ образовъ истиннаго, добраго, справедливаго и святаго на землѣ нѣтъ; но встрѣчаются иногда чувствопостигаемыя отраженія этихъ идей, — и созерцая ихъ, мы пробуждаемъ въ себѣ идею прекраснаго, которое, потому именно, что напоминаетъ намъ о красотѣ вещей небесныхъ, становится предметомъ любви, умерщвляетъ чувственные наши пожеланія, привязываетъ насъ къ себѣ узами благоговѣнія и восторгаетъ къ небу. Впрочемъ, отраженія прекраснаго божественнаго въ душѣ не всѣ одинаковы и не на всѣхъ одинаково дѣйствуютъ. Каждый любитъ красоту, сродную тому божеству, которому въ жизни до-мірной онъ сопутствовалъ. Посему совершеннѣйшіе любители суть тѣ, которые любятъ совершеннѣйшее прекрасное; а совершеннѣйшее прекрасное могутъ любить только тѣ, которые принадлежали къ свитѣ Зевса и созерцали умъ царственный. Такіе любители суть философы, любящіе юношей, отъ природы одаренныхъ стремленіями философскими и рожденныхъ для владычества надъ другими. Правда, и здѣсь на землѣ, отъ буйства при-

роды пожелательной, повторяются тѣ же затрудненія и препятствія, съ которыми души боролись въ жизни до-мирной: но благоразуміе и твердость возничаго, при содѣйствіи прирожденной душѣ раздражительности, наконецъ обуздываютъ строптивость коня непослушнаго, и лице любимое само начинаетъ любить то, что кажется наилучшимъ его любителю; ибо въ этомъ случаѣ они помогаютъ другъ другу выращать себѣ крылья и подниматься къ горнему.

Произнесши такую рѣчь, Сократъ выдаетъ ее за палинодію прежней и проситъ Эроса, чтобы онъ никогда не отнималъ у него дара той любви, какая теперь описана, и расположилъ самого Лизіаса сообразоваться съ любовію философскою. Такъ оканчивается первая часть Платонова Федра. Въ ней практически рѣшенъ вопросъ: какъ надобно говорить и писать о любви? и найдено, что только тотъ въ состояніи хорошо и вѣрно разсуждать о ней, кто изучилъ ее природу, или имѣетъ о ней знаніе философское, основывающееся на опредѣленіи метафизическаго существа ея. Распространяя это правило и на всѣ возможные предметы рѣчей, Сократъ на томъ же основаніи излагаетъ теперь общую теорію ораторскаго искусства, и изложенію сей теоріи посвящаетъ вторую часть своей бесѣды съ Федромъ.

Выслушавъ послѣднюю рѣчь Сократа, Федръ полагаетъ, что и Лизіасъ не написалъ бы подобной, даже опасается, какъ бы онъ вовсе не оставилъ своего искусства. Но Сократъ говоритъ, что оставлять это искусство не слѣдуетъ: надобно только помнить, что безъ философіи оно невозможно; потому что ораторъ долженъ основательно знать то, о чемъ намѣренъ говорить. Если же онъ преслѣдуетъ только пустой образъ истины, то его рѣчь нетолько смѣшна, но и гибельна. Въ такомъ случаѣ она есть не произведеніе искусства, а органъ безумнаго опыта. Всякая рѣчь направляется къ убѣжденію слушателей въ какомъ-нибудь предметѣ. Посему, когда ораторъ не постарался напередъ уразумѣть тотъ предметъ, въ которомъ хочетъ убѣдить, тог-

да онъ не только обманываетъ другихъ, но обманывается и самъ, а это конечно смѣшно. Раскрывъ такимъ образомъ основное положеніе второй части разговора, Сократъ обращается къ рѣчи Лизіаса и показываетъ, что въ ней недостаетъ именно этого знанія предмета; потому что она есть произвольное накопленіе понятій, неопирающихся на понятіи цѣлаго. Тогда какъ ораторъ долженъ знать, говорить онъ, нѣтъ ли въ предметѣ его рѣчи чего-нибудь обоюднаго и сомнительнаго, Лизіасъ не обратилъ вниманія на то, что о природѣ и силѣ любви между людьми много различныхъ мнѣній, и не опредѣлилъ, какъ понимаетъ онъ любовь, а просто началъ рассуждать о ней съ того, чѣмъ другіе оканчиваютъ рассужденіе. Отъ этого-то его декламация не имѣетъ ни основанія, ни порядка, ни единства, ни ясности,—вопреки тому правилу, что всякая рѣчь должна уподобляться живому существу, въ которомъ члены взаимно пропорціональны и находятся въ тѣсной связи. Главное дѣло ораторскаго искусства, при составленіи рѣчи, заключается въ сведеніи всего къ одному роду и потомъ въ раздѣленіи рода на его виды. Это-то значить говорить діалектически. Еслибы спросили насъ, какъ сдѣлаться настоящимъ ораторомъ,—мы отвѣчали бы: сперва надобно имѣть способность къ рассужденію объ извѣстномъ предметѣ, потомъ должно знать этотъ предметъ, и наконецъ надлежитъ учиться ораторскому искусству и упражняться въ сочиненіи рѣчей. Полагать, что то, или другое изъ этихъ условій можно замѣстовать въ наставленіяхъ нашихъ ораторовъ, значить грубо обманываться. Кто хочетъ знать, какимъ путемъ пріобрѣтается имя хорошаго оратора, тотъ смотри на примѣръ Перикла, который украсился этимъ именемъ единственно оттого, что сперва слушалъ Анаксагора и развилъ свой умъ философіею; ибо какъ врачъ долженъ напередъ знать устройство тѣла, чтобы заключать о полезномъ или вредномъ дѣйствиіи на него извѣстнаго лекарства: такъ и оратору прежде нужно уразумѣть различныя осо-

бенности душъ, чтобы правильно примѣнять къ нимъ свою рѣчь. Тогда только онъ можетъ судить о различныхъ родахъ краснорѣчія и о томъ, который изъ нихъ въ томъ или другомъ случаѣ будетъ имѣть на душу надлежащее дѣйствіе. Напротивъ, съ помощію одного искусства, ораторы идутъ повидимому не къ истинѣ, а къ правдоподобію, и бываютъ весьма довольны, если убѣждаютъ другихъ въ томъ, чего хотятъ сами. Но къ правдоподобному можно ли безбоязненно стремиться тому, кто напередъ не знаетъ справедливаго или истиннаго? Итакъ краснорѣчіе должно основываться на философіи и никакъ не смѣть позволять себѣ такихъ рѣчей, которыя не нравятся безсмертнымъ богамъ. Все это относится однакожь только къ произношенію рѣчи живымъ голосомъ; что же касается до искусства писать ихъ, то оно полезно лишь для припоминанія въ старости тѣхъ мыслей, которыя занимали нашу молодость. Въ отношеніи же къ изслѣдованію предмета, это искусство приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что ослабляетъ энергію ума и питаетъ въ немъ безпечность. Притомъ писанная рѣчь—все равно, что картина. Она изображаетъ предметы и представляетъ ихъ какбы живыми; а спроси ее объ основаніяхъ ея положеній, — будетъ отвѣчать все одно и то же, ничего не объясняя. Сказавъ это, Сократъ заключаетъ свою бесѣду молитвеннымъ обращеніемъ къ Пану и другимъ мѣстнымъ богамъ.

Смотря на такое содержаніе Федра и особенно обращая вниманіе на поэтическій характеръ его въ рѣчахъ о любви и о природѣ души, многіе критики почитали его раннимъ, какбы еще юношескимъ произведеніемъ Платона ума. Но эти основанія, по моему, недостаточны для выведенія подобнаго заключенія; ибо раскрытіе того же предмета служитъ содержаніемъ и нѣсколькихъ иныхъ діалоговъ Платона, которыя относятся безспорно къ позднѣйшимъ его сочиненіямъ. Что же касается до поэтическаго тона рѣчи, то его требовалъ самый предметъ, ра-

вно какъ и тотъ восторгъ Федра, съ которымъ онъ превозносилъ рѣчь Лизіаса и подъ который считалъ приличнымъ поддѣлываться Сократъ, говоря о до-мірной жизни душъ. Время, когда написанъ Федръ, гораздо лучше можетъ быть опредѣлено родомъ и степенью раскрытія содержащагося въ немъ ученія. Мы видимъ, что важнѣйшія положенія Платоновой философіи, на примѣръ, — о происхожденіи, природѣ и способностяхъ души, объ идеяхъ, объ истинномъ знаніи и проч., развиты въ немъ вполне и съ такимъ совершенствомъ, какое возможно было для философа не иначе, какъ въ зрѣломъ его возрастѣ. Притомъ Платонъ во второй произнесенной Сократомъ рѣчи явно пользуется представленіями школы пифагорейской и раскрываетъ ихъ такъ обстоятельно, что подобное знаніе о нихъ могъ онъ получить не прежде путешествія своего въ Сицилію и Великую Грецію (см. соч. Пл., т. 1, стр. 7). Мнѣніе Шлейермахера, Аста и др. о Федрѣ, какъ о произведеніи ума еще юнаго, не оправдывается и самою формою разговора. Планъ его обдуманъ такъ зрѣло и выполненъ съ такимъ искусствомъ, что юношѣ это было бы не по силамъ. Формальною своею стороною Федръ, безспорно, стоитъ выше многихъ лучшихъ Платоновыхъ сочиненій. Надобно сверхъ того обратить вниманіе и на поразительное сходство разсматриваемаго діалога съ Симпосіономъ или Пиромъ, и мы совершенно убѣдимся, что онъ написанъ былъ послѣ путешествія Платона въ Италію. Оба эти діалога, по содержанію, находятся въ такой близкой связи и зависимости, что составляютъ какбы двѣ части одного и того же сочиненія: ибо въ Федрѣ показывается, что ораторское искусство риторовъ и софистовъ не основывается ни на какихъ философскихъ началахъ, и двѣ рѣчи Сократа излагаются только какъ практическое доказательство того, что чуждая этихъ началъ рѣчь Лизіаса потому самому никуда не годится; а въ Симпосіонѣ, напротивъ, о томъ, что при чтеніи Федра представляется главнымъ, говорится только мимоходомъ, существенно же и осо-

бенно выпуклымъ предметомъ изслѣдованія является природа и сила философской любви, превосходно олицетворяемой въ Сократѣ. Изъ этого можно съ вѣроятностію заключить, что Федръ и Симпосіонъ написаны почти въ одно и то же время. Такому заключенію, повидимому, противорѣчатъ свидѣтельства Діогена Лаэртія (III, 35, 38) и Олимпіодора, что изъ сочиненій Платона прежде всѣхъ написанъ Федръ: но миѣніе ихъ, неопирающееся ни на какомъ историческомъ основаніи, можно признать справедливымъ только въ томъ смыслѣ, что Федромъ начинается рядъ діалоговъ, написанныхъ Платономъ по возвращеніи изъ путешествія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые свои разговоры онъ написалъ еще при жизни, а другіе вскорѣ послѣ смерти Сократа, когда ученіе, заключающееся въ Федрѣ, еще не было раскрыто имъ. Слѣдовательно приведенное свидѣтельство Лаэртиево и Олимпіодорова позволяетъ въ настоящемъ случаѣ принять за вѣрное только то, что Федръ написанъ прежде Симпосіона, но послѣ всѣхъ, такъ называемыхъ, сократическихъ разговоровъ. Впрочемъ, это заключеніе вытекаетъ и изъ другихъ соображеній. У Атенея (р. 500—1259) приводятся стихи комика Алексиса, который содержаніе ихъ приписываетъ Федру и какбы смѣется надъ понятіемъ Платона о любви. Но тѣ же самые стихи, и почти въ тѣхъ же словахъ, читаются и въ Платоновомъ Симпосіонѣ (р. 103 В sqq.). Слѣдовательно, когда написанъ былъ Симпосіонъ, Платоновъ Федръ уже существовалъ. Притомъ слова въ Симпосіонѣ (р. 182 А): *οὗτοι εἰσιν τὸ ὄνειδος τῶνκαίκοτες, ὡςτε καὶ τινα τοῦμᾶν λέγειν, ὡς αἰσχρὸν χρῆζεσθαι ἐρασταῖς*, явно указываютъ на тему Лизіасовой рѣчи въ Федрѣ. Но извѣстно, что Симпосіонъ изложенъ Платономъ въ 3 и 4 году 98 олимп., т. е. за 385 лѣтъ до Р. Хр. Посему надобно полагать, что Федръ вышелъ въ свѣтъ немного раньше этого времени, именно между 385 и 388 годами до Р. Хр.: ибо возвращеніе Платона изъ Сициліи и основаніе Академіи, по показанію Евсевіевой хроники, произошло въ 4 году 97 олимп.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ФЕДРЪ И СОКРАТЬ.

Сокр. А, любезный Федръ! куда и откуда ¹?

227.

Федръ. Отъ Лизіаса Кефалова ², Сократъ; иду прогулять-ся за городскою стѣною: вѣдь провелъ у него все время, съ самаго утра. А по дорогамъ прогуливаюсь потому, что исполняю предписаніе моего и твоего друга Акумена ³: онъ говоритъ, что прогулка тамъ не столь утомительна, какъ въ дромахъ ⁴.

В.

Сокр. Акуменъ говоритъ хорошо, другъ мой. Такъ Лизіасъ уже въ городѣ?

¹ *Куда и откуда? ποῦ δὴ καὶ πόθεν;* — обыкновенная формула вопроса при встрѣчѣ. Такъ и у Горация (Serm. 11, 4, 1): unde et quo tendis? или полнѣе (Serm. 1, 9, 62): unde venis et quo tendis? Употребленіе этихъ и подобныхъ словъ особенно нравилось позднѣйшимъ софистамъ, о которыхъ Аммианъ говоритъ (Epigr. 22. Anthol. graec. T. III, p. 97): ὦ ἴαθ' εἰ καὶ μὲν οὖν, καὶ ποῦ δὴ καὶ πόθεν, ὦ τᾶν, καὶ εὐχὰς, καὶ φέρει δὴ, καὶ κομιδῆ, καὶ ἴσι—ἐκ τούτων ἢ οὖν εὐδοκίμαί σοφία.

² *Отъ Лизіаса Кефалова.* Во всемъ Платоновомъ Федрѣ дѣло идетъ о Лизіасѣ—извѣстномъ греческомъ ораторѣ.

³ Акуменъ былъ знаменитый врачъ, современникъ Платона. Ксенофонтъ приписываетъ ему изреченіе: умѣренность есть лучшая приправа пирушки. (Memor. Xenoph. III, 13, 2).

⁴ *Дромы (δρόμοι)* у Грековъ были строенія для конскихъ бѣговъ и прогулокъ, — нѣчто въ родѣ крытыхъ галлерей (*Ruhnk. ad Sim. Gloss. p. 89*). Дромамъ здѣсь противопоставляются обыкновенныя загородныя дороги (δδοί).

Федръ. Да, у Эпикрата ¹, въ томъ домѣ Морихіаса ², что подлѣ олимпійскаго храма.

Сокр. Чѣмъ же вы тамъ занимались? Ужъ, конечно, Лизіасъ угощалъ васъ рѣчами.

Федръ. Узнаешь, если имѣешь досугъ идти и слушать меня.

Сокр. Какъ? развѣ ты думаешь, что для меня, говоря словами Пиндара ³, не выше и самаго недосуга слушать о твоей и Лизіасовой бесѣдѣ?

С. *Федръ.* Такъ иди же.

Сокр. Лишь бы говорилъ.

Федръ. Изволь, Сократъ. Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать ⁴; потому что предметъ нашей бесѣды, не знаю какъ-то, случился любовный. Лизіасъ, видишь, написалъ, какимъ образомъ одного красавца сманивалъ человѣкъ, въ него не влюбленный. Но хитрость-то именно въ слѣдующемъ: онъ

¹ Эпикратъ былъ риторъ и у современниковъ вошелъ въ поговорку необыкновенно большою бородою, за которую остроумные Греки называли его щитоносцемъ (*ταχιεφόρος*). "Αναξ ὑπὸνυς, Epikrates tachiephoros. Groen. v. Prinsler. Грозорогг. Plat. p. 114. Aristoph. Eccles. 71.

² *Морихіасъ* извѣстенъ былъ въ Афинахъ, какъ человѣкъ, любившій хорошо поѣсть и попить. Воздержаніе казалось ему добродѣтелью непонятною. Лучшими и обыкновенными его собесѣдниками были поэты, ораторы и софисты, которые однакожъ за его хлѣбосольство платили ему насмѣшками среди народной толпы. *Hermias* p. 68. Къ этимъ-то литературнымъ засѣданіямъ вокругъ стола, покрытаго отборными блюдами и чашами вина, примѣнено выраженіе: «впрочемъ явно, что Лизіасъ угощалъ васъ (*εἰστία*) рѣчами.

³ *Говоря словами Пиндара, не выше и самаго недосуга....* Слова Пиндара (*Isthm. 1, init.*) слѣдующія: *Μάτερ ἐμόν, τὸ τέον, χρυσάσι θύβα, πρῶμα καὶ ἀσχολίας ὑπέροτρον εἴσομαι;* т.-е.: «мать моя, златоцитная *Θύβα!* твое дѣло буду поставлять я выше самаго недосуга.»

⁴ *Да къ тебѣ-таки и идетъ послушать:* говорится потому, что Сократъ, сознавая свое невѣжество во всемъ прочемъ, почиталъ себя знатокомъ только искусства любить. «Я ничего не знаю, кромѣ любовныхъ дѣлъ (*τὰ ἐρωτικά*),» говаривалъ онъ (*Plat. Conviv. 177 D. 212 B*). (ократово искусство любить было тожественно съ философіею и состояло въ отклоненіи души отъ всего постыднаго, нечестиваго, нечистаго и низкаго, и въ обращеніи ея къ прекрасному, доброму и праведному. Это ученіе его раскрыто во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ. Впрочемъ см. *Heesd. Initia philosophiae platonicae. P. 1. p. 96 sqq.*

говорить, что должно быть благосклоннымъ болѣе къ тому, кто не любитъ, нежели къ тому, кто любитъ.

Сокр. О благороднѣйшій человекъ! еслибы онъ еще написалъ, что лучше быть благосклоннымъ къ бѣдному, чѣмъ къ богатому, лучше къ старику, чѣмъ къ молодому, и такъ о всемъ, что выгодно для меня и для многихъ изъ насъ! Д. Подобныя рѣчи какъ были бы любезны и полезны народу!¹ Теперь у меня такая охота слушать, что еслибы ты свою прогулку сдѣлалъ даже къ Мегарѣ и, дошедши до ея стѣны, по совѣту Иродика², предпринялъ обратный путь, то я тогда я не отсталъ бы отъ тебя.

Федръ. Что ты это говоришь, почтеннѣйшій Сократъ? Могу ли я, человекъ простой, по надлежащему припомнить все, что Лизіасъ, превосходнѣйшій изъ нынѣшнихъ писателей, сочинялъ долго и надосугъ? Куда ужъ мнѣ! хотя, конечно, я болѣе хотѣлъ бы этого, чѣмъ большаго богатства. 228.

Сокр. О Федръ! если я не знаю Федра, то забылъ и себя: но нѣтъ;—ни то, ни другое. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что, слушая рѣчь Лизіаса, онъ слушалъ ее не одинъ разъ, но приказывалъ повторять себѣ многократно, и Лизіасъ охотно повиновался. Ему и этого было мало: наконецъ онъ взялъ свитокъ, пересмотрѣлъ все, что особенно хотѣлъ, просидѣлъ надъ этою работою съ самаго утра и потомъ, клянусь собакою, изучивъ на память все сочиненіе, если только оно не слишкомъ длинно, и утомившись, какъ мнѣ кажется, пошелъ прогуляться. Пошелъ онъ за городскую стѣну, чтобы предаться размышленію, но встрѣтился

¹ *Полезны народу.* — Легкій намекъ на заботливость ораторовъ льстить толпѣ и угождать ея страстямъ, вопреки истинѣ и справедливости.

² *Эрміасъ* (р. 71) говоритъ, что Иродикъ, искусный врачъ, устроилъ за стѣною города (Аѣинъ), въ надлежащемъ отъ него разстояніи, гимназію, и предписывалъ своимъ адептамъ прогуливаться взадъ и впередъ между гимназіею и городской стѣною. Стало быть, смыслъ Платоновыхъ словъ—слѣдующій: хотя бы ты то же дѣлалъ между Мегарою и Аѣинами, что Иродикъ предписываетъ дѣлать между своею гимназіею и городской стѣною,—я и тогда не отсталъ бы отъ тебя.

съ человѣкомъ, который страдаетъ недугомъ слушанія рѣчей, увидѣлъ его, — увидѣлъ и, обрадовавшись, что найдетъ въ немъ такого же восторженника, приказалъ ему идти съ С. собою. Когда же этотъ любитель рѣчей сталъ просить его пересказать слышанное, — онъ началъ жеманиться ¹, какъ будто бы ему не хотѣлось; а кончилъ бы тѣмъ, что пересказалъ бы и насильно, еслибы не слушали его по доброй волѣ. Итакъ, сдѣлай теперь, Федръ, по моей просьбѣ то, что весьма скоро сдѣлаешь ты и безъ просьбы.

Федръ. Для меня и въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше пересказать тебѣ, какъ могу; и ты, кажется, не оставишь меня, пока я какъ-нибудь не кончу своего разказа.

Сокр. Да и очень справедливо тебѣ кажется.

D. *Федръ.* Я такъ и сдѣлаю. Но вѣдь слова-то, въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, я всего менѣе заучилъ; а мысли о томъ, какія преимущества на сторонѣ влюбленнаго и невлюбленнаго, замѣтилъ почти всѣ и, начиная съ первой, въ общихъ чертахъ и по порядку изложу тебѣ каждую.

Сокр. Покажи напередъ, любезный, что ты тамъ держишь въ лѣвой-то рукѣ, подъ плащемъ. Я догадываюсь, что это и есть у тебя та самая рѣчь. А если такъ, то вотъ какое имѣй о мнѣ понятіе: сколько я ни люблю тебя, но не допущу, чтобы ты училъ меня и въ присутствіи Лизіаса.

E. Ну-ка покажи.

Федръ. Перестань ², Сократъ. Ты лишаешь меня надежды испробовать надъ тобою свои силы. Но гдѣ же намъ расположиться для чтенія?

229.

¹ *Началъ жеманиться*—ἐξέρπτειτο. Глаголь ἐξέρπτειν весьма хорошо употребляется для выраженія пріемовъ кокетства, когда оно показываетъ видъ, будто не хочетъ того, чего ему хочется. *Dorville.* ad. *Charit.* p. 447. У насъ этому глаголу ближайшимъ образомъ соответствуетъ слово *ломаться*, только оно грубовато и получило значеніе нѣсколько обширнѣе того, какое въ этомъ мѣстѣ имѣетъ глаголь ἐξέρπτειν.

² *Перестань*, πᾶσι. Переводчики недоумѣваютъ, къ чему здѣсь повелительное πᾶσι, и мысленно прибавляютъ либо τοῦ λόγου, либо что другое. Но я думаю, что этимъ словомъ предполагается движеніе Сократа — взять свитокъ изъ рукъ Федра.

Сокр. Повернемъ сюда и пойдѣмъ по берегу Илисса ¹, а потомъ сядемъ себѣ въ тиши, гдѣ понравится.

Федръ. Кстати, кажется, случилось, что я босикомъ ²:— ты-то ужъ всегда такъ. Освѣжая ноги водою, мы будемъ идти съ большею легкостію и пріятностію, особенно въ это время дня и года.

Сокр. Иди же впередъ и смотри, гдѣ намъ сѣсть.

Федръ. Видишь ли тотъ высокій яворъ?

Сокр. Такъ что жъ?

Федръ. Подъ нимъ есть тѣнь и легкій вѣтерокъ; на той В. муравѣ мы можемъ сѣсть, а если захотимъ, то и лечь.

Сокр. Ступай же.

Федръ. Скажи мнѣ, Сократъ, не здѣсь ли то мѣсто на Илиссѣ, съ котораго, говорятъ, Борей похитилъ Ориѳію ³?

Сокр. Да, говорятъ.

Федръ. Такъ неужели здѣсь? Воды дѣйствительно пріятны, чисты и прозрачны; только что дѣвицамъ рѣзвиться въ нихъ.

Сокр. Не здѣсь, а ниже, — стадіи двѣ или три не доходя С. до храма Агреи ⁴. Тамъ, кажется, есть и жертвенникъ Борею.

Федръ. Что-то не замѣтилъ. Но скажи, ради Зевса, Сократъ, думаешь ли ты, что это преданіе справедливо?

¹ Илиссъ — небольшая рѣка, выходящая двумя ручьями изъ двухъ частей города Аѳинъ. Во время большихъ жаровъ онъ почти совсѣмъ пересыхалъ. *Strab.* IX, 1.

² Кстати, кажется, случилось, что я босикомъ. Для древнихъ Грековъ не казалось страннымъ иногда ходить босикомъ. У нихъ молодые и уже нѣсколько изнѣженные воспитаніемъ люди обували свои ноги въ башмаки, *иподѣмкта*, которыя у Римлянъ назывались *calcei cavi*; а державшіеся простыхъ обычаевъ старины, особенно философы, ходили босые. Сократъ вовсе никогда не обувался. *Salmas. ad Tertul. de pallio*, p. 415 seq. *Casaub. ad Theophr. Char.* 10, p. 134. Сравни *Plat. Conviv.* 174 A.

³ Мифологія древней Греціи повѣствуетъ, что Ориѳія, дочь аттического царя Эрехтея, однажды играя съ нимфами на берегу Илисса, была похищена Бореємъ и унесена во Фракію. Греки почитали Борея своимъ сосѣдомъ и воздвигли ему, какъ помощнику въ войнѣ, небольшой храмъ на берегу Илисса. *Herod.* VII, 189.

⁴ Агрея, или Агра, также Агротера — была Діана. Она получила это названіе отъ мѣстечка Агры, которое почитало ее домашнею своею богинею. *Ruhnk. ad Tim.* p. 223.

Сокр. Не было бы странно, еслибы я, подобно людямъ мудрымъ ¹, и не вѣрилъ ему. Умствуя, какъ они, я сказалъ бы, что Борей былъ вѣтеръ, который, когда Ориѳея рѣзвилась съ Фармакеєю ² на ближнихъ скалахъ, низвергъ ее оттуда. Это-то и подало поводъ говорить, что покойница увлечена Бореємъ,—иначе, съ Марсова холма ³; вѣдъ рассказываютъ и такъ, что онъ похитилъ ее не отсюда, а оттуда. Я думаю, Федръ, что для подобныхъ дѣтскихъ сказокъ (*χαρίετα*) нуженъ человекъ очень сильный, трудолюбивый и неслишкомъ избалованный счастиемъ,—по той единственно причинѣ, что, кромѣ сего, ему надобно еще трудиться надъ исправленіемъ вида иппокентавровъ, потомъ химеръ, Е. за которыми нахлынетъ цѣлая стая горгонъ, пегасовъ и другихъ необыкновенныхъ природъ, ужасающихъ своимъ множествомъ и своею уродливостію. Еслибы невѣрующій, пользуясь какою-то дикою мудростію ⁴, захотѣлъ баснѣ о каждомъ изъ этихъ чудовищъ придать нѣкоторое правдоподобіе; то ему понадобилось бы много досуга: а у меня для этого вовсе нѣтъ его,—причина та, другъ мой, что я еще не могу, по смыслу дельфійской надписи ⁵, познать само-

230. го себя; а вѣдъ смѣшнымъ представляется, не зная этого,

¹ Разумѣются нѣкоторые философы, занимавшіеся объясненіемъ и исправленіемъ мифологическихъ сказаній. Таковы были Гераклитъ, Анаксагоръ и многіе софисты. Языческимъ баснямъ они старались придавать смыслъ нравственный и видѣли въ нихъ однѣ аллегоріи. *Wolf. Prolegg. ad Homer. p. ССХІІ.*

² Фармакея — одна изъ наядъ, нимфа ручья, который назывался Фармакеєю. *Tim. Gloss., p. 268.*

³ "Н ἐξ Ἀρείου πάγου, т.-е. съ того самаго мѣста, на которомъ впоследствии находилось знаменитое аѳинское судилище, Ареопагъ.

⁴ Ἀγροίκῳ τινι σοφία χοῦμενος — т. е. мудростію, занимающеюся разсмотрѣніемъ дикихъ и низкихъ предметовъ. Отсюда *ἀγροικός* почитается синонимическимъ слову *ἀνελεύτερος* — необразованный, грубый. *Ruhnk. ad Tim. p. 13.* Подъ дикими и низкими предметами Платонъ, очевидно, разумѣетъ религиозныя предразсудки низшаго сословія.

⁵ Указывается на знаменитую надпись на воротахъ дельфійскаго Аполлонова храма: *γνώσεθε σεαυτὸν.* О происхожденіи ея см. *Protag. 343 A. В. Сн. Cicer. de Legg. 1, 22 et alib.*

изслѣдывать чужое. Итакъ, оставляя подобныя преданія въ покоѣ и вѣря тому, что о нихъ думаютъ, я, какъ сейчасъ сказано, рассматриваю не то, а себя, — звѣрь ли я, многосложнѣе и яростнѣе Тифона ¹, или животное кротчайшее и простѣйшее, носящее въ своей природѣ какой-то жребій божественности и незлобія. Но позволь мнѣ прервать свою рѣчь ², другъ мой; не это ли то дерево, къ которому ты вель насъ?

Федръ. Да, это самое.

В.

Сокр. Клянусь Ирою, прекрасное убѣжище! Этотъ яворъ очень развѣсистъ и высокъ; ростъ и тѣнь этого агнца ³ пре-

¹ Это — одно изъ замѣчательнѣйшихъ классическихъ мѣстъ Платоновой философіи. Въ немъ опредѣляется психологическая задача, или то, къ чему существенно должно быть направлено самопознаніе. Главная сила выраженія здѣсь въ словѣ *φύσει*, то-есть, какимъ существомъ надобно почитать человѣка по его природѣ, а не по случайнымъ проявленіямъ его дѣйствій. Словомъ *πολυπλοκώτερον* указывается не на то, что Тифона представляли съ головою, покрытою, вмѣсто волосъ, змѣями, — къ этому скорѣе имѣеть отношеніе *ἐπιτεθυμμένον*, а на то, что Тифону приписывали смѣшанный образъ человѣка и звѣря. Поэтому *θηρίῳ πολυπλοκώτερον* противоположно *ζῳον ἀπλούστερον*, а *θηρίῳ ἐπιτεθυμμένῳ* — *ἡμερώτερον*.

² Позволь прервать свою рѣчь, *μεταξὺ τῶν λόγων* — формула извиненія, когда кто хочет прервать рѣчь другаго. Штальбомъ почитается ее однозначущею съ французскимъ à propos: но мнѣ кажется, это вѣрно не во всѣхъ случаяхъ, а только тогда, когда она говорится безъ предлога *τῶν*, *μεταξὺ λόγων*, какъ у *Luciana*, *Deor. dialog. XX. 5. Contempl. 24. p. 221*; см. *Viger. de Idiot.*, p. 407.

³ Агнецъ непорочный, или просто агнецъ (*vitex*), есть душистое растение изъ рода кустарниковъ. Въ древности дѣвицы устилали имъ свои постели, для сохраненія чистоты и непорочности. *Eustath. in Odys. k. p. 367. 369.* Слѣдующія слова: *и какая сила цвѣта, καὶ ὡς ἀμὴν ἔχει τῆς ἀνθης*, надобно разумѣть въ значеніи именно силы, а не количества. Что же касается до *ὡς*, то Асть и Штальбомъ вовсе не справедливо принимаютъ его въ этомъ мѣстѣ за *ὅτι οὕτως*. Ἄκμῃ имѣетъ здѣсь смыслъ прилагательнаго, или причастія, т.-е. показываетъ высокую степень напряженія цвѣтности, какбы сказано было: *ὡς ἀκμῆτι*, или *ἀκμάζουσα ἐστὶ ἡ ἀνθῆ*. Поэтому *ὡς*, какъ обыкновенно предъ прилагательнымъ и нарѣчіемъ, соотвѣтствуетъ литинскому *quam* и служитъ къ усиленію значенія того имени, или нарѣчія, предъ которымъ поставляется, такъ что выраженію сообщаетъ почти тонъ восклицанія. Подобное мѣсто см. *Protag. p. 323 D: ὡς χάριν σοὶ ἔχω*. Слѣдующее за этимъ *ὡς ἄν*, кажется, не представляетъ никакого затрудненія: *ὡς* предъ глаголомъ значить *чтобы*; но такъ какъ послѣ него надлежало бы стоять наклоненію неокончательному, а смыслъ рѣчи требуетъ желательнаго, то къ *ὡς* прибавлено *ἄν*.

восходны, — и какая сила его цвѣта! Онъ можетъ распро-
странять благовоніе по всему мѣсту. Или опять, —этотъ те-
кущій изъ-подъ явора игривый источникъ столь холоденъ,
что вода его даже и для ноги ощутительна. Судя по дѣвическимъ
изображеніямъ и статуямъ ¹, можно полагать, что
С. это мѣсто было посвящено какимъ-нибудь нимфамъ и Ахе-
лою. Сверхъ того, если угодно, какъ пріятенъ и услади-
теленъ здѣсь вѣтерокъ! его лѣтній шелестъ вторитъ хору
кузнечиковъ. Но всего роскошнѣе эта мурава; легкая по-
катость ея обѣщаетъ склоненной головѣ удобное положеніе.
Отличный проводникъ ты, любезный Федръ!

Федръ. А ты-то, чудакъ, представляешься чрезвычайно
страннымъ. Ты просто говоришь такъ, что походишь не
на туземца, а на какого-нибудь иностранца, которому ну-
D. жень проводникъ ². Какъ-таки изъ города не отпра-
вляться въ окрестности и даже, кажется, вовсе не выходить за
его стѣну!

Сокр. Извини, почтеннѣйшій; я вѣдь любознательнень: но
поля и деревья не хотятъ ничему научить меня; а люди—въ
городѣ. Вотъ ты-то, кажется, нашелъ средство вывести ме-
ня за городъ; потому что ты, подобно тому, какъ ведутъ
за собою голодную скотину, показывая ей зеленую вѣтвь,
или какой-нибудь плодъ, показываешь мнѣ рѣчи въ свит-
E. кахъ и, повидимому, намѣренъ водить меня по всей Аттикѣ,
даже куда тебѣ угодно. Впрочемъ, пришедши теперъ сюда,
я думаю лечь; а ты, избравъ положеніе, удобнѣйшее для
чтенія, начинай читать.

¹ Ἀπὸ τῶν κορῶν τε καὶ ἀγαλμάτων. Ἀπό, по причинѣ, см. Matth. gramm. gr.,
p. 1180. Κόραи—восковья, деревянные, или каменные фигуры дѣвическихъ
лицъ, вѣроятно, были нѣчто въ родѣ каменныхъ бабъ, служившихъ могиль-
ными памятниками въ южной Россіи и Сибири. См. Записки одесск. общ.,
т. I, стр. 174. *Rubnk.* ad Tim., p. 165 sqq. Ἀγάλματα—изображенія въ честь
нимфамъ и Ахелюу, ib. p. 6. sq.

² Которому нуженъ проводникъ: эта мысль заключается въ словѣ ξενου-
μέωφ, которое означаетъ иностранца, при обзорѣ чужой страны, имѣю-
щаго нужду въ проводникѣ. *Rubnk.* ad Tim. p. 180. sq.

Федръ. Такъ слушай.

«О моихъ дѣлахъ ты знаешь ¹ и, какъ я думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Надѣюсь, что ты не отвергнешь моей просьбы — именно ^{231.} потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умолкаетъ, раскаяваются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ; а у невлюбленныхъ нѣтъ времени, въ которое надлежало бы имъ раздумывать;—оттого что они всего лучше заботятся о домашнемъ, дѣлаютъ добро не по необходимости, а произвольно ², сколько позволяютъ имъ силы. Притомъ влюбленные наблюдаютъ, что худаго вышло у нихъ чрезъ любовь и что сдѣлали они хорошаго, и присоединя къ этому понесенныя хлопоты, думаютъ, что ихъ любимцамъ В. давно уже воздана должная благодарность. Напротивъ, невлюбленные, по этому самому, не могутъ ни поставлять предлогомъ нерадѣніе о домашнихъ, ни считать понесенныя хлопоты, ни искать въ этомъ причинъ размовки съ

¹ Такъ начинается рѣчь, которую Платонъ выдаетъ за сочиненіе Лизіаса. Но дѣйствительно ли она сочинена Лизіасомъ, или должна быть почитаема пародіею, написанною самимъ Платономъ? Такъ какъ, кромѣ тридцати-четырехъ политическихъ рѣчей этого афинскаго оратора, до насъ не дошло никакихъ другихъ его сочиненій; то предложенный вопросъ можетъ быть приблизительно разрѣшенъ только на основаніи древнихъ свидѣтельствъ. Свидѣтельствуетъ, что Лизіасъ написалъ семь писемъ: одно дѣловое (*πραγματικόν*), а прочія любовныя (*ἔρωτικὰς*), и пять изъ нихъ къ мальчикамъ. Имѣя въ виду это свидѣтельство и вмѣстѣ обращая вниманіе на начало и окончаніе изложенной у Платона рѣчи, мы не безъ правдоподобія можемъ почитать ее однимъ изъ любовныхъ писемъ Лизіаса. Эта догадка подтверждается и особенностями языка въ приписываемомъ Лизіасу сочиненіи. Въ немъ отъ начала до конца — все софистическое. Ораторъ говоритъ рѣшительно, но безъ основанія; выражается красиво, но безъ связи; щеголяетъ фразою, а мысль темна и неопредѣленна; часто употребляетъ частицы *ἐτι δὲ* и *καίτι* въ началѣ періодовъ, между тѣмъ какъ въ нихъ нерѣдко повторяются прежнія мысли. Притомъ у него почти непрерывный *ὁμοιοτέλευσις*, или подборъ словъ, ровно и однообразно падающихъ на концѣ фразъ, чего у Платона нигдѣ не находимъ. Впрочемъ, мы не будемъ настаивать на своемъ мнѣніи, если скажутъ, что Платонъ, какъ отличный мимикъ, могъ поддѣлаться подъ тонъ и языкъ Лизіаса.

² Не по необходимости, а произвольно. Подъ необходимостію, *ἀνάγκη*, ораторъ разумѣетъ слѣпое стремленіе любви дѣлать добро любимому человѣку. De Rep. V, p. 468 D.

ближними; такъ что, отклонивъ столько золъ, имъ не остается ничего болѣе, какъ усердно дѣлать все, что признаютъ они для себя пріятнѣйшимъ. Притомъ опять, если С. влюбленныхъ надобно высоко цѣнить потому, что они, какъ говорятъ, слишкомъ любятъ тѣхъ, въ кого влюблены, и что, въ угодность своимъ любимцамъ, готовы словомъ и дѣломъ ненавидѣть всѣхъ прочихъ; то легко понять, что тѣ же самые влюбленные, если слова ихъ справедливы, каждаго изъ будущихъ своихъ любимцевъ предпочтутъ настоящимъ, и даже, если тотъ захочетъ, причинять имъ зло. Да и какъ можно подобное дѣло ввѣрять человѣку, впадъ D. шему въ столь великое несчастье ¹, что его никакой опытный человѣкъ не могъ бы отвратить? Вѣдь они и сами признаются, что болѣе страдаютъ, чѣмъ мыслятъ здраво, и, зная худое состояніе своихъ мыслей, не имѣютъ силы владѣть собою. Какъ же могутъ здравомыслящіе почитать хорошимъ то, чего желаютъ такіе больные? Къ тому жъ, еслибы ты захотѣлъ избрать самага лучшаго изъ влюбленныхъ, то избиралъ бы изъ немногихъ; а избирая изъ прочихъ, кто для тебя пригоднѣе, будешь избирать изъ многихъ. Но гораздо болѣе надежды встрѣтить человѣка достойнаго дружбы въ толпѣ многочисленной.

«Если же ты боишься установившагося закона ², какъ бы, то-есть, люди, узнавъ объ этомъ, не стали поносить тебя; то влюбленные, думая, будто и другіе завидуютъ имъ, какъ сами они—другъ другу, вѣроятно, съ высокоуміемъ 232. расскажутъ и тщеславно откроютъ всѣмъ, что они не даромъ хлопотали: напротивъ, невлюбленные, будучи лучше

¹ Подобное дѣло, тоютоу прѣума, цвѣтуцій возрастъ дѣтства. Человѣкъ, впадшій въ великое несчастье, — влюбленный, который, не смотря ни на какую опытность, не считаетъ этого несчастья зломъ и не старается отвращать его.

² Ты боишься установившагося закона, τὸν νόμον τὸν καθιεστηκότα δέδοικα. Подъ выраженіемъ, νόμος καθιεστητός, разумется не политическій законъ, а принятыя обычаи, или такъ называемый у древнихъ νόμος ἤθητικός. Legg. VIII, p. 845. Gorg. 512 B.

ихъ, вмѣсто людской молвы, выберутъ самое лучшее ¹. И еще, влюбленныхъ по необходимости замѣчаютъ, видя, какъ они и съ какою заботливостью ² слѣдуютъ за любимцами; такъ что, когда имъ случится разговаривать между собою въ виду людей,—всѣ думаютъ, что разговоръ у нихъ либо о прошедшей, либо о будущей страсти: напротивъ, невлюбленныхъ никто не станетъ винить за бесѣду, зная, что нужно же говорить о дружбѣ, или о какомъ иномъ удовольствіи. Притомъ, если страшить тебя мысль, что нашей дружбѣ трудно быть постоянною, и что, въ случаѣ нашего разлада, хотя бы и отъ другой причины, мы оба подвергнемся неприятностямъ; то еще болѣе, конечно, долженъ ты страшиться влюбленныхъ, представляя, что потеря всего для тебя драгоцѣннаго нанесетъ величайшій вредъ тебѣ одному. Вѣдь они огорчаются всякою бездѣлкою и думаютъ, что все направлено къ ихъ вреду; а потому удаляютъ своихъ любимцевъ отъ обращенія съ другими, боясь, что они найдутъ въ комъ-нибудь либо богача, который превосходитъ ихъ своими деньгами, либо ученаго, который выше ихъ по уму, — вообще опасаются силы каждаго, кто приобрѣлъ какое-нибудь благо. Внушая тебѣ держаться вдали отъ подобныхъ людей, они поставляютъ тебя внѣ дружескаго общества: а когда ты, имѣя въ виду свое, станешь подумывать лучше ихъ, — выдетъ размолвка. Напротивъ, тѣ, которые выиграли желаемое дѣло не любовью, а добродѣтелью, не будутъ завидовать обращающимся съ тобою людямъ, а возненавидятъ нежелающихъ этого—въ той мысли, что послѣдніе оказываютъ тебѣ презрѣніе, а первые—услужливость. Слѣдовательно, есть надежда, что отсюда произойдетъ гораздо болѣе дружескихъ, чѣмъ враждебныхъ чувствованій.

Е.

¹ Самое лучшее, т. е. полезное для любящаго и для любимаго чловѣка.

² Съ какою заботливостью, *ἐργον ποιούμενους*. Выраженіе: *ἐργον τι ποιῆσαι*, значитъ—находиться въ хлопотахъ, исполнять трудное, хлопотливое дѣло. Тим. 27 А. Хелорѣ. Hieron. IX, 10. Впрочемъ, въ этомъ смыслѣ гораздо чаще употребляется слово *πρῶμα*, какъ напр. Мен. 76 А.

«Сверхъ того, многіе изъ влюбленныхъ получаютъ страсть къ тѣлу, прежде чѣмъ узнали нравъ и развѣдали о другихъ свойствахъ; такъ что имъ еще неизвѣстно, за-
 233. хотять ли они остаться друзьями и тогда, когда страсть умолкнетъ. Что же касается до невлюбленныхъ, то и прежде, бывъ дружны, они дѣлали это; а потому невѣроятно, чтобы ихъ дружбу уменьшило такое дѣло, изъ котораго для нихъ проистекаетъ удовольствіе: скорѣе она останется памятникомъ для будущаго. Къ тому жъ, ввѣрившись мнѣ, ты, должно быть, сдѣлаешься лучше, чѣмъ ввѣрившись влюбленному; потому что влюбленные, кромѣ истинно хорошаго, хвалятъ всякое слово и дѣло, частію изъ боязни быть отвергнутыми, а частію оттого, что подъ влияніемъ стра-
 В. сти и сами-то хуже понимаютъ. Вѣдь любовь показываетъ вещи такъ: несчастнымъ она представляетъ въ мрачномъ видѣ и то, что въ другихъ не возбуждаетъ никакой скорби; а счастливыхъ заставляетъ хвалить и недостойное удовольствія. Посему о любимыхъ гораздо приличнѣе жалѣть, чѣмъ завидовать имъ. Если же ты ввѣришься мнѣ, то я буду обращаться съ тобою, не служа только настоящему удовольствію, но думая и о будущей пользѣ, не подчиняясь
 С. любви, но владея собою, не ссорясь сильно за бездѣлицу, но гнѣваясь легко и лѣнливо даже за проступки важные, прощая невольныя преступленія и стараясь отклонить отъ произвольныхъ. Все это будетъ ручаться за долговременность нашей дружбы. Если же тебѣ кажется, что дружба не можетъ быть прочна безъ любви; то замѣть, что мы не доро-
 Д. жили бы, слѣдовательно, ни сыновьями, ни отцами, ни матерями, и не имѣли бы вѣрныхъ друзей, съ которыми соединяемся не этою страстію, а иными отношеніями. При томъ, если должно быть благосклоннымъ особенно къ людямъ, имѣющимъ нужду; то изъ прочихъ приличнѣе дѣлать добро не самымъ лучшимъ, а тѣмъ, которые болѣе нуждаются; потому что за избавленіе себя отъ величайшаго зла они воздадутъ и величайшую благодарность. Стало

быть, на частный праздникъ надобно приглашать не друзей, а просителей и людей, имѣющихъ нужду въ утоленіи голода: они будутъ и ласкать тебя, и ухаживать за тобою, и провожать тебя до дверей, и обнаруживать тебѣ свое удовольствіе, и выражать немалую благодарность, и желать всѣхъ благъ. Впрочемъ, слѣдуетъ быть благосклоннымъ къ людямъ, можетъ быть, не слишкомъ нуждающимся, а къ тѣмъ, которые имѣютъ болѣе возможности благодарить тебя, не къ любящимъ только, а къ стоящимъ дѣла, и не къ тѣмъ, которые будутъ наслаждаться твоею красотою, а къ тѣмъ, которые подѣлятся съ тобою своимъ имуществомъ, когда ты постарѣешь. Это—не тѣ, что, сдѣлавши дѣло, будутъ хвастаться предъ другими, а тѣ, что, удерживаясь стыдомъ, постараются предъ всѣми хранить молчаніе. Это—не кратковременные твои угодники, а друзья, неизмѣнные во всю жизнь. Оставивъ страсть, они не будутъ искать предлога къ ссорѣ, но увядшей красотѣ станутъ выражать свою добродѣтель. Помня все, доселѣ сказанное, замѣть и то, В. что влюбленныхъ друзья вразумляютъ, такъ какъ они позволяютъ себѣ дѣйствительно злое дѣло; а невлюбленныхъ никто изъ домашнихъ и никогда не бранить, что будто бы, то-есть, чрезъ это они дѣлаютъ себѣ зло.

«Можетъ быть, ты спросишь меня, всѣмъ ли невлюбленнымъ я совѣтую тебѣ оказывать благосклонность: но вѣдь и влюбленный, думаю, не приказываетъ тебѣ быть одинаково расположеннымъ ко всѣмъ влюбленнымъ; потому С. что и здравое размышленіе не позволяетъ почитать каждаго достойнымъ равной благосклонности, да и невозможно тебѣ успѣть въ своемъ желаніи—скрыться отъ другихъ. Надобно, чтобы изъ этого дѣла не вытекало никакого вреда, и чтобы польза была обоюдная. Теперь я сказалъ все, что, по моему мнѣнію, сказать надлежало: если же ты желаешь еще чего, что считаешь пропущеннымъ, то спрашивай.»

Что, Сократъ, какъ тебѣ кажется рѣчь? Не правда ли, что чрезвычайная по всему, а особенно со стороны языка? D.

Сокр. Геніальная, другъ мой! я пораженъ, и притомъ ради тебя, Федръ, смотря, какъ ты во время чтенія будто таялъ отъ рѣчи. Бывъ увѣренъ, что такія вещи извѣстиѣе тебѣ, чѣмъ мнѣ, я слѣдовалъ за тобою; а слѣдуя за твоею восторженною головой, и самъ приходилъ въ восторгъ.

Федръ. Ну, ты ужъ, кажется, шутишь?

Сокр. Какъ? думаешь, я шучу, а не серьезно говорю?

Е. *Федръ.* Вовсе нѣтъ, Сократъ. Но, ради Зевса, покровителя дружбы ¹! скажи по правдѣ, кажется ли тебѣ, что кто-нибудь другой изъ Грековъ можетъ рассуждать о томъ же предметѣ болѣе и лучше?

Сокр. Что? значить, я и ты должны теперь хвалить эту рѣчь уже не за одну ясность, круглоту и точность выраженій, но и за то, что писатель сказалъ въ ней все нужное? Если надобно, сдѣлаемъ тебѣ это удовольствіе, хотя послѣдняго свойства въ ней я, по своему тупоумію, не замѣтилъ. Вѣдь мое вниманіе, точно, было обращено на одну ораторскую ея сторону: а въ томъ-то отношеніи ² и самъ Лизіасъ, думаю, не призналъ бы себя достаточнымъ. Да и дѣйствительно; мнѣ показалось, Федръ, если ты не иначе понимаешь дѣло, что Лизіасъ объ одномъ и томъ же говорить два-три раза: значить, онъ неслишкомъ способенъ рассуждать объ одномъ и томъ же много; развѣ, можетъ быть, и не заботился объ этомъ. Повидимому, онъ забавлялся, стараясь показать, что умѣетъ объ одномъ и томъ же говорить такъ или иначе, и въ обоихъ случаяхъ отлично.

¹ Ради Зевса, покровителя дружбы, προς Διὸς φίλου. См. Euthyphr. p. 6 B. Gorg. p. 519 E.

² По-гречески: τῷ γὰρ ρητορικῇ αὐτοῦ μόνῳ τὸν νοῦν προσεῖχον, τοῦτο δε.... Асть переводить это мѣсто совсѣмъ иначе; а потому считаю нужнымъ замѣтить, что частица γὰρ соединяетъ здѣсь причинно предъидущее συγχεριστέον χάριν съ послѣдующимъ τὸν νοῦν προσεῖχον, что слова τῷ ρητορικῇ αὐτοῦ μόνῳ τὸν νοῦν προσεῖχον говорятъ Сократъ по собственному своему, а не по софистическому понятію о риторикѣ, то-есть дѣломъ риторики почитаетъ не фразу, а правильное сочетаніе мыслей, и что поэтому слѣдующее τοῦτο δὲ надобно относить не къ дальнѣйшему το τὰ δέοντα λέγειν, а къ ближайшему τὸ ρητορικόν.

Федръ. Пустяки, Сократъ; это-то особенно и слѣдуетъ В. взять въ расчетъ. Лизіасъ въ своемъ предметѣ не упустилъ изъ виду ничего, о чемъ стоило сказать; такъ что къ сказанному имъ невозможно прибавить что-либо иное, достойное большей и длиннѣйшей рѣчи.

Сокр. Все еще не могу повѣрить тебѣ. Если я соглашусь съ тобою, то меня обличать мудрые мужчины и женщины древности, говорившіе и писавшіе о томъ же предметѣ.

Федръ. Кто же это? гдѣ ты слышалъ что-нибудь лучше С. этого?

Сокр. Вдругъ теперь сказать не могу; но явно, что отъ кого-то слышалъ, — либо отъ прекрасной Сафо, либо отъ мудраго Анакреона, либо отъ котораго-нибудь повѣствователя. Но къ чему догадки? грудь моя какъ-то полна, почтенинѣйшій, — и я чувствую, что самъ, кромѣ сказаннаго, могу сказать иное и не хуже. А такъ какъ самому мнѣ никогда бы не придумать подобныхъ мыслей, — это дѣло извѣстное, сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ; то остается, думаю, заключить, что я почерпнулъ ихъ изъ какихъ-то чужихъ источниковъ и чрезъ слухъ влилъ ихъ въ себя, какъ в. въ сосудъ, а потомъ, по тупости памяти, и забылъ, какъ и отъ кого слышалъ ихъ.

Федръ. Прекрасно сказано, благороднѣйшій человѣкъ. Но если, не смотря на мою просьбу, ты не можешь припомнить, отъ кого и какъ слышалъ свои мысли, то сдѣлай же, что говоришь: обѣщайся, не повторяя написаннаго въ этомъ свиткѣ, сказать ¹ о томъ же предметѣ иное, что было бы лучше и не менѣе; а я обѣщаю, по примѣру девяти архонтовъ ², поставить въ Дельфахъ золотое во весь ростъ Е. изображеніе не только самого себя, но и тебя.

¹ *Общай сказать, ὑποσχέσθαι εἰπεῖν.* Ὑποσχέσθαι, очевидно, — ошибка переписчика. Мнѣ кажется, можно бы безъ затрудненія исправить это слово по Ven. *Ἐ ἔτερα ὑποσχέσθαι.* Если же надобно приблизиться къ буквальному чтенію его въ прочихъ спискахъ, то хорошо бы читать *ὑπόσχου σοι.*

² Девять архонтовъ, получивъ верховную власть надъ Аттикою, клялись

Сокр. Ты—прелюбезный и какъ будто въ самомъ дѣлѣ золотой Федръ, когда понимаешь мои слова такъ, что Лизіасъ во всемъ ошибся и что, вмѣсто всего этого, можно сказать другое. Такой неудачи не случается, думаю, и съ самымъ плохимъ писателемъ. Примѣръ—тутъ же, въ самомъ содержаніи рѣчи. Кто говоритъ, что лучше быть благосклоннымъ къ нелюбящему, нежели къ любящему, тотъ упуститъ ли, думаешь, изъ виду хвалить благоразуміе одного и порицать безуміе другаго? Вѣдь это необходимо,—и неужели тутъ можно высказать нѣчто иное? Нѣтъ, я полагаю, что это-то надобно допустить и простить говорящему. Въ подобныхъ рѣчахъ должно хвалить не изобрѣтеніе, а расположеніе: напротивъ, гдѣ такой необходимости не представляется и гдѣ изобрѣтеніе было трудно, тамъ, кромѣ расположенія, цѣнится и изобрѣтеніе.

Федръ. Соглашаюсь съ твоимъ мнѣніемъ; потому что ты говоришь послѣдовательно. Скажу же и я такъ: даю тебѣ В. предложеніе, что любящій страдаетъ болѣе нелюбящаго,—и если ты скажешь объ этомъ что-нибудь иное, большее и достойное большаго развитія, чѣмъ сказалъ Лизіасъ; то стоять тебѣ вычеканеннымъ въ Олимпіи, близъ священнаго приношенія Кипселидовъ ¹.

Сокр. Ты серьёзничаешь, Федръ, полагая, что я, по по- С. воду твоей любви, рѣшился шутить надъ тобою; ты-таки думаешь, что я и въ самомъ дѣлѣ намѣренъ сказать нѣчто другое, болѣе разнообразное, чѣмъ сказалъ мудрый Лизіасъ.

Федръ. Что касается до этого, другъ мой, то ты набѣ-

всенародно, что будутъ строго исполнять законы республики и не нарушать ихъ ни за какіе подарки: въ противномъ случаѣ, нарушитель, вмѣсто штрафа, долженъ будетъ, для умиловленія Аполлона и за спасеніе Аеннана, поставить въ Дельфахъ золотую съ себя статую. *Muret. varr. lectt. VIII, 18. Plut. Solon. c. 25. VI p. 367.*

¹ Въ Олимпіи стояла чеканенная статуя Зевса, посвященная ему сынами коринтскаго тиранна Кипселоса. *Strab. VIII. T. III. p. 128, 262. Aristot. Polit. V, 11.*

жалъ на свою же ловушку ¹: тебѣ не остается ничего бо-
лѣе, какъ говорить, сколько можешь. А чтобы избавиться
отъ необходимости вымышлять грубыя остроты комиковъ ²
и мѣняться ими, то поберегись и не заставь меня повторить
собственныя твои слова: «Если я, Сократъ, не знаю Со-
крата, то забылъ и себя;» также: «хотѣлъ бы говорить, да
жеманится.» Подумай-ка, вѣдь мы не уйдемъ отсюда, пока
ты не выскажешь всего, чѣмъ, какъ признался, полна твоя
грудь. Здѣсь мы одни въ пустомъ мѣстѣ; я сильнѣе и мо- D.
ложе тебя: такъ изъ всего этого ты поймешь смыслъ мо-
ихъ словъ. Не дожидайся же принужденія, лучше говори
по охотѣ.

Сокр. Эхъ, почтенивѣйшій Федръ! вѣдь я покажусь
смѣшнымъ, когда съ своимъ простоуміемъ и безъ приго-
товленія буду состязаться съ отличнымъ писателемъ.

Федръ. Знаешь ли что? перестань притворяться предо
мною; вѣдь у меня едва ли нѣтъ чего-то, что сказавши, я
заставлю тебя говорить.

Сокр. Да не скажешь.

Федръ. Такъ скажу же: вотъ тебѣ честное слово! Даже
клянусь тебѣ—кѣмъ? которымъ богомъ? ну хочешь,—этимъ E.
яворомъ, а? Не произнеси ты рѣчи въ сравненіе съ Лизіа-
совою,—никогда никакой другой и ничьей не покажу тебѣ
и не прочитаю.

¹ Ты набѣжалъ на свою же ловушку, *eis tās hmoias labās ēllhlydas* — по-
словица, взятая отъ бойцовъ. *Phileb.* p. 13 B. *Ἀνέναι eis tās hmoias labās.*
Plut. *Arophthegm.* 186 D. *Ἀλκιβιάδης ἐτι παῖς ὦν ἐλήφθη λαβὴν ἐν παλαιστρα,*
καὶ μὴ δυνάμενος διαφυγεῖν ἔδωκε τὴν χεῖρα τοῦ καταπαλαιοντος. Смыслъ этой по-
словицы соотвѣтствуетъ выраженію: ты самъ подаль поводъ. *Plat. Legg.*
682 E: *καὶ ὁ λόγος ἡμῖν οἷον λαβὴν ἀποδίδωσιν.* *Aristoph.* *Equitt.* 837: *ἐπειδὴ*
σοὶ λαβὴν δέδωκεν. *Aristid.* *Oratt.* 1. T. II. p. 111: *οὐκ eis tās ἴσας labās*
ἤχομεν.

² *Tō tōn χωροδόν φορτικὸν πρᾶγμα.* *Φορτικὸν πρᾶγμα*—грубость, ругательство.
Древніе комики, для увеселенія зрителей, выводили на сцену лице въ родѣ
нашихъ паяцовъ и заставляли ихъ потчивать другъ друга грубыми остро-
тами. Федръ указываетъ здѣсь на прежній свой разговоръ съ Сократомъ
p. 228—С.

Сокр. Ахъ злодѣй! умѣлъ же найти средство заставить любителя рѣчей исполнять свою волю!

Федръ. Ну, какъ еще увернешься 1?

Сокр. Какъ болѣе, если ужъ ты такъ поклялся? Могу ли удержаться отъ такого лакомства?

237. *Федръ.* Говори же.

Сокр. Знаешь ли, что я сдѣлаю?

Федръ. Что такое?

Сокр. Буду говорить, закрывъ глаза ², чтобы какъ можно скорѣе кончить и чтобы, не смотря на тебя, не заикаться отъ стыда.

Федръ. Только говори; а тамъ дѣлай, что хочешь.

Сокр. Придите же, о музы Лигиі ³, получившія это прозваніе либо отъ вида своихъ пѣснопѣній, либо отъ музыкальнаго поколѣнія Лигурійцевъ,—придите и помогите мнѣ начать свое слово ⁴, къ произнесенію котораго принуж-

¹ *Ti dēta ēχων στρέφει*; глаголь *στρέφειν* значитъ хитрить и увертываться въ рѣчи; напр., *Aristoph. Acharn. v. 393: τί ταῦτα στρέφει, τεχνάζεις τε καὶ πορίζεις τριβάς*; что ты такъ вертишься, хитришь и плодишь рѣчь?

² Этими словами Сократъ хочетъ сказать, что онъ не безъ стыда приступаетъ къ разсужденію о чувственной и низкой страсти, которую Лизіасъ называетъ любовію, и что, говоря о такомъ предметѣ, онъ стыдится смотреть прямо въ глаза даже Федру, любителю подобныхъ рѣчей.

³ *Ἄγετε δὲ, ὦ Μούσαι λιγυαί*. Слово *λιγύς*, какъ имя нарицательное, значитъ—острый, вигливый, крикливый, также гармоническій; а какъ собственное,—Лигуріецъ. Древніе поэты весьма часто называли музъ Лигіями въ томъ смыслѣ, что онѣ даютъ бытіе гармоніи звуковъ. Такъ, напримѣръ, Стизихоръ (*Eustath. II. α. p. 10*): *Δεῦρ' ἄγε, Καλλιόπεια λιγυαί; ἄγε Μῶσα λιγυαί*. Но *λιγύς* прилагаето было и къ сиренамъ (*Hom. Odys. XII, 44*), а иногда означало просто крикливость голоса (*Eustath. ad. II. v. 1040. 48*), либо хитрость и увертливость лица говорящаго (*Hom. Iliad. 1, 248*). Пользуясь такою многозначительностью слова *λιγύς*, Платонъ, съ цѣлію посмѣяться надъ пустословіемъ и софистическими уловками Лизіаса, котораго рѣчь должна служить для него предметомъ подражанія, свое воззваніе къ музамъ—*ὦ Μούσαι λιγυαί*—употребляетъ, кажется, въ одномъ изъ послѣднихъ значеній. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что слово *λιγύς* онъ производитъ также и отъ имени Лигуріецъ; а Лигурійцы, безъ особенной способности къ музыкѣ, были такіе охотники пѣть, что даже и во время войны—одна часть ихъ сражалась, а другая пѣла. *Hermias. p. 81. Schol. p. 314.*

⁴ *Помогите мнѣ начать свое слово, Ξύμ μοι λάβετε τοῦ μύθου*, вмѣсто *ξυλάβετέ μοι τοῦ μύθου*. Такое отдѣленіе предложной частицы отъ глагола явно

дасть меня этотъ превосходный человѣкъ. Пусть другъ его, В. и прежде казавшійся ему мудрымъ, теперь покажется еще мудрѣе.

Итакъ былъ себѣ мальчикъ, или лучше, изнѣженный ребенокъ ¹, очень красивый. Его окружало великое число друзей, изъ которыхъ одинъ отличался особенною хитростію. Любя мальчика, какъ и другіе, онъ увѣрялъ, что не любить его, и однажды началъ доказывать, что къ не любящему надо имѣть больше благосклонности, чѣмъ къ любящему. Вотъ, что говорилъ онъ:

У людей, приступающихъ съ размышленіемъ къ какому-нибудь совѣщанію, мальчикъ, всегда одно и то же нача- С. ло—узнать, о чемъ будетъ совѣщаніе; а иначе погрѣшности неизбѣжны. Между тѣмъ многіе и не замѣчаютъ, что имъ неизвѣстно существо каждаго изъ предметовъ. Почитая себя знатоками, они не хотятъ при самомъ началѣ понять силу вопроса, и оттого впослѣдствіи поплачиваются, т.-е. бываютъ несогласны ни съ самими собою, ни съ другими. Итакъ, я и ты не должны подвергаться тому, въ чемъ упрекаемъ прочихъ; но, когда предложенъ намъ вопросъ, кого лучше избрать себѣ другомъ—любящаго или нелюбящаго, мы обязаны напередъ условиться въ понятіи, что такое любовь и въ чемъ состоитъ она, а потомъ, принявъ это понятіе за основаніе, смотря и ссылаясь на него, изслѣдо- D. вать, полезна ли она, или вредна.

Всякій знаетъ, что любовь есть нѣкоторая страсть; извѣстно также, что страсть къ прекрасному свойственна и нелюбящему: итакъ, чѣмъ отличить любящаго отъ нелюбящаго? Надобно замѣтить, что въ каждомъ изъ насъ есть

настраиваетъ рѣчь на тонъ поэтической, хотя нельзя согласиться съ Гейндорфомъ и Стефаномъ, будто эти слова заимствованы у какого-нибудь поэта, тѣмъ болѣе, что и все это начало рѣчи отпечатлѣно характеромъ эпической высокопарности, да и самая рѣчь названа шуточно эпическимъ словомъ *μῦθος*.

¹ *Изнѣженный ребенокъ, μαρμαρίστος Atticis usurpatur de molli et pathetico potissimum adolescente. Vid. Oudendorp. ad. Thom. Magn. p. 604. Heindorfius.*

господствующія и руководительныя идеи, которыхъ вожденію мы повинуемся: одна—врожденная страсть къ удовольствіямъ, другая—пріобрѣтенное мнѣніе, влекущее къ наилучшему¹. Эти идеи у насъ бываютъ то согласны, то враждебны между собою, и иногда одна изъ нихъ беретъ перевѣсъ, иногда другая. Если пересиливаетъ мнѣніе и разумно ведетъ человѣка къ наилучшему, то такому перевѣсу мы даемъ имя разсудительности; а когда овладѣваетъ имъ страсть и несмысленно влечетъ его къ удовольствіямъ,—управляющую имъ силу называемъ необузданностію (*ὑβρις*).

238. Впрочемъ, необузданность имѣетъ много названій; потому что она многочисленна и разнообразна: и какой изъ ея видовъ въ человѣкѣ особенно выказывается, такое получаетъ онъ и имя, а названія хорошаго и почтеннаго не удостоивается. Напримѣръ, страсть къ ѣдѣ, получая перевѣсъ надъ расположеніемъ къ наилучшему и надъ всѣми другими страстями, называется обжорствомъ и сообщаетъ свое имя

В. тому, кто ее имѣетъ. Явно также, какое названіе даетъ человѣку господствующая страсть къ пьянству, когда она управляетъ имъ. Вообще очевидно, какія должны быть сродныя съ этими имена сродныхъ съ этими страстей, когда которая-нибудь изъ нихъ становится владычествующею. Причина, почему предварительно говорится о всемъ этомъ,

¹ Съ перваго взгляда не видно, почему начало, увлекающее насъ къ наилучшему, Платонъ называетъ пріобрѣтеннымъ мнѣніемъ, *ἐπίκτητος δόξα*. Но должно замѣтить, что здѣсь говорится о взаимныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку; а эти отношенія опредѣляются законами общества, то-есть мнѣніями; мнѣнія же пріобрѣтаются воспитаніемъ и опытами. Однакожь отчего они увлекаютъ къ наилучшему и почему противуполагаются страсти къ удовольствіямъ? Платонъ учитъ, что какъ страсти, такъ и мнѣнія суть выраженія двухъ природъ нашей души, *τοῦ λογιστικοῦ καὶ τοῦ ἐπιθυμητικοῦ* (Polit. IV, 439 D), слѣдовательно, должны стремиться къ тому, къ чему направляются тѣми самыми природами. Но *τὸ λογιστικὸν καὶ τὸ ἐπιθυμητικὸν* въ стремленіяхъ противуположны; стало быть, и выраженія ихъ, *ἐπιθυμία ἠδονῶν* и *ἐπίκτητος δόξα*, должны быть также взаимно противуположными: *ἡ ἐπιθυμία* ищетъ частнаго удовольствія, *ἡ δόξα* блюдетъ и уважаетъ общее благо; потому что первое *ἀλόγιστον*, а послѣднее *διανοίως ἀποτελεῦται*. Sophist. p. 264 A.

явствуетъ почти сама собою: сказанное какъ-то яснѣе того, что не сказано. Страсть, чуждая ума и получившая перевѣсъ надъ мнѣніемъ, стремящимся къ правому, страсть, влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляющаяся отъ втеченія ¹ въ нее другихъ, сродныхъ съ нею страстей, направленныхъ къ красотѣ тѣлесной, страсть побѣждающая вожденіемъ и заимствовавшая свое имя отъ самой силы (*ῥώμη*), — эта страсть есть любовь.

Не замѣчаешь ли и ты, любезный Федръ, какъ я, что во мнѣ дѣйствуетъ божественное вдохновеніе?

Федръ. Въ самомъ дѣлѣ, Сократъ, ты, противъ обыкновенія, такъ и увлекаешься какимъ-то потокомъ рѣчи.

Сокр. Слушай же меня и молчи. Видно, это мѣсто дѣйствительно священное; а потому не удивляйся, если, въ продолженіе своей рѣчи, я и часто буду плѣнникомъ нимфы ². Вѣдь и теперь-то сказанное почти уже звучитъ диэирамвомъ.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. А все ты причиную. Однакожь слушай далѣе, иначе наитіе, пожалуй, и оставитъ меня. Да объ этомъ пусть печется Богъ; а мое дѣло — продолжать бесѣду съ мальчикомъ.

¹ *Страсть, влекущаяся къ удовольствію красоты и сильно укрѣпляющаяся отъ втеченія.* ἐρρωμένως ῥωτᾷται. Эти слова, равно какъ и слѣдующія: νικήσασα ἀγούγῃ, чрезвычайно затрудняютъ Аста, Шлейермахера и Штальбома, такъ что весь этотъ періодъ Платонова текста они считаютъ очень испорченнымъ. Желая возстановить его, Штальбомъ слово ἐρρωμένως изгоняетъ изъ текста, а νικήσασα измѣняетъ на κενήσασα или λινθηθεῖσα. Напротивъ, по моему мнѣнію, тутъ нѣтъ ничего затруднительнаго. Слова ἐρρωμένως ῥωτᾷται прекрасно выражаютъ быстрое возрастаніе страсти, будто рѣки, отъ притока въ нее другихъ страстей. Притомъ Штальбомово κενήσασα никакъ не можетъ стоять безъ винительнаго падежа. Но всего страннѣе переводъ Шлейермахера; онъ переводитъ: erhält (Begierde) von ihrem Gegenstande der Liebe (sic!) den Namen und wird Liebe genannt. Тутъ нѣтъ и похорога на правду.

² *Буду пленникомъ нимфы, Νυμφόληπτος γένωμαί.* Въ Греціи вѣрили, что кому случится увидѣть въ ручьѣ образъ нимфы, тотъ непременно придетъ въ восторгъ. Такихъ-то счастливецъ Греки называли Νυμφόληπτος, а Римляне Lymphaticos. *Pollux.* Tom. 1. p. 14 *Circr.* Obsevrv. III. 12.

Хорошо, мой милый; теперь предметъ нашего совѣщанія высказанъ и опредѣленъ. Будемъ же, смотря на него, говорить о прочемъ, то-есть, оказывающей благосклонность что полезнаго или вреднаго получить отъ любящаго и отъ не любящаго.

Кто покорствуеетъ страсти и служить удовольствію, тому необходимо сдѣлать своего любимца для себя самымъ пріятнымъ. Большому же все пріятно, что не противится; а что лучше его или равно ему, то враждебно. Поэтому любящій не потерпитъ, чтобы его любимецъ былъ либо лучше его, либо равенъ ему, но приготовить въ немъ лице
 239. ниже и хуже себя. А ниже умнаго бываетъ невѣжда, ниже мужественнаго—трусъ, ниже говоруна—безсловесный, ниже быстраго—медленный. Если въ любимцѣ находится столько, или болѣе умственныхъ недостатковъ, частію пріобрѣтенныхъ, частію врожденныхъ; то любящій послѣднимъ необходимо радуется, а первые старается скорѣе приготовить, чѣмъ лишиться настоящаго удовольствія. Такимъ образомъ онъ непремѣнно бываетъ завистливъ и становится причи-
 В. ною великаго вреда, запрещая любимцу входить во многія полезныя сообщества, чрезъ которыя онъ могъ бы развиться въ мужа, — а еще болѣе вредитъ ему, запрещая тѣ собесѣдованія, чрезъ которыя онъ развилъ бы свой умъ. Такова именно божественная философія: отъ ней любящій непремѣнно гонитъ прочь своего любимца, боясь, какъ бы онъ не одумался. Вся его забота клонится къ тому, чтобы послѣдній ничего не зналъ и чтобы, видя только любящаго, для него былъ самымъ пріятнымъ, а для себя самымъ вред-
 С. нымъ. Итакъ, что касается до ума, то человѣкъ, одержимый любовію, есть попечитель и товарищъ ни къ чему не годный.

Послѣ этого надобно разсмотрѣть, каково попеченіе его о состояніи тѣла, какъ заботится о покорномъ себѣ тѣлѣ тотъ, для кого необходимо пріятное предпочитать доброму. Мы увидимъ, что онъ преслѣдуетъ какого-нибудь нѣжненькаго,

а не черстваго, воспитаннаго не подь солнечными лучами, а въ густой тѣни, не знакомаго съ мужскими трудами и сухимъ потомъ ¹, но привыкшаго къ нѣжной и женоподобной жизни, украшающагося чужими красками и косметическими средствами, за недостаткомъ собственныхъ, и любящаго все въ этомъ родѣ. Дѣло ясное, о которомъ не стоитъ болѣе и говорить. Мы опредѣлимъ это одною общою чертою и потомъ перейдемъ къ другому. То-есть, при взглядѣ на подобное тѣло, какъ на войнѣ, такъ и въ иныхъ нужныхъ и важныхъ случаяхъ, враги дѣлаются смѣлѣе, а друзья и сами любящіе робѣютъ. Истина ясная; оставимъ ее.

Теперь слѣдуетъ сказать, какую пользу или вредъ доставляетъ сообщество и попеченіе любящаго по отношенію Е. къ имуществу любимца. Всякому безъ сомнѣнія извѣстно, а особенно любящему, что онъ болѣе всего желалъ бы видѣть своего любимца лишеннымъ самыхъ милыхъ, самыхъ добрыхъ и самыхъ божественныхъ стяжаній, то-есть, желалъ бы видѣть его безъ отца, безъ матери, безъ родственниковъ и друзей, которыхъ считаетъ помѣхою себѣ и укоромъ за сладкое съ нимъ обращеніе. Что же касается до большихъ денегъ, или другаго имѣнія, то владѣющій этимъ, ^{240.} думаетъ онъ, не легко уловляется, а если и пойманъ, то не легко дѣлается ручнымъ. Оттого любящій по всей необходимости завидуетъ любимцу, когда онъ богатъ, и радуется, когда онъ лишился имѣнія. Кромѣ того, ему хотѣлось бы, чтобы любимецъ его какъ можно долѣе оставался безбрачнымъ, бездѣтнымъ и бездомнымъ; потому что онъ желаетъ какъ можно долѣе наслаждаться пріятностію своего обращенія съ нимъ.

Есть тутъ много и другихъ золъ; но какой-то демонъ примѣшалъ къ нимъ удовольствіе въ настоящемъ, подобно В.

¹ Сухимъ потомъ, ἰδρώτων ξερών. Греки сухимъ потомъ называли тотъ, который возбуждается трудами и гимнастическими упражненіями, и противоположали его поту, производимому ванною. Svidas. It. Lens. Observ. in Plat. p. 320.

тому, какъ къ лести—страшному звѣрю и великой гибели, природа примѣшала какую-то тонкую пріятность. Можно порицать площадную женщину, какъ существо вредное; можно порицать и иное подобное тому въ нашей всякой всячинѣ ¹, чтò, однакожъ, ежедневно доставляетъ намъ особенное наслажденіе: но любящій для любимца не просто вреденъ; онъ и по ежедневному обращенію съ нимъ всего C. несноснѣе. Вѣдь есть старинная пословица, что возрастъ возрасту радъ ²,—потому, думаю, что равенство лѣтъ, располагая людей къ подобнымъ удовольствіямъ, чрезъ то раждаетъ въ нихъ дружбу: впрочемъ, и ихъ связь все-таки наконецъ насыщается. Но что сказать о необходимости, которая считается тяжелою для всякаго и во всемъ? А между тѣмъ ею-то особенно, кромѣ неравенства лѣтъ, любящій связываетъ любимца. Старикъ, обращаясь съ молодымъ, добровольно не оставляетъ его ни днемъ ни ночью, но воз- D. буждается необходимостью и тревогою такой страсти, которая, посредствомъ непрестаннаго прилива удовольствія, направляетъ къ любимцу и его зрѣніе, и слухъ, и осязаніе, и всѣ чувства, такъ что, прильнувъ къ нему, онъ — всецѣло къ его услугамъ. И при всемъ томъ, послѣдній-то какое получаетъ отсюда утѣшеніе, какую радость, чтобы подобное препровожденіе времени не надоѣло ему до-крайности? Какая радость смотрѣть на старое и некрасивое лице, обставленное всѣмъ прочимъ, о чемъ и говорить и слу- E. шать неприятно, да еще, по требованію необходимости, и прикасаться къ нему? Что за удовольствіе остерегаться ка-

¹ *Во нашей всякой всячинѣ* — τῶν θρημάτων τε καὶ ἐπιτηδεύματων. Θρέματα τε καὶ ἐπιτηδεύματα соотвѣтствуютъ русской поговоркѣ: «ложка и плошка». У Грековъ эти слова имѣли также силу пословицы.

² *Возрастъ возрасту радъ* — ἡλικία τέρπει τὸν ἡλικία. Эту пословицу Схолиастъ (914) выражаетъ слѣдующимъ стихомъ:

ἡλιξ ἡλικία τέρπει, γέρον δέ τε τέρπει γέροντα.

У Римлянъ соотвѣтствуетъ ей: *similis simili gaudet*; а у насъ: свой своему поневоле другъ, или: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

раульныхъ, подсматривающихъ за нимъ всегда и въ отноше-
 нии ко всѣмъ, слушать неблаговременныхъ и приторныхъ
 хвалителей, или принимать укоризны, которыя и отъ трез-
 ваго несносны, а отъ пьянаго, кромѣ того, еще срамны;
 потому что пьяный позволяетъ себѣ невыносимую и слиш-
 комъ откровенную дерзость?

Притомъ влюбленный, пока любить, бываетъ вреденъ и
 непріятенъ, а оставивъ любовь, въ послѣдствіи становится
 еще невѣрнымъ въ отношеіи къ тому, котораго прежде
 едва могъ удерживать въ несносномъ обращеніи съ собою 241.
 множествомъ клятвъ и просьбъ, соединенныхъ со многими
 обѣщаніями и питавшихъ надежду на будущія блага. Въ
 то время, когда эти обѣщанія надлежало бы выполнить,
 онъ, вмѣсто любви и неистовства, находитъ въ себѣ дру-
 гаго начальника и повелителя ¹, то-есть умъ и разсудитель-
 ность, и, перемѣнившись, забываетъ о любимцѣ. Послѣдній,
 разговаривая съ нимъ, будто съ прежнимъ, напоминаетъ
 ему о всѣхъ дѣлахъ и словахъ и требуетъ себѣ благодар-
 ности; а онъ отъ стыда и сказать не смѣетъ, что перемѣ-
 нился, да и не знаетъ, какъ теперь, подъ руководствомъ
 ума и разсудительности, выполнить клятвы и обѣщанія тог-
 дашней безумной власти,—какъ сдѣлать прежнее, не дѣла-
 ясь похожимъ на прежняго и опять — тѣмъ же самымъ.
 Такимъ образомъ, вотъ онъ и бѣглець. Не связываясь бо-
 лѣе необходимостію страсти, бывший любовникъ измѣняется
 и бѣжитъ,—марка перевернулась ²; а тотъ съ негодовані-

¹ *Находитъ въ себѣ другаго начальника.* Я принимаю здѣсь чтеніе: μεταβα-
 λων ἄλλον ἄρχοντα, а не μεταλαμβάνων, какъ читаютъ Беккеръ и Астъ; потому
 что μεταβάλλειν τι значитъ перемѣнять что-нибудь безъ сознанія, или подвер-
 гаться перемѣнѣ, что именно и случается съ любовникомъ, когда страсть
 умолкаетъ; а μεταλαμβάνειν τι значитъ перемѣнять что-нибудь сознательно,
 т.-е. умышленно производить перемѣну. Такое употребленіе этихъ глаголовъ
 см. de Rep. IV, p. 424 C. ib. VII, p. 335 D. ib. X, p. 620 A. Eurip. Iphig.
 Aul. v. 343. Plat. Polit. p. 246. Phileb. p. 21 C.

² *Марка перевернулась* — δατράκου μεταπεσούτος, — пословица, означающая
 внезапную перемѣну. Она взята отъ игры, называвшейся δατράκινδα, или
 δατράκου περιτροφή, которая состояла въ томъ, что дѣти, раздѣлившись на

емъ и проклятiями преслѣдуетъ его, вовсе не знавъ сначала, что надобно оказывать благосклонность не тому, кто любить С. и неизбѣжно бываетъ безуменъ, а лучше тому, кто не любить, да имѣетъ умъ: въ противномъ случаѣ, ему придется отдать себя человѣку невѣрному, брюзгливому, завистливому, непрiятному, вредному, и для имѣнiя и для состоянiя тѣла, а еще болѣе вредному въ отношенiи къ образованiю души, драгоценнѣе которой нѣтъ и не будетъ ничего ни для людей, ни для боговъ. Тебѣ, мальчикъ, надобно замѣтить и узнать то, что дружба любовника не соединена съ благожеланiемъ, но служитъ ему къ насыщенiю, какъ пища.

Д. Какъ волки любятъ ягнiтъ, такъ любовники мальчиковъ любятъ.

Вотъ и все, Федръ; болѣе не услышишь отъ меня; здѣсь да будетъ конецъ моей рѣчи.

Федръ. А вѣдь я думалъ, что она на половинѣ, что ты будешь говорить еще о благосклонности къ нелюбящему и покажешь происходящiя изъ этого выгоды. Зачѣмъ же остановился, Сократъ?

Е. *Сокр.* Замѣтилъ ли ты, почтеннѣйшiй, что я говорю уже героическими стихами, а не диѳирамвами, даже и при порицанiи ¹. Такъ что же мнѣ, по твоему мнѣнiю, придется

двѣ половины, бросали вверхъ остракинду (остракинда съ одной стороны была наведена смолою, съ другой выполирована) и, смотря по тому, которою стороною ложилась она къ верху, одна партiя дѣтей должна была бѣжать, а другая догонять ее. *Herm.* p. 90 Schol. ad. Polit. VII, p. 521 C.

¹ *Я говорю уже героическими стихами, а не диѳирамвами — даже и при порицанiи.* — Смыслъ рѣчи слѣдующiй: если и при порицанiи я говорю уже не диѳирамвами, въ которыхъ поэтъ излагаетъ собственныя свои чувствованiя (de Rep. III, p. 494 C), слѣдственно можетъ и хвалить и порицать, — а героическими стихами, основывающимися на подражанiи (ib.), слѣдственно имѣющими цѣлю прославленiе героев (de Rep. II, p. 379 A); то что придется мнѣ дѣлать, когда я начну хвалить другаго? То-есть, Сократъ началъ тономъ диѳирамвическимъ (см. выше p. 238 D), окончилъ же рѣчь стихомъ эпическимъ; а дѣло-то все еще въ порицанiи: какой же высшiй тонъ принять для похвалы? Развѣ, можетъ быть, сами нимфы вдохновятъ меня? говоритъ онъ.

дѣлать, когда я начну хвалить другаго? Развѣ ты знаешь, что нимфы, которыхъ вліянію я умышленно подвергнуть тобою, сами ясно вдохновяютъ меня? Скажу коротко: за что мы порицали одного, противное тому находится въ другомъ. Къ чему много словъ? Довольно сказано объ обоихъ;—пусть моя рѣчь потерпитъ то, что слѣдуетъ ей потерпѣть. Теперь, 242. я перехожу на другой берегъ рѣки, прежде чѣмъ ты принудишь меня къ чему-нибудь большому.

Федръ. Только не прежде. Сократъ, чѣмъ пройдетъ зной, Развѣ не видишь, что почти полдень, и притомъ такъ называемый жгучій ¹? Подождемъ же здѣсь и поговоримъ о прежнемъ предметѣ; а когда будетъ прохладнѣе,—пойдемъ домой.

Сокр. Если дѣло зайдетъ о рѣчахъ, то ты, Федръ,—божественный, просто дивный человѣкъ. Мнѣ кажется, изъ всѣхъ произнесенныхъ въ твое время рѣчей, никто не произвелъ ихъ столько, сколько ты, либо самъ говоря, либо В. какимъ-нибудь образомъ заставляя говорить другихъ. Исключаю изъ счета одного Симміаса еивскаго ²; прочіе же далеко ниже тебя. Вотъ и теперь опять ты, кажется, будешь причиною того, что я скажу нѣчто въ родѣ рѣчи.

Федръ. О, это не объявленіе войны ³! Но какъ и что такое скажешь ты?

Сокр. Лишь только я подумалъ, мой милый, перейти

¹ Почти полдень, и притомъ такъ называемый жгучій, *ὡς σχεδὸν ἡδὴ μεσημβρία ἵσταται ἢ δὴ καλουμένη σταθερά.* Эту фразу многіе филологи не безъ причины почитаютъ испорченною. Вмѣсто *ἡδὴ μεσημβρία*, или, по другимъ спискамъ, *ἢ δὴ μεσημβρία*, кажется, лучше бы читать *νῦν δὴ μεσημβρία ἵσταται*; а послѣдующее *ἢ δὴ* кстати бы перемѣнить на *καὶ δὴ*. Что же касается словъ: *καλουμένη σταθερά*, то Астъ не безъ основанія замѣчаетъ, что *σταθερά* современнымъ капризомъ языка могло быть произведено отъ глагола *σταθεύειν*—жечь, и имѣло силу поговорки, какъ у насъ: жгучій полдень.

² Объ этомъ Симміасѣ и Кевисѣ — ученикахъ Сократа см. *Plat. Crit.* p. 45 В, а особенно *Phaed.* p. 85 С, гдѣ первый изъ нихъ представляется ревностнымъ изслѣдователемъ истины.

³ О, это не объявленіе войны, *οὐ πόλεμον γε ἀγγέλλεις*, — поговорка, выражающая радость при какомъ-нибудь пріятномъ извѣстіи. *Steph. annot. ad. h. l. Phaedri.* Схолиастъ p. 315: *οὐ πόλεμον ἀγγέλλεις — ἐπὶ τῶν ἀγῶν ἀγγελλόντων*

черезъ рѣку, вдругъ мнѣ—то божественное, столь привычное знаменіе ¹; а оно всегда удерживаетъ меня, какъ скоро я располагаюсь что-нибудь сдѣлать. Даже будто послышался въ то мгновеніе и какой-то голосъ ², запрещающій переходить, прежде чѣмъ очишусь отъ грѣха противъ божества. Видно, и я провѣщатель,—конечно неважный, однакожь, какъ и плохіе грамотѣи, для себя одного достаточный. Теперь хорошо знаю свой грѣхъ. Такъ вотъ, другъ мой, и душа есть нѣчто провѣщающее. Меня что-то тревожило и тогда еще, какъ я говорилъ рѣчь; меня, по примѣру Д. Ивика, коробила мысль ³, какъ бы не приобрѣсть чести отъ

¹ *Вдругъ мнѣ — то божественное, столь привычное знаменіе, τὸ δαιμόνιον τε καὶ τὸ εἰωθὸς σημεῖον.* На это τὸ δαιμόνιον, или τὸ δαιμόνιον σημεῖον, Сократъ ссылается во многихъ разговорахъ Платона. Извѣстно также, что это τὸ δαιμόνιον подало поводъ врагамъ Сократа обвинять его предъ судомъ въ религиозномъ расколѣ (*Plat. Apol.* p. 31 D). Но какъ изъ другихъ мѣстъ, напр. *de Rep.* VI, p. 496 C, гдѣ читается: τὸ δαιμόνιον σημεῖον, *Euthyd.* p. 272 E. *Theag.* p. 129 B, гдѣ сказано: τὸ εἰωθὸς σημεῖον τὸ δαιμόνιον, такъ и изъ приведенныхъ словъ въ Федрѣ видно, что Сократово τὸ δαιμόνιον было не божество, а нѣчто божественное, не существительное имя, а прилагательное. Впрочемъ, и Цицеронъ говоритъ о немъ (*de divin.* 1, 54): *esse divinum quiddam, quod daemonium appellat, cui semper pareat.* Касательно слѣдующихъ затѣмъ словъ см. прим. къ *Апол.* Сокр. p. 31. Для филологовъ считаю нужнымъ замѣтить, что въ приведенномъ текстѣ: τὸ εἰωθὸς σημεῖον, — τὸ въ *Flor.* с. опущено,—и это чтеніе, очевидно, вѣрнѣе.

² Удерживаясь своимъ τῷ δαιμονίῳ отъ совершенія нѣкоторыхъ поступковъ, или принимая отъ него наставленія отрицательныя, Сократъ могъ почитать его въ этомъ отношеніи руководителемъ философскимъ, то-есть голосомъ ума, который обыкновенно живѣе и яснѣе сознаетъ не то, что мы должны, а то, чего не должны дѣлать. Но когда потомъ онъ прибавляетъ, что ему даже послышался какой-то голосъ, запрещающій уходить, не очистившись отъ грѣха противъ божества; то этимъ уже указываетъ на положительное внушеніе, или ограниченіе души и, для отличенія отъ философскаго, называетъ его пророческимъ.

³ Ивикъ, современникъ Поликрата, жилъ на островѣ Самосѣ и написалъ семь книгъ стихотвореній (*μελῶν*) на дорійскомъ нарѣчій. Нѣкоторые отрывки его сочиненій собраны Урсиномъ и Стефаномъ. Но имя Ивика передано потомству не столько его сочиненіями, сколько пословицею: Ивиковы журавли. Попадывая въ руки разбойниковъ и готовая къ смерти, Ивикъ призывалъ въ свидѣтели случайно летѣвшихъ журавлей. Злодѣи посмѣялись надъ нимъ и убили его. Но черезъ нѣсколько времени послѣ того, сидя на площади въ толпѣ народа, они увидѣли журавлей и, забывшись, сказали: вотъ доносчики о смерти Ивика. Близъ сидѣвшіе, услышавъ это, схватили ихъ, и убійство

людей цѣною заблужденія касательно боговъ. Теперь чувствую свой грѣхъ.

Федръ. Такъ что же ты скажешь?

Сокр. Ужасную рѣчь, Федръ, ужасную! Ты самъ подаль поводъ и заставляешь меня говорить ее.

Федръ. Какъ такъ?

Сокр. Безумную и нѣсколько нечестивую¹; а такой рѣчи что можетъ быть ужаснѣе?

Федръ. Конечно ничто, если только говоришь правду.

Сокр. Да какъ же? Эроса не признаешь ли ты сыномъ Афродиты и однимъ изъ боговъ?

Федръ. Полагають.

Сокр. Но полагаеть не Лизіасъ, и не твоя рѣчь, которую ты произнесъ моими, обвороженными тобою устами. Е. Если Эросъ есть то, что дѣйствительно есть,—именно богъ, или нѣчто божественное; то онъ — не какое-нибудь зло. Между тѣмъ въ обѣихъ своихъ рѣчахъ мы представили его чѣмъ-то злымъ. Стало быть, въ отношеніи къ нему наши рѣчи согрѣшили. И глупость-то ихъ довольно еще тонка: не заключая въ себѣ на самомъ дѣлѣ ни здраваго смысла, ни уваженія къ истинѣ, онѣ еще тщеславились собою, будто дѣльныя, и обманывали насъ, какъ людей ничтожныхъ. 243 И такъ, мнѣ необходимо очиститься, другъ мой. Древній же способъ очищенія тѣхъ, которые погрѣшили въ ученіи о богахъ, извѣстенъ былъ не Омиру, а Стизихору. Лишен-

открыто. *Hoffmann.* Lexicon. v. Ибус. Этому-то Ивику Сократъ приписываетъ изреченіе, что не должно пріобрѣтать чести отъ людей цѣною заблужденія касательно боговъ.

¹ *Безумную и нѣсколько нечестивую*,—*εὐφρο καὶ ὑπὸ τὴ ἀσεβείᾳ*. Слово *εὐφρο* значитъ собственно простякъ, человѣкъ недалежнаго ума, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ означается и человѣкъ благонравный. См. *Phavor.* въ *εὐφρο*. Выраженіе *ὑπὸ τὴ* однозначительно съ латинскимъ *prope modum* и, подобно послѣднему, употребляется отрѣшенно. *Gorg.* p. 493. *Aristoph.* *Vesper* 1281. *Ecclesiaz.* 1062. Греки говорили также: *ὑπὸ τὴ μικρόν*. См. *interpr.* ad *Strabon.* T. 11, p. 209, ed. Tiedem. Предполагаемую рѣчь Сократъ называетъ нечестивою — конечно потому, что въ ней философское созерцаніе должно вознестись выше народныхъ вѣрованій язычества.

ный зрѣнія за то, что порицалъ Елену, Стизихоръ не былъ такъ недогадливъ, какъ Омиръ ¹, но, обладая талантомъ музыкальнымъ, тотчасъ узналъ причину своего несчастія и немедленно сказалъ:

Нѣтъ, мой невѣренъ стихъ;

Ты на разубранный корабль не восходила,

В. Въ Пергамъ троянскій не плыла.

И написавъ всю, такъ называемую палинодію, онъ вдругъ прозрѣлъ. Въ настоящемъ случаѣ я буду умнѣ ихъ именно тѣмъ, что, не ожидая, пока понесу наказаніе за порицаніе Эроса, постараюсь произнести ему палинодію — уже съ открытою головою, а не какъ прежде, закрывшись отъ стыда.

Федръ. Для меня, Сократъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе этихъ словъ.

Сокр. Значить, и ты тѣхъ же мыслей, добрый мой С. Федръ, что наши рѣчи—моя и прочитанная тобою въ свиткѣ—обѣ безстыдны. Еслибы какой-нибудь благородный человѣкъ кроткаго нрава, любящій кого-нибудь, или нѣкогда любимый, случайно услышалъ отъ насъ, что любовники за бездѣлицу платятъ величайшею ненавистію и своимъ любимцамъ завидуютъ и вредятъ; то какъ не подумалъ бы, что онъ слышитъ людей, воспитанныхъ, вѣроятно, между матросами ², которые не имѣютъ истиннаго понятія о любви D. благородной, и какъ согласился бы съ нами въ томъ, въ чемъ мы порицаемъ Эроса?

¹ О Стизихорѣ имерейскомъ, изобрѣтателѣ τῶν παιδικῶν, или παιδιῶν, см. *Mohr'sche Geschichte der Litteratur*. Т. I, р. 304 sq. Платонъ сравниваетъ двухъ поэтовъ-слѣпцовъ, Стизихора и Омира, предполагая, что оба они поражены слѣпотою за порицаніе Елены; только Стизихоръ скоро одумался и написалъ палинодію, отчего и возвратилъ зрѣніе, а Омиръ этого не сдѣлалъ. См. *Isocr. Helen*. р. 245, ed. Bekk.

² Словіе матросовъ у Грековъ и Римлянъ почиталось самымъ грубымъ и необразованнымъ, См. *Intergr. ad Athenaeum VI*, р. 254 В. р. 174, гдѣ приводятся слова Теопомпа: πλήρεις εἶναι τὰς Ἀθήνας διονυσιοκόλων, καὶ ναυτῶν, καὶ λωποδύτων κ τ. λ. Читай и Платона *Legg. IV*, р. 704 sqq. Гораций говоритъ: (Sat. V, 4): Inde forum Appi differtum nautis, cauponibus atque malignis.

Федръ. Можетъ быть, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Итакъ, стыдясь подобнаго человѣка и боясь Эроса, я хочу горечь прежнихъ нелѣпостей заглушить сладостію новаго слова. Совѣтую и Лизіасу какъ можно скорѣе написать, что, ради подобныхъ побужденій, надобно оказывать благосклонность болѣе любящему, чѣмъ нелюбящему.

Федръ. Повѣрь, что такъ и будетъ. Когда ты скажешь похвальное слово любовнику, я непременно заставлю и Ли-Езіаса написать рѣчь о томъ же предметѣ.

Сокр. Вѣрю, пока ты будешь тотъ же кто теперь ¹.

Федръ. Такъ говори смѣло.

Сокр. Но гдѣ тотъ мальчикъ, къ которому я обращался? Надобно, чтобы онъ слушалъ меня; въ противномъ случаѣ, пожалуй, поспѣшитъ оказать благосклонность нелюбящему.

Федръ. Онъ очень близко возлѣ тебя—всякій разъ, когда пожелаешь.

Сокр. Итакъ, замѣть, прекрасный мальчикъ, что прежняя рѣчь принадлежитъ Федру Питоклову изъ Мирринунта; а теперь я произнесу слово Стизихора Евфимова, Имерейца ². Оно гласитъ такъ:

Та рѣчь несправедлива, которая говоритъ, что когда

¹ *Пока ты будешь тотъ же, кто теперь*, ἕωςπερ ἂν ᾖς ὅς εἶ. Здѣсь ὅς употреблено вмѣсто οἷος, потому что Платонъ указываетъ не на свойство Федра, а на самую его природу, по которой онъ—страстный любитель прекрасныхъ рѣчей. Примѣры такого употребленія ὅς собраны у Гейндорфа къ этому мѣсту Федра.

² Древніе писатели вообще любили примѣнять значеніе собственныхъ именъ къ содержанию рѣчи. Такъ здѣсь первую рѣчь Платонъ приписываетъ Федру, т.-е. человѣку, увлекающемуся пріятною наружностію предмета (φαιδρός). Федръ называется сыномъ Питокла, т.-е. искателя славы (πειδοκλής отъ πείθω и κλέος). Притомъ онъ изъ Мирринунта, т.-е. какбы любить покоиться на миртахъ (отъ μυρρίνης), подобно человѣку извѣженному и праздному. См. Polit. II, 372 В. Напротивъ, вторая рѣчь, должнаствующая имѣть характеръ лирической и религиозной, приписывается Стизихору, т.-е. установителю хора (отъ στάω или ἱστανεῖ и χορός), сыну Евфимову, т.-е. человѣку благочестивому, или благонамѣренному (отъ εὖ и φιλία), родомъ имерейцу, т.-е. посвященному въ таинство любви (ἰμέρω). О стараніи древнихъ

есть любовникъ, надобно быть болѣе благосклоннымъ къ нелюбящему,—надобно будто бы потому, что первый находится въ состояннн изступленія, а послѣдній—въ здоровомъ умѣ. Это было бы сказано хорошо, еслибы изступленіе мы могли почитать просто зломъ: но оно иногда бываетъ даромъ Божиимъ, и въ этомъ случаѣ становится источникомъ В. величайшихъ благъ. Напримѣръ, хотъ бы дельфійская пророческая и додонскіе жрецы, находясь въ состояннн изступленія, дѣлали весьма много добра и частнымъ людемъ, и вообще Греціи, а въ состояннн спокойнаго размысленія—или мало, или вовсе ничего. Еслибы мы стали говорить о Сивиллѣ и другихъ, которые, обладая божественнымъ даромъ пророчества ¹, вѣрно предсказали многимъ и много такого, что исполнилось въ будущемъ, то намъ пришлось бы говорить долго о томъ, что всякому извѣстно. Впрочемъ, нельзя не сослаться и на свидѣтельство древнихъ, которые, устанавливая значеніе именъ, не почитали С. изступленія чѣмъ-то постыднымъ, или безчестнымъ, иначе прекраснаго искусства судить о будущемъ не назвали бы изступленіемъ: видно оно хорошо (если дается Богомъ), когда получило такое имя. Между тѣмъ наши современники въ слово *μανική*, по неопытности, вставили *ταυτ* (τ) и предсказаніе у нихъ стало *μαντική* ². Подобнымъ образомъ, уга-

примѣнять этимологическое значеніе собственныхъ именъ къ содержанию рѣчи см. *Meinck. ad. Euphor. 130. Creuzer. de art. hist. gr. p. 52.*

¹ *Обладая божественнымъ даромъ пророчества, мантнκῆ χάριτες ἐνθάτω. Μαντικῆν ἐνθάτω* Платонъ противопоставляетъ *τῆ παρ' ἀνθρώπων γιγνομένη*. Такъ вообще древніе различали предсказанія. *Iis igitur assentior, говоритъ Цицеронъ, (de divin. 1. 18), qui duo genera divinationum esse dixerunt, unum quod particeps esset artis, alterum, quod arte careret. Est enim ars in iis, qui novas res conjectura persequuntur, veteres observatione dixerunt: carent autem arte ii, qui non ratione aut conjectura, observatis ac notatis signis, sed concitatione quadam animi aut soluto liberoque motu futura praesentiant (quod et somniantibus saepe contingit et nonnunquam vaticinantibus per furorem).* Поэтому ἡ μαντικὴ ἐνθάτω у Платона далѣе (С) называется также *θεῖα μοῖρα γιγνομένη*, (D) *μανία ἢ ἐκ θεοῦ.*

² *И предсказаніе у нихъ стало мантнκῆ. Μανία* есть корень слова *μανικός*; а отъ *μανικῆ* Платонъ производитъ *μαντικῆ*, между тѣмъ какъ *μαντικῆ*, очевидно,

дываніе будущаго, совершаемое умными людьми по полету птицъ и по другимъ знакамъ, древніе называли *οἰονοιστικὴν*, D. такъ какъ *οἰονοιστικὴ* происходитъ отъ *διάνοια* и къ человѣческому мнѣнію — *οἴσει* присоединяетъ *νοῦς* и *ἱστορία*; а нынѣшніе почтили это слово *омею* (ω) и говорятъ: *οἰωνιστικὴ*. Ну такъ—восколько совершеннѣе и почтеннѣе пророчество въ сравненіи съ птицегаданіемъ, имя—съ именемъ, дѣло—съ дѣломъ, востолько изступленіе, даруемое Богомъ, по понятію древнихъ, лучше здравомыслія, бывающаго въ людяхъ. Случалось также, что когда какія поколѣнія, вслѣдствіе древнихъ отъ кого-нибудь угрозъ, подвергались болѣзнямъ и величайшимъ бѣдствіямъ,—среди ихъ являлось изступленіе и, пророчествуя, указывало, кому требовалось, избавленіе, прибѣ- Е. гало къ молитвѣ и служенію богамъ, удостоивалось очищенія и освященія и возвращало здравіе на время настоящее и будущее всякому, кто имѣлъ его, даже избавляло отъ страданій собственно изступленнаго и одержимаго ¹. Третій родъ одер- 245. жимости и изступленія бываетъ отъ музъ: овладѣвая нѣжною

происходитъ отъ *μέμνηται*—неупотребительной формы глагола *μνᾶναι*. Шлейермахеръ принимаетъ это за ошибку Платона и извиняетъ его тѣмъ, что тогда не было еще исторіи языка. Но Платонъ не ошибся, а только захотѣлъ посмѣяться надъ обыкновеніемъ софистовъ — относить слова къ тому или другому корню, смотря по надобности. Можетъ быть, онъ указывалъ даже на Антисеена, которому Діогенъ Л. (VI, 17) приписываетъ много сочиненій филологическаго содержанія. Это еще болѣе подтверждается слѣдующимъ далѣе произведеніемъ слова *οἰωνιστικὴ* отъ *οἴσεις*, *νοῦς* и *ἱστορία*. Могъ ли Платонъ не знать, что *οἰωνιστικὴ* происходитъ отъ глагола *οἰωνίζεω* (*οἰωνός*)? Впрочемъ, ошибка Шлейермахера есть только повтореніе ошибки Цицерона, который говоритъ (de divin. 1, I): Itaque ut alia nos melius multa, quam Graeci, sic huic praestantissimae rei (divinationi) nomen nostri a divis, Graeci, ut Plato interpretatur, a furore — duxerunt. Въ произведеніи послѣдняго слова иронія Платона была тѣмъ естественнѣе, что слово *οἰωνιστικὴ* у древнихъ Грековъ писалось *οἰονοιστικὴ*, потому что они еще не имѣли въ своемъ алфавитѣ буквы ω. Muret. Warr. Lectt. XVIII, 1.

¹ Собственно изступленнаго и одержимаго, *μνᾶντι τε καὶ κατασχομένῳ*. Подъ словомъ *κατασχομένος* разумѣется чловѣкъ, одержимый высшимъ существомъ, или воодушевленный Богомъ до изступленія, такъ что находится въ состояніи страдательномъ. Сравни. Plat. Ion. p. 539 E. Men. p. 99 D. Symp. p. 215 C. Xenoph. Symp. 1, 19.

и дѣвственной душою ¹, возбуждая и восторгая ее къ одамъ и другимъ стихотвореніямъ, и украшая въ нихъ безчисленныя событія старины, это изступленіе даетъ уроки потомству. Кто идетъ къ вратамъ поэзіи ², не изступленный музами,—въ той мысли, что и одно искусство сдѣлаетъ его поэтомъ, тотъ и самъ несовершенъ, и его поэзія, какъ произведеніе чело-вѣка съ разсудкомъ, исчезаетъ предъ поэзією изступленнаго.

В. Вотъ какъ много, да еще и болѣе прекрасныхъ дѣлъ производитъ изступленіе, когда оно ниспосылается богами! Такъ мы не боимся его, и никакая рѣчь не заставитъ насъ своими угрозами избрать въ друзья чело-вѣка съ разсудкомъ, предпочтительно предъ умоизступленнымъ. Пусть она торжествуетъ побѣду, доказывая, что боги не къ добру посылаютъ любовь въ сердце любящаго и любимаго: мы до-

¹ *Дѣвственною душою, ἄβρατος ψυχῆν.* Слово *ἄβρατος* прилагалось собственно къ священному мѣсту, куда непосвященнымъ вступать не позволялось. Поэтому здѣсь оно весьма хорошо характеризуетъ душу, въ которую никогда не проникали нечистыя пожеланія.

² *Идетъ къ вратамъ поэзіи, ἐπὶ ποιητικῆς θύρας ἀφίκεται.* Подъ этимъ выраженіемъ надобно разумѣть не просто вступленіе въ храмъ поэзіи, или занятіе поэзією, но нищенское домогательство произвестъ что-нибудь поэтическое; потому что *ἐπὶ θύρας ἵεναι, ἀφικνεῖσθαι* у Грековъ значило нищенствовать, испрашивать помощи или милостыни, унижаясь предъ кѣмъ-либо для получения выгоды. Такъ, напр., *Polit. II, 364 E: ἀγύρται τε καὶ μάντιες ἐπὶ πλουσίων θύρας ἵοντες*, VI, 489 B: οὐδὲ τοὺς σοφοὺς ἐπὶ τὰς τῶν πλουσίων θύρας ἵεναι. Значить, выраженіе: приступать къ вратамъ поэзіи, Платонъ употребляетъ въ смыслъ презрѣнія, какбы, то-есть, чело-вѣкъ безъ воодушевленія хочеть нищенски выманить себѣ даръ пѣснопѣній. Это самое высказываетъ и Ювеналь (VII, 10):

neque enim cantare sub antro
Pierio thyrsumve potest contingere sana
Paupertas.

и Гораций (Arg poet. 295):

Ingenium misera quia fortunatius arte
Credit et excludit sanos Helicone poëtas.

Греческое выраженіе взято, вѣроятно, отъ обычая молиться предъ вратами храмовъ. *Wesseling. ad Diod. Sic. XIV, 25. T. I, p. 660. Wernsdorf. ad Homer. p. 366.*

кажемъ противное, что изступленіе дается богами для величайшаго благополучія. Впрочемъ, люди сильные ¹ наше- С. му доказательству не повѣрятъ, а повѣрятъ ему мудрецы. Мы сперва вникнемъ въ божественную и человѣческую природу души и постараемся вѣрно уразумѣть ее въ состояніи дѣйствія и страданія. Начало нашего доказательства— слѣдующее:

Всякая душа бессмертна: ибо что всегда движется, то бессмертно ²; а что сообщаетъ движеніе другому и само движется отъ другаго, въ томъ съ прерывочностію движенія соединяется и прерывочность жизни. Итакъ, одно только движущееся само по себѣ, поколику оно не оставляетъ себя, — никогда не перестаетъ двигаться и даже служить источникомъ и началомъ движенія другихъ движущихся предметовъ. D. Но начало не имѣетъ начала: потому что отъ начала должно было произойти все, что произошло, самому же началу произойти не изъ чего; а когда оно произошло бы изъ начала, то уже не было бы началомъ. Если же начало не имѣетъ начала, то не можетъ и разрушиться; потому-что, разрушившись, оно и само не произойдетъ изъ другаго, и другое не произойдетъ изъ него, какъ скоро все должно произойти изъ начала. Итакъ, начало движенія движется само по себѣ: это самодвижимое не можетъ ни произойти, ни разрушиться; иначе, за его разрушеніемъ, слѣдовало бы сліяніе и остановка всего неба, всего рожденія, и не было бы E. уже причины, по которой движимое снова пришло бы въ движеніе. Если же самодвижимое мы назвали бессмертнымъ,

¹ Люди сильные, *δεινός*. О значеніи слова *δεινός* и о противоположности его слову *τορός* см. Protagor. p. 341 A.

² Что всегда движется, то бессмертно, *τὸ ἀκίνητον ἀθάνατον*. Движеніе здѣсь разумѣется не внѣшнее, не переходеніе съ одного мѣста на другое, также не возрастаніе или уменьшеніе, но внутренняя самодвижимость; *τὸ αὐτὸ κινεῖν*, *meta agitatio*. *κινεῖν* произведено отъ слова *κίω* или *κίωω*, соответствующаго латинскому *ciō*, или *ciōo*, и потому однозначительное съ словомъ *agito*. Но послѣ оно приложено уже и къ движенію внѣшнему, выражаемому глаголомъ *πονεο*.

то никто не постыдится сказать, что такова сущность души, что такъ и надобно понимать ее: потому что всякое тѣло, движимое извнѣ, неодушевлено; а движущееся извнутри, само изъ себя, называется одушевленнымъ, что и составляетъ природу души. Когда же такъ, когда самодвижимое есть не иное что, какъ душа; то душа безначальна и бессмертна. Но о ея бессмертіи — довольно; теперь скажемъ о ея идеѣ.

Издѣловать, какова эта идея, есть дѣло божественное и требующее долгаго времени ¹; а показать, чему она подобна,—человѣческое и короткое. И такъ возьмемъ за послѣднее. Мы уподобимъ ее нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго ². Кони боговъ и

¹ Говоря о неиздѣлимости идеи, доступной только уму божественному, Платонъ разумѣетъ идею, какъ τὸ εὖ-τὸ κατὰ αὐτὸ, или истинно-сущее. О философскомъ значеніи идеи онъ разсуждаетъ мѣстами во многихъ своихъ «разговорахъ», а особенно въ Парменидѣ. Въ Федрѣ же разсматривается идея главнымъ образомъ со стороны психологической и притомъ большею частію символически.

² Асть въ этомъ подобіи видить шутку Платона и пародію на нѣкоторыя мѣста Омировой Илиады, напр. V 41. sq. VIII, 768 sqq., а особенно на бессмертныхъ коней Ахиллеса, XVI, 148 sq., XXIII, 276 sq. Его догадка по видимому подтверждается словами Аристотеля (Ret. III, 7). Но, по моему мнѣнію, здѣсь нѣтъ ничего похожего на шутку. Сократъ во всемъ этомъ монологѣ описываетъ силу божественной любви, которою проникнуты души, посвященные въ небесныя таинства. Эта, по своей природѣ, никогда не угасающая любовь окрыляетъ и возвышаетъ ихъ, сообщаетъ имъ жизнь и самодвижимость, — такъ что не только разумное въ нихъ, но и неразумное, приобщаясь силѣ небесной любви, обнаруживаетъ свойственнымъ себѣ образомъ силу пернатости, чтобы, если не прямо, по крайней мѣрѣ посредствомъ созерцанія прекрасныхъ предметовъ въ природѣ, восходить къ высочайшему типу ихъ—къ прекрасному божественному. Разумное въ душахъ, по смыслу Платоновой аллегоріи, есть возничій τὸ αὐτὸ κισσῶν, λόγος или λογιστικόν, божественное въ человѣкѣ; а неразумное—пара крылатыхъ коней, запряженныхъ въ колесницу, т.-е. раздражительная (θυμοειδής) и пожелательная (ἐπιθυμητικόν) стороны души, дѣйствующія въ органическомъ тѣлѣ. Первый изъ этихъ коней послушнѣе уму, нежели послѣдній: потому что первый, получивъ бытіе непосредственно отъ боговъ сотворенныхъ, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ ихъ бессмертія; а послѣдній, хотя также ихъ твореніе, однакожъ постоянно носитъ печать земной своей природы (Tim. 69 C). Символическое изображеніе души посредствомъ возничаго, управляющаго двумя крылатыми конями,

всѣ возникше сами по себѣ, конечно, добры и произошли отъ добрыхъ; а у другихъ это смѣшано. И во-первыхъ, правитель нашъ управляетъ парюу: одинъ изъ коней у него прекрасенъ и добръ, да и произошелъ отъ такихъ же; а другой и произошелъ отъ противныхъ тому, и самъ по себѣ противенъ. Такъ управление нами по необходимости затруднительно и неудобно. Теперь постараемся высказать, откуда получило свое имя животное смертное и бессмертное ¹. Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ ²: она обтекаетъ цѣлое небо и, по различію мѣстъ, является въ различныхъ видахъ. Душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ; а растерявшая перья влечется внизъ ³—до тѣхъ поръ, пока не

находится также у Зороастра (*Diachrisost. Orat. XXXIV p. 449 D*) и у Индійцевъ, *Stob. Ecl. phys. T. II, p. 885 A. Oupneckhat. T. I, p. 303. II, p. 314*. Впрочемъ, заимствовалъ эту аллегорію Платонъ, говорятъ, у Пиеагорейцевъ. *Hierocles in aug. carm. ad. v. 69*.

¹ Этотъ поворотъ рѣчи представляется какъ-то неожиданнымъ. Чтобы видѣть его естественность, надобно замѣтить, что предыдущая мысль о различіи коней у боговъ и человѣковъ прямо приводитъ къ вопросу, отчего произошло такое различіе. На этотъ вопросъ Платонъ долженъ былъ отвѣчать однимъ словомъ: оттого, что человѣческая душа сдѣлалась животнымъ смертнымъ. Но такъ какъ понятіе о животномъ смертномъ само по себѣ темно; то, для отвращенія темноты отвѣта, онъ предварительно объясняетъ, что такое животное смертное и бессмертное.

² *Всякая душа печется о всякомъ неодушевленномъ, πᾶσα ἡ ψυχὴ παντὸς ἐπιμελεῖται τοῦ ἀψύχου*. Вмѣсто *πᾶσα ἡ ψυχὴ*, нѣкоторые критики читаютъ здѣсь *πᾶσα ψυχὴ*, или, какъ у Аста, *ἡ ψυχὴ πᾶσα*. Поводъ къ этому различію чтенія подають, съ одной стороны, древніе списки Платоновыхъ сочиненій, съ другой — неопредѣленность скрывающагося здѣсь ученія. Трудно опредѣлить, какую душу въ этомъ мѣстѣ разумѣтъ Платонъ—мировую ли, *πᾶσαν ψυχὴν*, или частную—*πᾶσαν τὴν ψυχὴν*. Душа въ первомъ значеніи какъ будто умѣстнѣе здѣсь — оттого, что, по различію мѣстъ, она является въ различныхъ видахъ, слѣдовательно въ каждомъ видѣ — вся, *πᾶσα ψυχὴ*, и что она сперва носится высоко и распоряжаетъ міромъ. Но понятіе о душѣ частной, повидимому, сообразнѣе съ до-мірнымъ существованіемъ душъ, о которомъ будетъ говорено ниже. Держась этого контекста, я принимаю ее въ послѣднемъ значеніи.

³ Подъ потерю перьевъ Платонъ разумѣетъ ослабленіе стремленія и любви къ небесному, помраченіе божественнаго въ человѣкѣ. *Plot. Ennead. II, 9 p. 462 D*. У Эмпедокла души, лишенныя перьевъ, называются *θεήλατοι καὶ*

встрѣтится съ чѣмъ-нибудь твердымъ ¹, гдѣ нашедши себѣ жилище и тѣло, и движась собственною силою, называется въ цѣломъ составѣ животнымъ, сложеннымъ изъ души и тѣла, и получаетъ имя смертнаго. Понятія же о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ ². Не D. выдавъ и достаточно не разумѣя Бога, мы представляемъ его какимъ-то животнымъ безсмертнымъ, имѣющимъ также тѣло и душу; только тѣло и душа въ немъ вѣчно соединены между собою. Впрочемъ, пусть это будетъ и зовется такъ, какъ угодно Богу. Мы обратимся къ причинѣ, по которой душа лишилась перьевъ, или вылиняла. Причина эта—слѣдующая:

Сила пера состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы тяжелое поднимать на высоту, — въ пространство воздуха, гдѣ обитаетъ поколѣніе боговъ. И такъ какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному ³; божественное же

οὐρανοπεταῖς ἀκίμωνες. Plat. de vit. aer. al. p. 830 F. Древніе начало зла производили вообще изъ отпаденія душъ отъ жизни Божіей. *Schwarz, Diss. de lapsu primorum humani generis parentum a paganis adumbrato. 1830.*

¹ *Пока не встрѣтится съ чѣмъ-нибудь твердымъ.* Это нѣчто твердое, *στερεόν τι*, безъ сомнѣнія, есть отвердѣвшая, или, по понятію древнихъ, сгустившаяся матерія, планетное убѣжище души. Ученіе Платона объ этомъ предметѣ довольно неопредѣленно.

² *Понятія же о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ.* Читая слова Платона: «душа совершенная и пернатая носится въ воздушныхъ пространствахъ и устрояетъ весь міръ», можно было думать, что это говоритъ онъ о душѣ безсмертной, которой противоплагается смертная, растерявшая перья. Но мы видимъ, что, по его мнѣнію, понятія о безсмертномъ нельзя приобрѣсть никакимъ умозаключеніемъ. Явно, что здѣсь скрывается намѣреніе Платона отличить безсмертіе въ смыслѣ безусловномъ, свойственное истинному Богу, отъ безсмертія, приписываемаго душамъ и богамъ сотвореннымъ. На эту мысль указываетъ, во-первыхъ, р. 246 и 247 А; во-вторыхъ, слово *πλάττομεν*, поврежденное, вмѣсто *πλαττομένου*, которымъ выражается необходимость—представлять Бога челоѣкообразно, а челоѣка—богообразно, что дѣлали Греки; въ-третьихъ — *ἀθάνατον τὸ ζῶον*, которое къ истинному Богу, непознаваемому никакимъ умозаключеніемъ, приложено быть не можетъ, а къ богамъ сотвореннымъ и къ челоѣку прилагается.

³ *Такъ какъ душа, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастна божественному, κελοῖσίνωνκε δὲ πρὸς μάστιγα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θεοῦ ψυχῆ.* Гейндорфъ, а за нимъ и Астъ, основываясь на авторитетѣ Плутарха (*Quaest. Plat. p. 1004 C: πῶς*

есть прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное: то этимъ-то особенно питаются и возвращаются крылья души; **Е.** а отъ постыднаго, злаго и противнаго высшему они ослабѣваютъ и гибнуть. Итакъ, великій вождь на небѣ, Зевсъ ³ ѣдетъ первый на крылатой своей колесницѣ, устроая вез-

ποτὲ ἐν τῷ Φαίδρῳ λέγεται τὸ τὴν τοῦ πτεροῦ φύσιν, ὅρ' ἧς ἄνω τὸ ἐμβριθεῖς, ἀνάγεται, κεκοινωνημέναί μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θεοῦ), изгоняють изъ этого текста слово ψυχή и глаголь κεκοινωνήκε относятъ къ именительному ἡ πτεροῦ δύναμις. Но должно замѣтить, что Платонъ говорить здѣсь о душѣ, поколику она находится уже въ тѣлѣ, слѣдовательно причастна тѣлесности; а потому приведенный текстъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Гораздо страннѣе было бы приписать Платону мысль, что перо, болѣе чѣмъ тѣлесному, причастно божественному. Притомъ нѣтъ ни одного списка Платоновыхъ сочиненій, въ которомъ не удерживалось бы здѣсь слово ψυχή. Впрочемъ, переводъ Шлейермахера: auch theilt er vorzüglich der Seele mit von dem was des göttlichen Leibes ist,—нисколько не походить на правду.

⁴ *Итакъ, великій вождь на небѣ, Зевсъ* и проч... Этими словами начинается знаменитый Платоновъ мифъ, объясняющій образно, гдѣ находилась человѣческая душа до своего пришествія въ этотъ земной мѣръ, что она тамъ имѣла и чѣмъ наслаждалась, какъ и по какой причинѣ удалилась изъ прежняго своего отечества, отчего всегда жаждетъ возвратиться въ него и какимъ образомъ это для ней возможно. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльныя черты, входящія въ разсматриваемую теперъ философско-поэтическую картину Платона, заимствованы имъ изъ космологическихъ представленій Филолая и Эмпедокла. Филолай, вмѣстѣ съ прочими Пифагорейцами, училъ, что въ средоточіи міра находится алтарь Весты, а самый мѣръ дѣлилъ на двѣ области: на область неизмѣняемости, простирающуюся отъ души міра (т.-е. Весты) до луны, и на область измѣняемости, лежащую между луною и землею (*Stob. Ecl. 1 p. 422, 488*). Подобно этому, и Эмпедоклъ принималъ два міра: одинъ мысленный, другой чувственный (*Sturs. Emped. Aggig. p. 277 sq. 280 sq.*). Въ Платоновомъ мифѣ мѣръ чувственный представляется сферою, вращающею внутри мысленнаго; а точка созерцанія того и другаго утверждается въ центрѣ вселенной; такъ что горизонтъ философа есть цѣлое полушаріе космоса. Предположивъ это, мы легко поймемъ смыслъ Платоновыхъ образовъ и выраженій. Двѣнадцать боговъ (потому что главныхъ Греція признавала двѣнадцать, *Paus. Attic. 3, 40*), которыхъ колесницами, или видимыми знаками (вегикулами) древніе обыкновенно почитали небесныя свѣтящіяся тѣла, ѣдутъ отъ Весты, своей матери, души міра, и каждый, въ сопровожденіи геніевъ и героевъ, вслѣдъ за Зевсомъ, совершаетъ свой путь въ предѣлахъ неба. Надобно замѣтить, что геніи и герои здѣсь—не иное что, какъ души, по разумной своей природѣ, созданныя Богомъ истиннымъ и получившія безсмертіе, а по тѣлесной или неразумной—богами звѣздными, и въ этомъ отношеніи смертныя, жившія на различныхъ звѣздахъ, согласно стихійнымъ свойствамъ своихъ тѣлъ (*Тим. p. 41*). Окончивъ дѣло устройства вселенной,

дѣ порядокъ и объемля все своею заботливостію. За нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и геніевъ, раздѣленное на одинъ
 247. надцать отрядовъ; потому что одна только Веста остается въ жилищѣ боговъ, прочіе же, въ числѣ двѣнадцати, поставленные начальниками, предводительствуютъ каждый ввѣреннымъ себѣ отрядомъ. И какое множество восхитительныхъ зрѣлищъ въ предѣлахъ неба! Сколько тамъ поприщъ, по которымъ протекаютъ блаженные боги, исполняя всякій свое дѣло! Слѣдуютъ же они за Зевсомъ, поколику всегда хотятъ и могутъ; такъ какъ ненависть находится вѣ сонма боговъ. Но отправляясь на праздникъ и пиръ, они ѣдутъ подъ высшее пространство небснаго свода уже вверхъ по наклонной плоскости. Поэтому колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія—съ трудомъ; потому что конь, причастный злу, не бывъ хорошо вскормленъ возничими, какъ-то тяжель, порывается и тяготѣетъ къ землѣ. Отсюда въ душѣ

боги, сопровождаемые этими геніями и героями, ѣдутъ на пиръ, то-есть ѣдутъ питаться умомъ и чистымъ вѣденіемъ, созерцать истину въ самостоятельномъ и нераздѣльномъ ея бытіи: потому что истина, или сущее само въ себѣ, есть единственная пища, поддерживающая разумность и безсмертіе сотворенныхъ существъ (Tim. p. 41). Но, отправляясь на пиръ, имъ надобно восходить по наклонной плоскости вверхъ, т.-е. къ зениту космическаго горизонта, и тамъ, ставъ на периферіи вращающагося чувственнаго міра и вращаясь вмѣстѣ съ нею, наслаждаться созерцаніемъ истины въ мірѣ духовномъ, пока периферія, сдѣлавъ оборотъ вокругъ своего центра, не придетъ опять въ то же положеніе. Явно, что души, рожденныя не подъ одинаковыми звѣздными условіями и не съ равнымъ успѣхомъ воспитанныя своимъ возничимъ — умомъ, не могли вѣ легко возноситься за богами къ предѣламъ міра мыслимаго. Многія изъ нихъ, едва выникнувъ изъ сферы чувствопостигаемаго и едва вкусивъ нѣчто отъ трапезы духовныхъ наслажденій, увлекались тяготѣніемъ своей смертной природы и падали на землю. Такъ понималъ Платонъ происхожденіе человѣческаго рода, а главное—тѣхъ идей, которыя, составляя основу разумности души и будучи сокровищами міра мыслимаго, манятъ ее въ прѣжнее ея отечество и возвращаютъ въ ней крылья, чтобы летѣть туда! Въ этомъ мнѣи, между прочимъ, особенно-замѣчательно то, что Платонъ своимъ созерцаніемъ возносится высоко надъ политеистическими вѣрованіями современныхъ Грековъ и явно приходитъ къ понятію о единомъ истинномъ сущемъ, котораго свѣтомъ и жизнію должны питаться самые боги Греціи, чтобы поддержать свою разумность и безсмертіе.

раждается беспокойство и упорная борьба. Души, называемыя бессмертными, достигнувъ вершины и вышедши внѣ неба, становятся на хребтѣ его ¹. Стоя на немъ, онѣ вращаются вмѣстѣ съ орбитою и созерцаютъ за-небесное. Мѣста за-небеснаго, вѣроятно, не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ, какъ надобно. Оно таково — осмѣлимся уже высказать истину, особенно когда говоримъ объ истинѣ — оно есть существо безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души—умомъ; родъ истиннаго знанія только около его имѣетъ свое мѣсто ². Итакъ D. мысль бога, питающаяся умомъ и чистымъ вѣденіемъ, и мысль всякой души, любящей принимать должное, радуется, что по временамъ видитъ сущее, и, усматривая истину, насыщается и наслаждается ею, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то же положеніе. Во время этого кругооборота, она созерцаетъ справедливость, созерцаетъ разсудительность, созерцаетъ знаніе, и не такое, какое раждается, или заключается одно въ другомъ, какъ это бываетъ теперь у насъ, но знаніе, находящееся въ истинно-сущемъ. Насладившись созерцаніемъ и другихъ истинно-сущихъ предметовъ, она снова пускается во внутрен-

¹ Вышедши внѣ неба, становятся на хребтѣ его, ἔξω πορευθεῖσαι ἕστησαν ἐπὶ τῆ τοῦ οὐρανοῦ νότῳ. Нѣкоторые истолкователи этого выраженія полагали, что периферію чувственнаго міра Платонъ почиталъ чѣмъ-то твердымъ, и боги выходили изъ нея сквозь отверстіе: истолкованіе нелѣпое и ни на чемъ не основанное! Слово νότῳ употреблено здѣсь, очевидно, въ значеніи метафорическомъ, какъ, напр., у Омира (II, II, 159): εὐρέα νότα θαλάσσης. А какъ разумѣлъ Платонъ периферію, или предѣлъ чувственнаго міра, ясно видно изъ его ученія въ Федонѣ (109 С): «Самая чистая земля стоитъ подъ чистымъ небомъ, и небо, усыянное звѣздами, у многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, называется также эфиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины.»

² Родъ истиннаго знанія только около его (т.-е. дѣйствительно-сущаго, περί τῆν οὐσίαν ὅπως οὐσαν) имѣетъ свое мѣсто. Къ истинному знанію Платонъ относитъ разсудительность, справедливость и проч., и все это — въ смыслѣ безусловномъ. Что же будетъ то, около чего имѣютъ свое мѣсто идеи безусловныхъ совершенствъ?—Это истинно-сущее. Предъ судомъ народной религіи Платонъ не рѣшается назвать истинно-сущее Богомъ.

ность неба и идетъ домой. По возвращеніи же ея, возникшій, поставивъ коней къ яслямъ, даетъ имъ амвросіи и сверхъ того поить ихъ нектаромъ. Такова жизнь боговъ. Что же касается до прочихъ душъ, то однѣ изъ нихъ, наи-
 248. лучше слѣдуя за богомъ и подражая ему ¹, выникають головою возниклаго во внѣшнее мѣсто ² и увлекаются также орбитою, но обезпокоиваемыя конями, съ трудомъ созерцають сущее; а другія то выникають, то опускаются, и насилуемыя конями, иное видятъ, иного — нѣтъ. Нѣкоторыя же наконецъ, сколь ни сильно хотятъ онѣ подняться вверхъ, отъ слабости погружаются, падаютъ стремглавъ ³, попирають, давятъ другъ друга и стараются войти въ міръ явленій одна прежде другой. Отсюда — волненіе, толкотня и чрезвычайный потъ. Многія изъ нихъ при этомъ случаѣ, отъ глупости возникшихъ, дѣлаются калѣвками ⁴, многія много ломаютъ перьевъ, а всѣ вообще, послѣ такихъ трудовъ, остаются непосвященными въ созерцаніе сущаго и идутъ питаться пищею мнѣнія ⁵. Но отчего это великое

¹ *Однѣ изъ нихъ, наилучше слѣдуя за богомъ и подражая ему*, и пр. *ἑῶν ἰσπομένη καὶ οἰκισμένη*, то же, что *ὀμοιοῦσα*. Подражаніе богу было нравственнымъ началомъ философіи Пиеагора и Платона.

² Т.-е. возносятся въ міръ мысленный только идеями ума, которыми онѣ необходимо соединены съ истинно-сущимъ, а не раздражительною и пожелательною своею частію.

³ Т.-е., отъ преобладанія пожелательной стороны души, до того становятся слабы умственно, что въ область міра духовнаго не выникають даже и головою возниклаго, никогда не мыслятъ о предметахъ жизни высшей, но постоянно влекутся къ чувственному, и притомъ опережая одна другую; потому что въ этомъ состояніи всякой хочется скорѣе облечься въ формы земной жизни.

⁴ Это выраженіе хорошо объясняется въ VII книгѣ Платонова «Государства» (р. 535 D), гдѣ значеніе хромой души опредѣляется по аналогіи хромаго тѣла.

⁵ Подъ именемъ мнѣній Платонъ обыкновенно разумѣетъ человѣческія познанія, немнѣющія взаимной связи и потому непрестанно измѣняющіяся. Онѣ поставляютъ ихъ въ противоположность съ познаніями философа, которыя всегда находятся въ зависимости одно отъ другаго и составляютъ гармоническое цѣлое. Понятіе о мнѣніи, поколику оно есть достояніе земнородныхъ, Платонъ могъ заимствовать у Парменида, который говоритъ: *δόκος ἐπὶ πᾶσι τέκταται*. Sext. Emp. adv. Math. VII, 49, 116.

стремленіе видѣть поле истины, гдѣ она находится? Оттого, что приличная пища благороднѣйшей части души добывается только съ той пажити, и природа пера, облегчающая душу, питается только тою пищею. Да таково С. и опредѣленіе Адрастеи ¹, что, слѣдуя по стопамъ бога и отчасти видя истину, душа до другаго кругообращенія остается безопасною ², и если всегда можетъ дѣлать то же, то вредъ никогда къ ней не приражается. Напротивъ, когда, не имѣя силы слѣдовать за богомъ, она ничего не видитъ и, подвергшись какому-нибудь бѣдствію, помрачается забвеніемъ и зломъ, такъ-что отяжелѣваетъ и, отяжелѣвъ, роняетъ перья и падаетъ на землю: тогда опять законъ — при первомъ рожденіи не поселять ея ни въ какую жи- D. вотную природу ³, но много созерцавшую вводитъ въ зародышъ человѣка, имѣющаго быть или философомъ, или любителемъ прекраснаго, или какимъ музыкантомъ, или эротикомъ ⁴, вторую за тѣмъ — въ будущаго законнаго госу-

¹ Адрастея собственно значитъ неизбѣжность (отъ *δράω*), олицетвореніе непреложныхъ законовъ природы. У Гераклита, въ болѣе обширномъ смыслѣ, она называется *εἰμαρμένη*. *Plut. de pl. phil.* 1, 28.

² Здѣсь указывается на то же періодическое движеніе неба, о которомъ сказано выше р. 247 D.

³ Платонъ предполагаетъ, что рожденіе души, или проявленіе ея въ тѣлѣ, сообразно періодическому движенію неба, должно повторяться до безконечности, причѣмъ душа всякій разъ будетъ облекаться въ тѣлесныя формы такого существа, которому она нравственно уподоблялась въ теченіе прежняго періода. А что при первомъ рожденіи законъ не позволяетъ поселять ее въ природу животную, причина заключается въ томъ, что разумная ея часть сотворена Богомъ, слѣдовательно не можетъ не стремиться къ небу.

⁴ Такъ какъ основаніе блаженства душъ, по ученію Платона, есть созерцаніе истины, то этимъ самымъ основаніемъ опредѣляются и степени блаженства ихъ. Само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ философъ-любитель истины есть существо счастливѣйшее. Но почему въ этотъ храмъ счастья вводится музыкантъ, а особенно *ἔρωτικός*?—Потому, что гармонія, въ обширномъ смыслѣ, т.-е. музыка природы, стройное соотношеніе вещей, есть предметъ философскаго созерцанія. На этомъ основаніи философію Платонъ называетъ также *τὴν μεγίστην μουσικὴν*. *Phaedon.* р. 61 А. Почти въ такомъ же смыслѣ разумѣетъ онъ и слово *ἔρωτικός*. Быть почитателемъ любви на его языкѣ значило созерцать прекрасное въ формахъ, къ какому бы роду лицъ или

даря, либо въ военачальника, либо въ правителя; третью — въ политика, въ домостроителя, или въ промышленника; четвертую — въ трудолюбиваго гимнастика, либо въ будущаго врачевателя тѣла; пятую — въ человѣка, имѣющаго вести жизнь прорицателя, или посвященнаго; шестая Е. будетъ прилична поэту, или иному мимику, седьмая — художнику, либо земледѣльцу; осьмая — софисту, или народному льстецу; девятая — тиранну. И во всѣхъ этихъ состояніяхъ, — живя праведно, она получаетъ лучшую участь, а неправедно, — худшую. Но въ состояніе, изъ котораго вышла, каждая возвратится не прежде, какъ чрезъ десять тысячъ лѣтъ¹; потому что до того времени не окрылится, — развѣ то будетъ душа человѣка, безъ хитрости философ-

вещей эти формы ни относились. А такъ какъ формальную сторону предмета Платонъ почиталъ выраженіемъ идеи, слѣдовательно развитіемъ мысли божественной, то созерцаніе прекраснаго въ формахъ значило у него созерцаніе прекраснаго божественнаго. Таково основаніе часто повторяемой платонической любви. На второй, третьей, четвертой, и такъ далѣе, степеняхъ, въ нисходящемъ порядкѣ воплощенія душъ, сфера созерцанія становится тѣснѣе и тѣснѣе, такъ что наконецъ ограничивается однимъ человѣческимъ Я. Государь созерцаетъ благо и гармонию цѣлаго государства; домоправитель осуществляетъ идею благоденствія домашняго; прорицатель имѣетъ въ виду пользу одного или нѣсколькихъ лицъ, притомъ *οἱ θεομαντεῖς καὶ οἱ χρησμοδοῖ οὐ πορῆα ἀλλὰ ψῆσι τιμὴν ἐν θουσιάζουσιν*, говоритъ Платонъ (*Apul.* p. 22 С. Menon. p. 99 С); поэтъ и мимикъ *φαντάσματα, ἀλλ' οὐκ ὄντα ποιοῦσιν* (*de Rep.* X, p. 398), слѣдовательно не заботятся ни о чемъ существенномъ; земледѣлецъ есть эгоистъ въ чувственномъ, софистъ — въ умственномъ, а тираннъ — въ нравственномъ отношеніи. *Ritterz* (*de ideis Plat.* p. 19) подъ этими девятью степенями разумѣетъ степени познанія, а Астъ (*Annot. ad Phaedr.* 496) — степени нравственности. Но ни то, ни другое предположеніе отдѣльно не оправдывается свойствомъ степеней: онѣ справедливы только въ соединеніи; потому что созерцаніе истины, по ученію Платона, есть вмѣстѣ и созерцаніе добра (*de Rep.* VII, 502 А; см. выше прим. къ стр. 246 D), хотя въ жизни души на землѣ нравственная порча гибельнѣе умственной, а умственная — хуже чувственной (*de Rep.* VIII, p. 562 А, 199).

¹ Десятью тысячами лѣтъ Платонъ опредѣляетъ также время или періодъ существованія міра (см. *Holsten. Ritterhus. ad Porphyg. de vita Pythag.* p. 24). Это мнѣніе заимствовано, кажется, у Египтянъ: по крайней мѣрѣ Геродотъ (11, 113. *Creutz. comment. Herod.* P. 1, p. 317) свидѣтельствуетъ, что періодъ души мудрой Египтяне, какъ и Платонъ, опредѣляли тремя тысячами лѣтъ.

ствующаго ¹, или философски-любящаго ². Такія души, если онѣ трижды сряду избирали одну и ту же жизнь ³, въ третьемъ, тысячелѣтнемъ кругооборотѣ наконецъ окрыляются и въ трехтысячномъ году отходятъ; прочія же, совершивъ первый періодъ, являются на судъ и, по приговору суда, однѣ изъ нихъ, сошедши въ подземныя жилища, получаютъ тамъ наказаніе, а другія возводятся судомъ на нѣкое небесное мѣсто и живутъ примѣнительно къ тому, какъ жили въ образѣ человѣка. Въ тысячномъ же году, тѣ В. и другія отправляются для полученія и избранія второй жизни, и—избираютъ, какую каждая хочетъ. Тогда человѣческая душа переходитъ и въ жизнь животнаго, а изъ животнаго, бывшая нѣкогда человѣческою,—опять въ человѣка; потому что никогда не выдавая истины не получить этого образа. Вѣдь человѣкъ долженъ познавать истину подъ формою такъ называемаго рода (εἶδος) ⁴, который состав-

¹ *Безъ хитрости философствующаго.* Φιλοσοφεῖν ἀδόλως, по мнѣнію Филона (Т. II, р. 388), τὴν θεωρίαν ἀνευ πράξεως πολιτικῆς ἀγαπήσαι, καὶ πάντα τὰ ἄλλα παρ' αὐτὸν ἔχειν, καὶ ταῖς καθαρτικαῖς ἀρεταῖς ἑαυτὸν παραδοῦναι, καὶ πρὸς μόνην τὴν ἱερὰν τελείωσιν ἕρωςθαι: изъясненіе, очевидно, въ духѣ александрійской школы. Философствовать безъ хитрости значить стремиться къ истинѣ, не принаравляясь къ опредѣленнымъ мнѣніемъ человѣческимъ и не ограничиваясь расчётами житейскими.

² *Философски-любящаго, παιδεραστήσαντος μετὰ φιλοσοφίας.* Παιδεραστεῖν принимается здѣсь отрѣшено. Предметъ этой любви есть сама философія, или стремленіе къ божественной истинѣ. Такъ въ другомъ мѣствѣ (Gorg. p. 482 A) Сократъ называетъ философію τὰ ἑαυτοῦ παιδιάζ.

³ Платонъ приписываетъ душѣ свободу избирать себѣ то или другое состояніе въ новомъ періодѣ жизни. Въ этомъ отношеніи οὐχ ἡμᾶς δαίμων λέγειται, ἀλλ' ἡμεῖς δαίμονα αἰρήσεσθαι, говоритъ онъ (de Rep. X, 617 D). Впрочемъ, πρῶτος ὁ λαχὼν, πρῶτος αἰρήσεσθαι βίον ὧ ξυλλέσται ἐξ ἀνάγκης, т.-е. свобода будетъ ограничиваться качествами жизни предъидущей и постепенно превращаться въ необходимость. Что особенно нравилось человѣку въ первомъ періодѣ бытія, того будетъ желать онъ и во второмъ.

⁴ Эта мысль указываетъ на необходимую связь логики съ метафизикою въ діалектикѣ Платона. Форма, εἶδος, по его мнѣнію, есть общее представленіе разсудка (λογισμὸς), состоящее изъ частныхъ воззрѣній; но она не можетъ составиться изъ частей, если въ умѣ (νοῦς) предварительно не будетъ идеи (ιδέα), которая есть достояніе небесное, предметъ воспоминанія, или созерцанія вѣчной истины. Отсюда видно, что Платоновъ εἶδος одною стороною принадлежитъ небу, а другою — землѣ.

ляется изъ многихъ чувственныхъ представлений, приводимыхъ разсудкомъ во-едино; а это дѣлается чрезъ воспоминаніе о томъ, что душа знала, когда сопровождала бога, и, презирая все, называемое нынѣ существующимъ, принимала мыслью къ истинно-сущему. Потому-то достойно окрыляется только мысль философа, такъ какъ его воспоминаіе, по мѣрѣ силъ, всегда направлено къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ направляясь, самъ богъ есть существо божественное. Такими-то воспоминаніями пользуясь правильно, человѣкъ достигаетъ полнаго освященія и одинъ бываетъ истинно-совершенъ. Правда, чуждый житейскихъ заботъ и преданный божественному, онъ терпитъ укоризны толпы, какъ помѣшанный: но толпа не замѣчаетъ, что онъ въ энтузіазмѣ.

Такъ вотъ куда привела насъ рѣчь о четвертомъ родѣ изступленія ¹. Въ немъ находится тотъ, кто, видя здѣшнюю красоту и вспоминая о красотѣ истинной, окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть выспрь. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о долнемъ не заботится, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій. Такой восторгъ, по самому происхожденію своему, лучше всѣхъ восторговъ — и для того, кто сообщаетъ его, и для того, кому онъ сообщается. Причастный такому изступленію, любитель прекраснаго называется любовникомъ. Всякая человѣческая душа, какъ сказано, по природѣ своей, созерцала сущее; иначе и не вошла бы въ

¹ Платонъ обѣщался (р. 245 С) представить новое доказательство, что изступленіе лучше спокойнаго размышленія. Но это доказательство должно было вытекать изъ ученія о безсмертіи, происхожденіи и значеніи души; слѣдовательно, предъидущая рѣчь о душѣ есть эпизодъ, имѣющій непосредственную связь съ существомъ дѣла и изложенный съ тою цѣлю, чтобы изъ него вывести новый результатъ въ пользу изступленія, и вмѣстѣ показать четвертый видъ его, — чтобы, т.-е., опредѣлить значеніе изступленія религіознаго, нравственнаго и поэтическаго, опредѣлить также, въ чемъ состоитъ изступленіе философское, или эротическое, служащее основаніемъ всѣхъ прочихъ восторговъ.

это животное. Но вспоминать по здѣшнему о тамошнемъ 250. легко не для всякой: это не легко и для тѣхъ, которыхъ созерцаніе тамъ было кратковременно, и для тѣхъ, которыя, ниспавши сюда, подверглись бѣдствію, то-есть, подѣ влияніемъ какихъ-нибудь обществъ уклонившись къ неправдѣ, забыли о видѣнныхъ ими нѣкогда священныя предметахъ. Остается немного душъ, у которыхъ еще довольно памяти; да и тѣ, видя какое-нибудь подобіе тамошняго ¹, такъ поражаются имъ, что выходятъ изъ себя и, не имѣя достаточно разборчиваго чувства, сами не понимаютъ, что значитъ страсть ихъ. Притомъ, въ здѣшнихъ подобіяхъ спра- В. ведливости, разсудительности, и въ другихъ, для души драгоценныхъ, вовсе нѣтъ блеска. Приступая къ образамъ съ тусклыми своими орудіями, немногіе, — и то съ трудомъ, созерцаютъ видъ образуемаго. Восхитительно было зрѣть красоту тогда, когда, вмѣстѣ съ хоромъ духовъ слѣдуя за Зевсомъ, а другіе за кѣмъ-либо другимъ изъ боговъ, мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ ² и зрѣлищемъ, и посвящены были въ тайну, блаженнѣе которой и назвать невозможно, — когда мы праздновали ее, какъ непорочныя ³ и С. чуждые зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенные къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ, и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты и не погребены въ этой оболочкѣ ⁴, которая

¹ Платонъ училъ, что всѣ вещи міра видимаго сотворены по подобію, или по прототипамъ мыслимаго, духовнаго, божественнаго. Tim. p. 39 E.

² Платонъ разумѣетъ философовъ. См. выше p. 246 A.

³ Это выраженіе приваровлено къ обрядамъ при освященіи инициатовъ въ таинства. Инициаты должны были отличаться чистотою и непорочностію души. Прежде чѣмъ вводили ихъ въ сокровенный смыслъ оргій, имъ позволялось видѣть только образы боговъ, *φάρμακτα*. Въ таинствѣ посвященія душъ въ жизнь блаженную, этимъ образамъ, или видѣніямъ Платонъ уподобляетъ идеи, представляемыя созерцанію человѣка философіею.

⁴ *Не погребены въ этой оболочкѣ, ἀσπίαντοι*, отъ корня *σῆμα*, могила. Платонъ внушаетъ ту мысль, что тѣло, называемое теперь *σῆμα*, должно было назваться могилою — *σῆμα*. Такое вообще понятіе имѣлъ онъ объ отношеніи зла къ душѣ. Gorg. p. 493 A, Cratyl. p. 400 B, Phaedon. p. 62 B sqq.

теперь называется тѣломъ, и которою мы связаны, какъ улитки. Итакъ, да припишется это воспоминанію, что, при его посредствѣ, жажда тогдашняго произвела нынѣ такое длинное разсужденіе. Что же касается до красоты, то она D. блистала, какъ сказано, существуя еще тамъ,—съ видѣніями; пришедши же сюда, мы замѣтили живость ея блеска и здѣсь, и замѣтили это яснѣйшимъ изъ нашихъ чувствъ. Вѣдь между тѣлесными чувствами, зрѣніе слыветъ у насъ самымъ острымъ, которымъ однакожъ разумность не постигается; иначе она возбудила бы сильнѣйшую любовь, если бы могла представить зрѣнію столь же живой образъ себя и все достойное любви въ себѣ. Нынѣ этотъ жребій принадлежитъ одной красотѣ; ей только суждено быть нагляднѣйшею и любезнѣйшею. Впрочемъ, не новопосвященный ¹, E. или развратный не сильно стремится отсюда туда—къ красотѣ самой въ себѣ, когда на комъ-нибудь здѣсь видитъ ея имя: онъ смотритъ на нее безъ уваженія и, ища удовольствія, рѣшается всходить по обычаю четвероногаго и 251. осѣмнять ее. Думая о сладострастіи, онъ не боится проводить жизнь въ наслажденіи, несообразномъ съ природою. Напротивъ, только что посвященный, созерцавшій много тамошняго, при взглядѣ на богообразное лице, хорошо отпечатлѣвшее на себѣ красоту, или какую-нибудь безтѣлесную идею, сперва приходитъ въ трепеть ² и объемлется какимъ-то страхомъ тамошняго; потомъ, присматриваясь, чтить его, какъ бога, и если бы не боялся прослыть очень изступленнымъ, то своему любимцу приносилъ бы жертвы, будто священному изваянію, или богу. Это видѣніе красоты, какъ бы чрезъ дѣйствіе страха, измѣняетъ его, бро-

¹ *Неновопосвященный*, *μη νεοτελής*, противопоставляется здѣсь не тому, кто посвященъ недавно, а тому, кто еще не посвященъ въ тайны божественныхъ видѣній, слѣдовательно не помнить красоты небесной; иначе, отъ созерцанія земнаго ея блеска тотчасъ переносился бы мыслию къ идеальному ея величію.

² *Приходитъ въ трепеть*, *ἔρριξε*, выраженіе взято отъ священнаго трепета, объемлющаго новопосвященныхъ. Осюда — *ἔρριξ φρικτὰ θεῶν. Orph. Argon. v. 469.*

саетъ въ потъ и разливааетъ въ немъ необыкновенную теп- В.
лоту. Принимая чрезъ органъ зрѣнія истеченіе прекрасна-
го, которымъ увлажняется природа пера, онъ становится
тепелъ; а посредствомъ теплоты размягчается все, что от-
носится къ возрастанію, и что прежде, находясь въ со-
стояніи затвердѣнія, препятствовало росту. Когда же при-
токъ пищи открылся,—стволь пера, вздымаясь и поспѣш-
но выбѣгая изъ корня, разрастается во всѣхъ видахъ ду-
ши; потому что нѣкогда она была вся перната. Въ это вре- C.
мя душа цѣлымъ своимъ существомъ кипитъ и брызжетъ
и, какое страданіе бываетъ отъ зубовъ, когда они только
что начинаютъ ростъ, т.-е.—зудъ и несносное раздраженіе
десень, то же самое терпитъ и душа человѣка, начинаю-
щаго выращивать перья: выращивая ихъ, она находится въ
жару, раздражается и чувствуетъ щекотаніе. Взирая на
красоту мальчика и принимая въ себя вытекающія изъ
ней частицы (*μέρη*,—отсюда-то и происходитъ *ίμερος*, вожд-
делѣніе) ¹, она увлекается и получаетъ теплоту, чувству-
етъ облегченіе отъ скорби и радуется. Когда же остается D.
одна, — отверстія, изъ которыхъ спѣшатъ выбиться перья,
засыхаютъ, а засыхая, сжимаются и замыкаютъ въ себѣ
ростки перьевъ. Эти ростки, вмѣстѣ съ вожделѣніемъ зам-
кнутые внутри, бьются на подобіе пульса и толкаются во
всякій прегражденный имъ выходъ; такъ что душа, изъ-
язвленная со всѣхъ сторонъ, мучится и терзается, и толь-
ко одно воспоминаніе о прекрасномъ радуется ее. Смѣшеніе
этихъ противоположностей повергаетъ душу въ странное
состояніе: находясь въ междучувствіи, она неистовствуетъ
и, какъ бѣшенная, не можетъ ни спать ночью, ни оставать- E.
ся на одномъ мѣстѣ днемъ, но бѣжитъ съ своею жаждою

¹ *Μέρη* — отсюда-то и происходитъ *ίμερος* вождельніе. Слово *ίμερος* фило-
логи производятъ отъ *ίεμαι*, *μέρη* и *ρεῖν*. *Matth. Gramm.* гр. р. 408. Такое
производство можетъ быть оправдываемо развѣ привычкою Платона въ шут-
ку или не въ шутку прибѣгать иногда къ самымъ страннымъ этимологиче-
скимъ соображеніямъ. См. *Cratyl.* р. 102 С. *passim*.

- туда, гдѣ думаетъ увидѣть обладателя красоты; а увидѣвши его и оживившись въ своемъ вожделѣннн, даетъ просторъ тому, что прежде было заперто, и, успокоившись, освобождается отъ уязвленій и скорби, и въ тѣ минуты питается сладчайшимъ удовольствіемъ. Поэтому произвольно не оставляетъ она своего красавца и никого не почитаетъ прекраснѣе его. Тутъ забываются и матери, и братья, и друзья; тутъ нѣтъ нужды, что чрезъ нерадѣніе гибнетъ имущество. Презрѣвъ всѣ обыкновенныя правила своей жизни и благоприличія, которыми прежде тщеславилась, она готова рабствовать и, гдѣ позволяютъ, лежать сколько можно ближе къ своему желанному, потому что нетолько чтить его, какъ обладателя красоты, но и находить въ немъ единственнаго врача величайшихъ своихъ скорбей.
- В. Эту-то страсть, прекрасный мальчикъ, къ которому направлена моя рѣчь, люди называютъ Эросомъ: но услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться. Объ Эросѣ есть два стиха, которые, какъ я полагаю, заимствованы изъ тайныхъ стихотвореній какими-нибудь омиристами ¹. Изъ этихъ стиховъ одинъ очень нескроменъ ² и слишкомъ нестроенъ. Поютъ ихъ такъ:

¹ Платонъ смѣется надъ стараніемъ нѣкоторыхъ Грековъ заключить всю мудрость въ предѣлы Омировыхъ твореній. Эти омиристы изучали нетолько то, что было написано Омиромъ, но и то, что будто бы перешло отъ него по преданію, или такъ называемыя ἀπόρρητα ἔπη—тайныя стихотворенія. Впрочемъ, приведенные здѣсь стихи, вѣроятно, — произведеніе самого Платона, намѣренно прииженное къ дурному вкусу омиристовъ.

² Такъ какъ Платонъ не сказалъ, на который именно стихъ здѣсь указывается, то филологи разошлись въ своихъ мнѣніяхъ объ этомъ. Гейндорфъ и Шлейермахеръ ищутъ нескромности въ первомъ стихѣ, т.-е. въ словахъ: «пернатый Эросъ.» Этими словами, говорятъ они, Платонъ указываетъ на вѣтреность и непостоянство бога любви; потому что во времена Платона Эросу будто бы не придавали еще крыльевъ, — что весьма ложно (см. *Fragmenta hymnorum, qui Orpheo adscribuntur* VI, 2, p. 260. *Herm.* 58, 2, p. 324. У Эрмія находимъ также стихъ: χρυσαῖς πτερυγεῖσι φορμιμένος ἔρα καὶ ἔρα). Но выше Сократъ говоритъ: «эту-то страсть люди называютъ Эросомъ.» Тутъ сказано все, что заключается въ первомъ стихѣ, кромѣ только слова «пернатый». Потомъ онъ прибавляетъ: «но услышавъ, какъ называютъ ее боги, ты, по молодости, справедливо будешь смѣяться.»

Это пернатое люди всё называютъ Эросомъ;

А у боговъ, за птичій похоти зудъ, оно—Птерось.

С.

Приведеннымъ стихамъ можно вѣрить и не вѣрить: но причина и страсть людей любящихъ—это самое. Итакъ, когда подъ власть того пернато-именнаго подпадаетъ кто-нибудь изъ послѣдователей Зевса ¹,—онъ можетъ нести тяжелѣйшее бремя: напротивъ, пойманные Эросомъ и какъ-нибудь обиженные любимцемъ слуги и спутники Марса, бываютъ кровожадны и готовы принести въ жертву своей страсти и себя и любимца. То же и по отношенію къ каждому бо- D. гу: кому изъ нихъ кто слѣдовалъ, того и чтить, тому и подражаетъ, такъ и живетъ; пока не развратится и не совершитъ перваго поприща бытія, въ такихъ находится связяхъ и сношеніяхъ съ любимцами и съ прочими людьми. Посему каждый избираетъ себѣ Эроса красоты по нраву ²,

А боги, во второмъ стихѣ, называютъ ее Птеросомъ; слѣдовательно, въ этомъ стихѣ и именно въ словѣ «Птерось» должно скрываться смѣшное. Слово *πτερος* значить *крыловращатель*: оно, по всей вѣроятности, сформовано самимъ Платономъ, да только въ его сочиненіяхъ и сохранилось, а въ языкѣ народномъ никогда не было употребляемо. Это одно уже могло придавать ему нѣкоторую странность; а странное названіе, приложенное къ греческому божеству, для языческой совѣсти должно было казаться оскорбительнымъ и нескромнымъ. Такого мнѣнія держится и Астъ, только нескромности ищетъ онъ въ словахъ: *διὰ πτερόζουτον ἀνάγκην*—за птичій зудъ похотливости. Здѣсь *ζουτός* или *ζουτάλεος* — то же, что *λυσσώδης*—неистовый волокита. Надобно замѣтить однакожь, что Гейндорфъ читаетъ: *διὰ πτερόζουτον ἀνάγκην*; а это напоминаетъ о стремленіи прекраснаго возвращать перья, слѣд. имѣть ближайшую связь съ мнѣемъ Платона.

¹ Зевсъ, по ученію Платона, есть образъ высочайшаго разума. *Phileb.* p. 29 D. *Cratyl.* p. 396 A. В.

² Нашедши общее происхожденіе любви къ прекрасному въ припоминаніи до-мірнаго созерцанія хора боговъ, т.-е. въ идеѣ прекраснаго божественнаго, Платонъ долженъ былъ предотвратить слѣдующее возраженіе: если источникъ любви къ прекрасному — одинъ, то откуда безконечное различіе понятій о прекрасномъ въ мірѣ явленій? Стараясь быть вѣрнымъ своему началу, Платонъ, какъ языческій философъ, нашелъ основаніе для изясненія различныхъ представленій прекраснаго въ самомъ многобожии. Боги, по своимъ свойствамъ различны; но всё люди были спутниками того или другаго бога; слѣдовательно и всё люди, *ὅταν ὕπ' ἔρωτος ἄλωσι*, въ своихъ эстетическихъ стремленіяхъ, должны быть различны. Такое раскрытіе и приложеніе системы до-мірнаго бытія душъ (*systema praesistentiae*), лъстя теоріи поли-

- создаетъ и украшаетъ его, будто статую самого бога—съ намѣреніемъ приносить ему въ жертву свое почитаніе и свои восторги. Такъ, напримѣръ, слѣдовавшіе за Зевсомъ
- Е. ищутъ въ своемъ любимцѣ души какой-то зевсовской, то есть наблюдаютъ, философъ ли онъ и вождь по природѣ, и если находятъ его и любятъ, то употребляютъ всѣ силы, чтобы сдѣлать его такимъ. Люди этого рода, хотя бы прежде и не занимались подобными предметами, теперь рѣшаются, откуда только можно, узнать ихъ, и сами доходятъ.
253. Изслѣдывая шагъ за шагомъ природу своего божества чрезъ собственныя усилія, они получаютъ успѣхъ, потому что бывають принуждены неослабно взирать на бога; когда же постигаютъ его своею памятью, тогда, приходя въ восторгъ, заимствуютъ отъ него нравы и наклонности, сколько можетъ человѣкъ пріобщаться божественному. И такъ какъ этимъ они почитаютъ себя обязанными любимцу, то еще болѣе любятъ его и, почерпая свое сокровище изъ нѣдръ Зевса, подобно вакханкамъ ¹, переливаютъ его въ душу любимца и стараются, чтобы онъ, сколько можно болѣе, походилъ на ихъ бога. Такимъ же образомъ, послѣдовавшіе
- В. за Ирою ищутъ любимца царственнаго ² и, нашедши его, поступаютъ съ нимъ, какъ и прежніе. Тотъ же обычай у

теизма, вмѣстѣ удовлетворяло и астрологическимъ понятіямъ Платона, по внутреннему убѣжденію котораго, слѣдованіе человѣка извѣстному богу означало зависимость его отъ извѣстнаго созвѣздія.

¹ Т.-е. питая душу созерцаніемъ своего божества, или, просто сказать, увлекаясь наклонностію своей природы, они ту же самую пищу сообщаютъ и своимъ любимцамъ, какъ вакханки, которыя, по миеологическимъ сказаніямъ Грековъ, находясь въ состояніи восторженномъ, почерпаютъ изъ рѣкъ медь, молоко и вино, а въ состояніи обыкновенномъ — простую воду. Снес. Ion. 594 А.

² Иру или Юнону Греки чтили, какъ царицу и *τὴ βασιλικὴν* никогда, не смѣшивали съ *τὸ ἡγεμονικὸν*. Подъ словомъ *τὸ βασιλικὸν* они разумѣли безусловное господство — внѣшнее выраженіе власти (*impregiositas*), а подъ словомъ *τὸ ἡγεμονικὸν*—высочайшее достоинство, или внутреннее право на власть. Поэтому Платонъ говоритъ, что превосходное государство есть то, въ которомъ или царь философствуетъ, или философъ царствуетъ; поэтому также Зевсъ у Платона называется *μῦθος ἡγεμῶν ἐν οὐρανῷ*. См. выше р. 246 Е.

сопутниковъ Аполлона и прочихъ боговъ: всѣ ищутъ себѣ мальчика, идучи за своимъ богомъ, и, какъ скоро имѣютъ его, то, управляясь подражаніемъ сами, посредствомъ убѣжденій и настроенія, ведутъ и своего любимца къ сообразнымъ тому богу свойствамъ и къ его идеѣ, сколько у каждаго достаесть способностей. Они не дѣйствуютъ на избраннаго ни ненавистью, ни грубыми вспышками, но всѣ свои дѣйствія согласуютъ со всевозможнымъ стараніемъ непремѣнно вести его къ совершенному подобію себѣ и тому богу, С. которому воздаютъ почтеніе. Итакъ, заботливость и внутреннія, о которыхъ говорю, наставленія людей, истинно любящихъ, достигая своей цѣли, бываютъ прекраснымъ благодѣяніемъ избранному другу со стороны друга, изступленнаго любовію. Склоняется же избранный слѣдующимъ образомъ:

Какъ, при началѣ своей рѣчи, я раздѣлилъ каждую душу на три вида, и два изъ нихъ представилъ подъ образомъ коней, а третій подъ образомъ возниклаго: такъ пусть D. это остается у насъ и въ настоящемъ случаѣ. Но, сказавъ, что одинъ конь добръ, а другой нѣтъ, мы тогда не объяснили, въ чемъ состоитъ доброта перваго и зло послѣдняго: объяснимъ же теперь Одинъ изъ нихъ отличной стати ¹, съ виду прямъ и хорошо сложенъ; шея его высока, носъ дугою ²,

¹ Излагаемая здѣсь физиогномика коней, безъ сомнѣнія, есть плодъ наблюденій философа не надъ конями, а надъ внѣшними, органическими чертами людей, служащими выраженіемъ того или другаго настроенія души. И въ этомъ случаѣ Платонъ является искуснымъ портретистомъ. Въ описаніи добраго коня ясно видишь человѣка съ душою благородною, открытою и мужественною, которая столь же живо чувствуетъ свой долгъ, какъ и сознаетъ свои достоинства. Это вѣрнѣйшій типъ разумнаго существа въ естественномъ его величій среди языческаго общества. Напротивъ, изображеніе коня злаго воплощаетъ предъ глазами нашими духа непріязненнаго, волнуемаго неистовствомъ страстей, дышущаго яростію и стремящагося къ грубымъ удовольствіямъ, которыя болѣе гибельны для другихъ, чѣмъ сколько пріятны для него самого, и которыя онъ считаетъ удовольствіями, кажется, потому, что видитъ въ нихъ ядъ, поражающій ближнихъ смертію.

² *Носъ дугою*, орлиный, у Грековъ пользовался особенною честию. Они называли его царскимъ: *γροῦδος, ἐπίγροπος, ὄν καὶ βασιλικὸν οἰοῦται*. Pollux. II, p. 189.

шерсть бѣлая ¹, глаза черные; онъ любить честь, однакожь вмѣстѣ разсудителенъ и стыдливъ; онъ — другъ истинной славы, не дожидается удара, но слушается одного приказанія и слова. Напротивъ, другой кривъ, безобразно расплылся въ толщину и крѣпкоузды; шея его коротка ², носъ вздернутъ ³, шерсть черная, глаза синіе и подернуты кровью; онъ—другъ похотливости и наглости, около ушей космать, глухъ ко всему и едва слушается бича и удиль. И такъ, когда возникій, видя любящее лице, согрѣвшее всю душу его теплотою чувства ⁴, возбуждается тревогами щекотанія и страсти, — одинъ конь, послушный ему и въ то время, какъ всегда, удерживается стыдомъ и умѣряетъ себя, какъ бы не наскочить на любимца; напротивъ, другой не укрощается ни удилами, ни бичемъ, но прыгая, насильственно тянетъ колесницу и, всячески надоѣдая какъ своему товарищу, такъ и возничему, понуждаетъ ихъ идти къ любимцу и оставить память любовныхъ наслажденій. Сперва они съ негодованіемъ противятся ему, такъ какъ влекутся имъ къ В. постыдному, ужасному и беззаконному, но потомъ, не видя конца злу, послѣдуютъ его влеченію, уступаютъ ему и со-

¹ Ъздать на бѣлыхъ коняхъ въ Греціи имѣли право особенно эвгенеты. *Jacobs de Philostr.* p. 369. Бѣлыхъ коней хвалятъ и Омирь: *λευκότερον χιόνος θεῖον τ'ἀνέμοισιν ἄριστον.* *Iliad.* X, 437.

² Короткую шею древніе физиогномисты почитали признакомъ тупоумія и нездравомыслія. Такъ, въ книгѣ Аристотеля *φυσιολογικῶν* (С. III. p. 1173 В) признаки глупыхъ между прочимъ суть: «мясистая, сплюснутая, связанная шея и толстый затылокъ.» Тамъ же читаемъ и другое, нѣсколько отличное наблюденіе: «толстый и полный затылокъ есть признакъ робости, а слишкомъ короткій показываетъ коварство.» Аристотель приводитъ и свидѣтельство Адаманціи (ib. с. XVI, p. 207), который говоритъ: «люди слишкомъ короткошейные незлобивы, неповоротливы, простоваты и неопрятны.»

³ *Носъ вздернутъ* — *σιμωπρόσωπος*. О людяхъ съ такою чертою физиогноміи Аристотель въ упомянутой книгѣ (p. 1179 В) говоритъ: «гурносые — похотливы.» То же, по его мнѣнію, означаютъ и косматые уши.

⁴ *Любящее лице, согрѣвшее всю душу теплотою чувства*, по-гречески: *ἐρωτικὸν ὄμμα πάσα ἀισθῆσει διαθερμύνας τὴν ψυχὴν*. Здѣсь причастіе мужское, *διαθερμύνας*, стоитъ внѣ всякой связи съ выраженіемъ, и потому, согласно съ мнѣніемъ Штальбома, я полагаю, что, вмѣсто *διαθερμύνας*, надобно читать *διαθερμύνην*.

глашаются сдѣлать по его желанію. Вотъ они уже близко, и видятъ свѣтлый взоръ любимца. Въ возничемъ, при взглядѣ на него, пробуждается воспоминаніе о природѣ красоты¹, которую, какъ утвержденную на непорочномъ основаніи, онъ снова созерцаетъ съ разсудительностію, созерцая же, поражается страхомъ и, отъ благоговѣнія, склоняясь на спину, въ то самое время по необходимости такъ сильно тянетъ назадъ С. возжи, что оба его коня садятся на крестцы—одинъ охотно, потому что не имѣетъ противнаго стремленія, а другой—похотливый—совершенно противъ воли. Отошедши далѣе, первый изъ нихъ, отъ стыда и изумленія, всю душу орошаетъ потомъ, а послѣдній, избавившись отъ боли, которую причиняли ему узда и паденіе, и едва дыша отъ гнѣва, начинаетъ браниться и сильно поносить какъ возничаго, такъ и своего товарища, что, по трусости и малодушію, они нарушили порядокъ и согласіе; потомъ, убѣждая ихъ снова D. подойти, едва уступаетъ ихъ просьбѣ отложить это до другаго времени. Когда же предназначенное время наступило, а добрый конь и возничій притворились, будто забыли, — онъ напоминаетъ, насилуетъ, ржетъ, влечетъ, заставляетъ снова приблизиться къ любимцу и повторяетъ прежнія свои слова, а приблизившись, сгибается, раскидываетъ хвостъ, закусываетъ удила и рвется съ крайнимъ безстыдствомъ. Но возничій, исполняясь знакомымъ себѣ чувствомъ, еще E. болѣе прежняго переваливается какбы за перегородку козелъ и съ такою силою оттягиваетъ узду изъ зубовъ похотливаго коня, что обагрываетъ кровію злорѣчивый его языкъ и скуля, повергаетъ его на лядвеи и крестецъ и даетъ ему чувствовать боль. Терпя это часто, лукавый конь наконецъ оставляетъ свою похотливость, послушно слѣдуетъ волѣ возничаго и, при видѣ красавца, чувствуетъ страхъ; такъ что душа любящаго теперь обращается съ любимцемъ уже 552.

¹ *Воспоминаніе о природѣ красоты.* Подъ словами: *ή του κάλλους φύσις*, разумѣется красота безусловная, красота сама въ себѣ, или идея красоты.

- стыдливо и уважительно. Но какъ скоро послѣдній, для любви непритворной и дѣйствительно чувствуемой, становится существомъ равнымъ богу и предметомъ всякаго почитенія, то, располагаясь самою природою быть другомъ своего почитателя ¹, онъ съ его дружбою сочетаваетъ свою собственную. И если сперва, разубѣждаемый товарищами дѣтства или къмъ другимъ, что стыдно сближаться съ любящимъ, онъ и убѣгаетъ отъ него: то, по прошествіи нѣкотораго времени, возрастъ и потребность все-таки приводятъ его въ сообщество съ нимъ. Видно, не опредѣлено злому дружитья съ злымъ, а доброму не сводить дружбы съ добрымъ. Сближаясь же съ любящимъ, вступая съ нимъ въ разговоръ и обращеніе, онъ вблизи сильно поражается его благорасположеніемъ и чувствуетъ, что предъ боговдохновенною дружбою любящаго дружба всѣхъ прочихъ друзей и домашнихъ ничего не значить. Продолженіе подобныхъ дѣйствій и сближеніе съ нимъ чрезъ прикосновеніе въ гимназіяхъ и другихъ мѣстахъ собраній производитъ то, что источникъ тока ², названный отъ Зевса, по поводу любви его къ Ганимеду, вождельніемъ, переливаясь съ обиліемъ въ любовника, частію остается въ немъ, а частію отъ полноты вытекаетъ внѣ: то-есть, какъ вѣтеръ или звукъ, отражаясь отъ гладкихъ и твердыхъ тѣлъ, возвращается туда, откуда происходилъ; такъ и токъ красоты чрезъ глаза — обыкновеннымъ путемъ вхожденія въ душу — льется опять въ красавца, а возвратившись въ него и служа ему

¹ *Располагаясь самою природою быть другомъ своего почитателя.* Мысль здѣсь та, что любящій и любимый въ жизни до-мірной созерцали одинъ и тотъ же образъ прекраснаго; слѣдовательно, природы ихъ стремятся къ одной и той же идеѣ, а потому какъ естественно сближаются между собою. 'Ως αἰεὶ τὸν ἄμοιον ἄγει θεὸς πρὸς τὸν ἄμοιον. *Odyss. XVII. 218.*

² *Источникъ тока* — ἡ τοῦ ρεύματος πηγή въ смыслѣ нравственномъ есть ἔμπερον, т.-е. истечение красоты чрезъ органъ зрѣнія (р. 251 С). Этимъ именемъ, по мнѣнію Платона, дѣйствіе любви назвалъ самъ Зевсъ, когда, плѣнившись красотою Ганимеда, взялъ его на Олимпъ и возложилъ на него обязанность наливать и подносить богамъ нектаръ, — такъ что изліяніе нектара было какбы символомъ изліянія любви.

возбужденіемъ, орошаетъ поры перьевъ, способствуетъ къ D. быстрѣйшему ихъ выращенію и душу любимца снова наполняетъ любовію. Такимъ образомъ, онъ хоть и любитъ, но самъ не знаетъ, что: онъ и не понимаетъ собственнаго чувства, и не можетъ высказать его; то-есть, подобно человѣку, который, занявъ отъ другаго глазную болѣзнь ¹, не умѣетъ найти ея причину, — онъ забылъ, что въ любящемъ, какъ въ зеркалѣ, видитъ самого себя. Поэтому, когда одинъ на глазахъ, — другой, подобно первому, не чувствуетъ грусти; а какъ-скоро его нѣтъ, то, — опять подобно первому, — жаждетъ и бываетъ предметомъ жажды, поколику взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса ², и этотъ образъ почитаетъ не любовію, а дружбою. Онъ желаетъ, — E. хотя и слабѣе, чѣмъ любящій, — видѣть его возлѣ себя, прикасаться къ нему, цѣловать его, лежать съ нимъ и, ужъ вѣроятно, дѣлать слѣдующее за тѣмъ. Когда же они лежатъ вмѣстѣ, — наглый конь любовника знаетъ, что говорить возникшему: за великіе труды онъ требуетъ небольшого наслажденія. А конь любимца ничего не можетъ ска- 256. зать: въ любовной горячкѣ и недоумѣніи, онъ обнимаетъ и цѣлуетъ любовника, лаская его, какъ человѣка благорасположеннаго; и еслибы послѣдній, лежа вмѣстѣ, попросилъ, то первый съ своей стороны, можетъ быть, и не отказался бы оказать ему благосклонность. Но другой конь и возникій

¹ *Занявъ отъ другаго глазную болѣзнь.* — Прекрасное подобіе, взятое отъ мѣвнїа древнихъ, что болѣзнь глазъ сообщается чрезъ зрѣніе. *Gesner. ad orat. de garuspicum respons. p. 345, edit. Wolf.*

² *Взаимную любовь принимаетъ за образъ Эроса.* Любимцу Платонъ приписываетъ не любовь, а изображеніе, или копію любви — *είδωλον ἔρωτος*; въ томъ смыслѣ, что любимецъ исполняется тою самою любовію, которая перелита имъ въ любящаго, и которая отъ любящаго отразилась снова на любимцѣ. Такимъ образомъ послѣдній, въ отношеніи къ понятію о своей любви, находится подъ вліяніемъ оптическаго обмана, т.-е. въ любящемъ любить отраженіе собственной красоты, собственное свое созданіе. Съ этой точки зрѣнія весьма хорошо объясняется нравственное и религіозное значеніе слова «идолъ». Нашъ идолъ есть произведеніе нашей страсти; онъ оцѣняется ею и вмѣстѣ съ нею исчезаетъ.

- снова противопоставляютъ ему стыдъ и убѣжденіе. Итакъ, если одерживаютъ побѣду благороднѣйшіе виды души, полагающіе человѣка къ добропорядочному поведенію и философіи: то люди проводятъ жизнь счастливо и согласно; потому что тогда, покоривъ часть души, скрывающую въ себѣ зло, и давъ свободу той, въ которой заключено добро, они бываютъ воздержны и скромны, а по смерти, сдѣлавшись пернатými и легкими, выигрываютъ одно изъ трехъ истинно олимпійскихъ сраженій¹, то-есть, достигаютъ такого блага, болѣе котораго не можетъ доставить намъ ни человѣческая разсудительность, ни божественное изступленіе. Если же, напротивъ, люди ведутъ жизнь грубую и нефилософскую, а между тѣмъ честолюбивы, то легко можетъ статья, что въ минуты опьяненія, или въ самозабвеніи другаго рода, необузданные кони, нашедши души безъ охраненія, согласятъ ихъ избрать и совершить то, что чернь называетъ блаженствомъ; а совершивъ однажды, онѣ сдѣлаются склонными къ тому же избранію и впоследствии, — хотя, конечно, изрѣдка, потому что будутъ совершать это съ согласія не всей души. Эти тоже живутъ въ дружбѣ; но ихъ дружба—въ любви ли ея основаніе, или внѣ любви — гораздо ниже дружбы тѣхъ: и имъ также представляется, что имѣютъ другъ къ другу величайшую довѣренность, которую не годится употреблять во зло и идти на ссору; но подъ конецъ они не окрыляются, а только оставляютъ тѣло съ желаніемъ окрылиться, и въ этомъ получаютъ немалую награду за любов-

¹ Выигрываютъ одно изъ трехъ истинно-олимпійскихъ сраженій. Подъ этими тремя олимпійскими сраженіями, въ которыхъ душа философствующая должна одержать побѣду, Платонъ разумѣетъ три періода существованія, или, по отношенію къ философамъ, три тысячелѣтія. Побѣда души будетъ состоять въ томъ, что въ каждомъ тысячелѣтіи она изберетъ себѣ все тотъ же философскій образъ жизни (р. 249). Эти сраженія названы олимпійскими примѣнительно къ правиламъ олимпійскихъ игръ, на которыхъ только тотъ провозглашаемъ былъ полнымъ побѣдителемъ, кто восторжествовалъ надъ своимъ противникомъ *στάδιον, δίαύλον και ἐολίχον*, т. е. на простомъ, двойномъ и двѣнадцатикратномъ поприщѣ, слѣдовательно, кто одержалъ верхъ во всѣхъ видахъ сраженія. Снес. Euthyd. р. 277 С и примѣч. къ сему мѣсту.

ное свое изступленіе. Вѣдь нѣтъ закона, чтобы начавшіе уже странствовать шли во тьму и блуждали подъ землею ¹: провозждая свѣтлую жизнь, они, вмѣстѣ съ другими, должны Е. идти къ блаженству и, ради любви, опериться когда бы то ни было.

Вотъ сколь великія и божественныя блага можетъ доставить тебѣ, мальчикъ, дружба любящаго! А короткость чело- вѣка, чуждаго любви, растворенная смертнымъ благоразу- міемъ, произведетъ столь же смертные и скудные плоды: она поселитъ въ дружеской душѣ расчетливость, которую толпа восхваляетъ, какъ добродѣтель, и заставитъ душу въ ²⁵⁷. продолженіе девяти тысячъ лѣтъ носиться около земли и безъ ума—подъ землею.

Эта-то, любезный Эросъ, по нашимъ силамъ, самая лучшая и прекраснѣйшая, представляется и посвящается тебѣ палинодія. Въ угодность Федру, я принужденъ былъ, кромѣ прочаго, облечь ее въ языкъ поэтической ². Прости же меня за первую и похвали за послѣднюю мою рѣчь. По своей благосклонности и милости, не отнимай у меня и, въ гнѣвѣ, не обезображивай даннаго мнѣ тобою искусства любви. Позволь мнѣ еще болѣе, чѣмъ теперь, пользоваться уваженіемъ красавцевъ. Если же Федръ и я прежде гово- В. рили о тебѣ нѣчто непристойное; то, приписавъ это отцу рѣчи, Лизіасу, отврати его отъ подобныхъ рѣчей и обрати

¹ *Блуждали подъ землею.* Древніе учили. *vitiis et sceleribus contaminatos deprimi in tenebras atque in seeno jacere.* Cicer. *ap. Lactant.* III, 19, 6 Самъ Платонъ, въ своемъ Федонѣ, говоритъ: «кто сойдетъ въ преисподнюю непосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ (р. 81 С).» Учили также, что души, преданныя земнымъ удовольствіямъ, по смерти не отрѣшаются отъ тѣла, но вмѣстѣ съ его элементами блуждаютъ въ нѣдрахъ земли, переходя или воплощаясь въ различные виды вещей, чуждыхъ ума и свободы. *Phaedon* 81 С.

² Т.-е. изложилъ ученіе о прекрасномъ въ формахъ миѣическихъ и сооб- щилъ рѣчи по мѣстамъ тонъ диѳирамба. Къ такому изложенію ея Платонъ возбуждаемъ былъ не только философско-поэтическимъ своимъ гениемъ, но, вѣроятно, и духомъ столь свойственнаго ему мимизма, чтобы, т.-е., прилично откликнуться на восторгъ Федра при чтеніи рѣчи Лизіаса.

къ философіи, къ которой обратился братъ его Полемархъ, чтобы этотъ его любитель не колебался уже, какъ теперь, но сообразовалъ свою жизнь просто съ Эросомъ, понимаемымъ философски.

- С. *Федръ*. Съ твоею молитвою, Сократъ, я соединяю и свою, если только это для меня лучше. Твоя рѣчь давно уже удивляетъ меня: какъ далеко она лучше первой! Я даже опасуюсь, что Лизіасъ будетъ ниже тебя, хотя бы и рѣшился, въ сравненіе съ твоею, написать свою — новую. Притомъ, одинъ изъ политиковъ, недавно раздраженный рѣчами Лизіаса, по этому случаю порицалъ его и, вмѣсто всякой брани, называлъ писакою рѣчей ¹: такъ можетъ быть, самолюбіе и удержать его отъ сочиненія намъ рѣчи.
- Д. *Сокр.* Смѣшное дѣло, молодой человекъ. Да ты крайне ошибаешься въ своемъ другѣ, если думаешь, что онъ такъ боится шума. Можетъ быть, ты полагаешь, что и порицавшій его порицалъ по убѣжденію.

Федръ. Казалось такъ, Сократъ. Впрочемъ ты, вѣроятно, и самъ знаешь, что люди, въ обществѣ сильные и почетные, стыдятся писать рѣчи и оставлять свои рукописи потомству, боясь, какъ бы молва въ послѣдующее время не назвала ихъ софистами.

- Сокр.* Ты забылъ, Федръ, что «сладкій рукавъ» полуб. чилъ свое имя отъ большаго нильскаго рукава ²; а вмѣстѣ

¹ Писакою рѣчей, *λογογράφος*. О значеніи этого слова см. Euthyd. p. 305 С и примѣч. къ сему мѣсту. Здѣсь можно прибавить только то, что значеніе логографовъ, въ отношеніи къ содержанию ихъ рѣчей, надобно принимать въ самомъ обширномъ смыслѣ. Логографы не ограничивались приготовленіемъ рѣчей только для цѣлей политическихъ, но писали о всемъ и на всякую тему. По крайней мѣрѣ Лизіасъ, по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго (Т. II, p. 82, ed. Sylburg.), приготовлялъ рѣчи всякаго рода, не исключая панегирическихъ, эротическихъ и эпистолярныхъ.

² Это мѣсто весьма затрудняло всѣхъ истолкователей Федра. Почему большой рукавъ Нила могъ быть названъ рукавомъ сладкимъ? Нѣкоторые филологи, если не для преодоленія, то для избѣжанія затрудненія, вмѣсто *γλυκὺς ἄρακος*, хотѣли читать *γλυκὴ ἄρακος*, и утверждали, что это выраженіе Платонъ заимствовалъ изъ схоли Вакхилида (Athen. II, p. 40, ed. Saavaub.). Но подлинность и вѣрность чтенія *γλυκὺς ἄρακος* не подлежитъ никакому сомнѣнію и

съ тѣмъ забываешь, что самые тщеславные изъ политиковъ особенно любятъ умѣнье писать и оставлять списки. Они-то именно, написавъ какую-нибудь рѣчь, такъ уважаютъ хвалителей, что прежде всего вписываютъ въ нее имена тѣхъ, которые ихъ хвалятъ.

Федръ. Какъ это? Я не понимаю.

Сокр. Ты не понимаешь, что въ началѣ рѣчи, написанной политикомъ, первое мѣсто занимаетъ хвалитель?

Федръ. Какимъ образомъ?

Сокр. Онъ, конечно, говоритъ: «сенату», либо «народу», либо «тому и другому угодно было» ¹. А кто такъ говорить, то-есть государственный докладчикъ (*συγραφεύς*), тотъ, важно и величаво желая выставить и собственную особу ²,

подтверждается всеми списками Федра. Для объясненія этихъ словъ мы слѣдуемъ авторитету Эрмія, который говоритъ, что приведенное выраженіе имѣло силу пословицы и заимствовано отъ одного мѣста на Нилѣ, представлявшаго великія затрудненія плавателямъ, такъ что они называли его иронически *ἀγαθὸν δαίμονα*, за то чрезвычайно сокращавшаго путь отъ Навкратиса до Мемфиса (v. Mannert. Geograph. Afr. P. I, p. 540). Это-то отношеніе близости плаванія къ его трудности и заставило дать рукаву названіе *γλυκὺς ἄγκων*. Принявъ такое основаніе, мы поймемъ значеніе словъ Сократа. «Ты забылъ, Федръ, говоритъ онъ, что пословица, *γλυκὺς ἄγκων* выражаетъ совсѣмъ не то, что показываютъ ея слова: названіе-то хорошо, да самое дѣло трудно.» Политикамъ, дѣйствительно, нравится писать рѣчи и оставлять ихъ потомству; да они скрываютъ это подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы боятся прослыть софистами. Отсюда видно, что пословица, *γλυκὺς ἄγκων*, совершенно соответствуетъ русской: «зелень виноградъ.»

¹ *Онъ, конечно, говоритъ — угодно было, ἔδοξε ποὺ φησι.* Нѣкоторые переводчики Платона энклитическую частицу *ποὺ* въ этомъ текстѣ относили къ глаголу *ἔδοξε*. Посему считаю нужнымъ замѣтить, что ее надобно относить къ *φησι*. А что она стоитъ не послѣ, а прежде своего глагола,—дѣло весьма обыкновенное въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголь, къ которому она относится, есть слово вносное, или вставочное. См. *Bullmann in indice ad Menon. h. v. Ast. de Legg. p. 216. Comment. ad Prot. p. 99.* Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующее мѣсто (*Legg. III, p. 681 E*): *κτίσσε δὲ Δαρδανίην γὰρ ποὺ φησιν, ἐπει οὐπω Πλευς ἰρή κ. τ. λ.* Тому же правилу слѣдуютъ и другія энклитическія частицы: напр. *Legg. VI, p. A: ὦ ποτὶ τοίον φῶμεν. ib. X, p. 899 D: ἦ ἄριστε δὲ φῶμεν.*—Непосредственно за этимъ стоящія слова: *αὐτὸ τὸ συγραμμίαι*, безъ всякаго сомнѣнія, привнесены чуждою рукою и въ нѣкоторыхъ спискахъ, дѣйствительно, не встрѣчаются.

² *Желая выставить и собственную особу — τὸν ἑαυτὸν δὲ... ἐγκωμιάζων.* Тѣмъ *ἑαυτὸν* отнюдь не должно переводить возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*. Членъ

вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ показывать хвалителямъ свою мудрость и иногда пишетъ очень длинный докладъ ¹. Такъ чѣмъ же инымъ представляется тебѣ его сочиненіе, какъ не написанною рѣчью?

В. *Федръ*. Не инымъ чѣмъ.

Сокр. И если рѣчь принята, онъ возвращается съ веселіемъ въ сердцѣ, какъ поэтъ изъ театра; а когда отвергнута, когда искусство писать рѣчи и достоинство писателя ему не даются,—онъ печаленъ вмѣстѣ съ друзьями.

Федръ. Конечно.

Сокр. Стало-быть, явно, что этого занятія не презираютъ, а удивляются ему.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

С. *Сокр.* И что, еслибы ораторъ или царь былъ столь сподобенъ, что, облекшись властію Ликурга, Солона либо Дарія, могъ обезсмертить себя въ обществѣ сочиненіемъ рѣчей: — непочиталъ ли бы онъ и самъ себя равнымъ богу еще въ этой жизни? и не то же ли бы заключили о немъ потомки, рассматривая его сочиненія?

Федръ. И очень.

Сокр. Такъ будетъ ли, думаешь, кто-нибудь изъ подобныхъ людей, сколь бы ни раздраженъ былъ онъ противъ Лизіаса, порицать его именно за то, что онъ пишетъ?

Федръ. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что, конечно, не будетъ ²; иначе онъ порицалъ бы, какъ видно, и собственное свое расположеніе.

предъ мѣстоименіемъ дѣлаетъ на немъ сильное удареніе и живо выражаетъ софистическое хвастовство эгоизма. Напр., Theaet. p. 166 A: *Γέλωτα δῆτα τὸν ἐμὲ ἐν τοῖς λόγοις ἀπίδειξε.*

¹ *Очень длинный докладъ*—*πάνυ μακρὸν σύγγραμμα*. *Σύγγραμμα* здѣсь—то же, что *ψήφισμα*, т.-е. мнѣніе, или опредѣленіе государственнаго совѣта, которое *συγγραφεὺς*, т.-е. статсъ-секретарь, долженъ былъ докладывать народному собранію и доказывать его пользу и важность. Начальная формула доклада всегда была: *γνώμη βουλῆς*, либо *γνώμη βουλῆς καὶ δήμου*, чтобы, т.-е., зная предварительно о согласіи совѣта и народа на предлагаемое мнѣніе, толпа благосклоннѣе выслушала его и единодушно одобрила.

² *Что, конечно, не будетъ*—*οὐκοῦν εἰκόσ γε*. *Οὐκοῦν γε* Греки употребляють

Сокр. Въдъ всякому извѣстно, что сочиненіе рѣчей само-то по себѣ не есть что-либо постыдное. D.

Федръ. Какже.

Сокр. Но вотъ это-то ужъ, конечно, постыдно, когда кто говорить и писать не хорошо, а дурно и злонамѣренно.

Федръ. Разумѣется.

Сокр. Какимъ же образомъ можно писать хорошо и нехорошо? Не нужно ли намъ, Федръ, рассмотреть въ этомъ отношеніи и Лизіаса, и всякаго, кто когда-нибудь написалъ или напишетъ—политическое ли то сочиненіе, или частное, измѣреннымъ ли языкомъ, какъ поэтъ, или неизмѣреннымъ, какъ обыкновенный писатель ¹?

Федръ. Не нужно ли? спрашиваешь ты. Да для чего же, Е. правду сказать, и живемъ мы, какъ не для подобныхъ удовольствій? Въдъ не для тѣхъ же, конечно, жить намъ, которымъ должна предшествовать скорбь, чтобы ихъ чувствовать,—каковы почти всѣ, относящіяся къ тѣлу и справедливо названныя рабскими.

Сокр. Притомъ, теперь мы, кажется, и на досугъ; да и кузнечики ², какъ обыкновенно въ жаркое время, посредствомъ своихъ пѣсней, разговариваютъ между собою надъ нашими головами и смотрятъ на насъ. Если они увидятъ, что мы, подобно черни, въ полдень молчимъ и, убаюкиваемые

въ тѣхъ случаяхъ, когда сомнѣніе другаго въ отношеніи къ какому-либо предмету рѣчи отвергаютъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Напр., Cratyl. p. 408 В: *Ὁλοὺν ἀμήχανός γ' εἰμι λόγου.* Lachet. p. 195 А: *Ὁλοὺν φησὶ γε Νεκίας.* ibd. p. 192 D: *Ὁλοὺν δικαίων γε.*

¹ Какъ обыкновенный писатель, *ὡς ἰδιώτης*, разумѣется прозаикъ. Сравни. Sympos. p. 118 В. *Plut. Vit. vol. II, p. 135. 10, edit. Schöf.*

² Сократъ обращаетъ вниманіе Федра на кузнечиковъ, какъ на возбудителей къ собесѣдованію; потому что въ древности они служили символами ораторской и поэтической говорливости (*Eustath. ad Iliad. III, p. 395*). Слѣдовательно, Асть напрасно ищетъ здѣсь насмѣшки надъ Федромъ и вообще надъ Афинянами, хотя Аристофанъ, дѣйствительно, сравнивалъ Афинянъ съ кузнечиками.

Οἱ μὲν οὖν τέττιγες ἔνα μῆν' ἢ δύο
 Ἐπὶ τῶν κραδῶν ἄδουσιν, Ἀθηναῖοι δ' ἀεὶ
 Ἐπὶ τῶν δικῶν ἄδουσιν πάντα τὸν βίον.

ими, отъ умственнаго бездѣйствія дремлемъ; то по всей справедливости будутъ смѣяться на нашъ счетъ и подумаютъ, что въ ихъ убѣжище пришли какіе-то рабы ¹, чтобы, какъ овцы въ полдень, заснуть на берегу ручья. Если же, напротивъ, замѣтятъ, что мы разговариваемъ и проплыли мимо В. ихъ, будто мимо сиренъ ², не поддавшись очарованію, то охотно заплатятъ намъ тѣмъ, чѣмъ далъ имъ Богъ честь платить человѣку.

Федръ. Какую же это честь? Кажется, я никогда не слыхивалъ.

Сокр. А вѣдь любителю музъ неприлично не знать этого. Говорятъ, что кузнечики ³ нѣкогда, еще до существованія музъ, были также люди. Когда же музы родились и начали пѣть, тогда нѣкоторые изъ современныхъ людей до такой степени были увлечены удовольствіемъ, что, принявшись сами за пѣніе, забыли о пищѣ и питъѣ и въ samozабвеніи умирали. Отъ этихъ-то людей впослѣдствіи и произошла порода кузнечиковъ. Принявъ отъ музъ такую честь, эта порода не имѣетъ нужды въ пищѣ ⁴ и поетъ до самой смерти, не чувствуя ни голода, ни жажды, а послѣ смерти доноситъ музамъ, кто между людьми которую изъ нихъ чтитъ здѣсь на землѣ. Терпсихорѣ кузнечики рекомендуютъ отличныхъ плясуновъ, Эратѣ — людей, дѣлающихъ ей честь эротическими занятіями, вообще

¹ Платонъ искусно указываетъ на мысль Федра о рабскихъ удовольствіяхъ. Сонъ, безъ сомнѣнія, относится къ удовольствіямъ этого рода.

² Мнѣ о сиренахъ, обитавшихъ на трехъ камняхъ Пестскаго залива, чит. *Hom. Odys. XII, 39 sqq. Virgil. Aen. V. 864 sq.*

³ Басня о кузнечикахъ выдуманая, конечно, самимъ Платономъ съ тою цѣлю, чтобы мнѣически объяснить происхождение и силу страсти къ наукамъ.

⁴ Древніе вѣрили, что кузнечики ничѣмъ не питаются (*Artemidor. III, 49*). Аристотель (*Histor. animal. IV, 7. 9. V, 30*) даетъ имъ въ пищу только росу. То же говоритъ и Анакреонъ (43).

Μαχαρίζομέν σε, τέττιξ
 Ὅτι δεινρίων ἐπ ἄκρων
 Ὀλίγην δρόσον πεπωκώς
 Βασιλεύς ὅπως αἰδεῖς.

всякой—по роду ея достоинства, а старшей, Калліопѣ, и слѣдующей за нею, Ураніи ¹, докладываютъ о людяхъ, занимающихся философіею и уважающихъ науки этихъ музъ; потому что Калліопа и Уранія, преимущественно предъ прочими, имѣя дѣло съ небомъ и зная божескія и человѣческія рѣчи, издають прекраснѣйшіе звуки. Итакъ, въ полдень, по многимъ причинамъ, надобно о чемъ-нибудь говорить, а не спать.

Федръ. Да, надобно.

Сокр. Стало-быть, надобно изслѣдовать, что сейчасъ предъ е. положено, т.-е., какимъ образомъ можно говорить и писать хорошо, и какимъ—нѣтъ.

Федръ. Явно.

Сокр. Ну такъ въ томъ, что должно быть сказано хорошо и изящно, не слѣдуетъ ли предположить душу говорящаго, знающую истинное въ предметѣ, о которомъ онъ намѣренъ говорить?

Федръ. Объ этомъ-то, любезный Сократъ, я слыхалъ вотъ что: кто желаетъ быть ораторомъ, тому нѣтъ нужды знать 260. дѣйствительно справедливое ²; довольно, если онъ знаетъ, что кажется справедливымъ суду народа. Равнымъ образомъ, для чего ему истинное доброе и прекрасное? Знай онъ, что такимъ кажется. Вѣдь отсюда-то проистекаетъ убѣжденіе, а не изъ истины.

Сокр. Мнѣній, высказанныхъ мудрецами ³, отвергать ко-

¹ Калліопу, музу гармоніи, Платонъ почитаетъ покровительницею философій—вѣроятно потому, что философія, какъ говорится въ его Федонѣ, есть *μεγίστη μουσική*. А Уранія, съ своею астрономіею, во времена Платона еще не выступала изъ области философій. Притомъ, отношеніе этихъ двухъ музъ Платонъ могъ видѣть въ Пизагоровой гармоніи небесныхъ тѣлъ, которая, какъ видно, и ему нравилась.

² Федръ упоминаетъ здѣсь о характерѣ краснорѣчія софистическаго, которое обыкновенно отличалось внѣшнею нарядностію и, не заботясь объ истинѣ, старалось только льстить любимымъ страстямъ слушателей. Истина у всякаго своя, говорили софисты: поэтому, если хочешь нравиться извѣстному человѣку, или обществу, проповѣдуй ему собственную его истину. Къ сему-то роду ораторовъ относился и Лизіасъ.

³ *Высказанныхъ мудрецами*—*ὅ ἐν εἰρήνῃ σοφῶν*. Подъ именемъ мудрецовъ Соч. Плат. Т. IV.

нечно не должно, Федръ; однакожь надобно изслѣдовать, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь ¹. Поэтому и теперь сказанныя слова оставить безъ разсмотрѣнія не годится.

Федръ. Ты правду говоришь.

Сокр. Изслѣдуемъ же ихъ такъ.

Федръ. Какъ?

В. *Сокр.* Еслибы я убѣждалъ тебя, для отраженія непріятелей, приобрести себѣ коня; а между тѣмъ оба мы не знали бы, что такое конь, и я зналъ бы только, что конемъ Федръ почитаетъ одно изъ кроткихъ животныхъ съ большими ушами.

Федръ. Смѣшно было бы, Сократъ.

Сокр. Это-то еще нѣтъ. Но еслибы, называя осла конемъ, я не шутя убѣждалъ тебя написать ему похвальное слово и говорить, что это животное всего лучше и дома и на войнѣ, что на немъ полезно и сражаться, и перевозить

С. вьюки, и удовлетворять множеству другихъ нуждъ.

Федръ. Ужь до крайности было бы смѣшно.

Сокр. Но не лучше ли быть смѣшнымъ, чѣмъ ужаснымъ и коварнымъ другомъ?

Федръ. Кажется.

Сокр. Итакъ, если ораторъ, не зная добра и зла, будетъ говорить столь же несвѣдущему обществу и расточать похвалы — не тѣни осла ², вмѣсто коня, но злу, вмѣсто добра, и если, заботясь о мнѣніи толпы, убѣдить совершить

Сократъ разумѣеть здѣсь софистовъ и называетъ ихъ мудрецами иронически. Это видно изъ самаго выраженія, въ которомъ слово σοφοί стоитъ безъ члена, слѣдовательно означаетъ насмѣшку, или презрѣніе. См. примѣч. къ Protag. p. 314 E и ниже Phaedr. p. 368 C.

¹ *Нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь* — μή τι λέγωσι, т.-е. не скрывается ли въ нихъ какого-либо основанія. Нѣкоторые въ этомъ выраженіи, вмѣсто λέγωσι, читаютъ λέγουσι; но такое измѣненіе дѣлается безъ нужды; иначе, надлежало бы перевести: точно ли они говорятъ дѣло, — что противорѣчило бы слову σοφός.

² *Не тѣни осла* — μή περί ονου σκιάς. Слова: περί ονου σκιάς — пословица, означающая разговоръ или заботу о ничтожной вещи. Schol. ad Aristoph. Vesper. 191. Zenob. VI, 28 et al.

первое, вмѣсто послѣдняго; то его ораторство, послѣ тако- D.
го поспѣва, какой, думаешь, пожнетъ плодъ?

Федръ. Конечно, неслишкомъ хорошій.

Сокр. Впрочемъ, любезный, не сильнѣе ли, чѣмъ слѣдуетъ, порицаемъ мы искусство рѣчей? Можетъ быть, оно скажетъ: что за вздоръ несете вы, чудаки? Вѣдь я никого не заставляю учиться говорить, кто не знаетъ истины; но кто приобрѣлъ ее, тотъ, сколько можетъ быть полезенъ ему мой совѣтъ, беретъ и меня. Главное въ томъ: безъ меня, знающій истину мало успѣетъ въ искусствѣ убѣжденія.

Федръ. Что же, развѣ не правду скажетъ оно? E.

Сокр. Согласенъ, если другія-то, встрѣчающіяся съ нимъ рѣчи засвидѣтельствуютъ, что оно есть искусство. Но я какъ будто слышу, что нѣкоторые изъ нихъ, подходя, свидѣлствуютъ противное, то-есть, что оно лжетъ, что оно не искусство, а безыскусственное упражненіе ¹. Настоящаго искусства слова, независимо отъ истины, говорить Лакоонецъ ², нѣтъ и никогда не будетъ.

¹ Оно не искусство, а безыскусственное упражненіе — οὐκ ἔστι τέχνη, ἀλλ' ἄτεχνος τριβή. Это одно изъ тысячи мѣстъ, въ которыхъ Платонъ сильно возстаетъ противъ самостоятельности такъ называемыхъ формальныхъ наукъ, особенно же риторики. Вопросъ всегда былъ въ томъ, можетъ ли риторика постановлять какія-нибудь твердыя правила краснорѣчія, если она не основывается на неизвѣстномъ ей понятіи объ истинѣ. Платонъ доказывалъ, что всякая внѣшняя форма должна быть выраженіемъ идеи, слѣдовательно на ней и основываться, изъ ней почерпать и правила для своего развитія. Поэтому, гдѣ нѣтъ идеи, гдѣ форма берется отрѣшенно—сама по себѣ, тамъ не искусство, а безыскусственное упражненіе, иногда называемое также ἄλογος τριβή. См. ниже 270 В. Phileb. p. 55 E. Gorg. p. 501, или еще ἐμπειρία καὶ τριβή. Gorg. p. 463 В. Phileb. p. 55 E. По выраженію Апулея (Doctr. Plat. II, p. 16, ed. Elm.): usus, nulla ratione collectus.

² Приводимое здѣсь положеніе Лаконца, по мнѣнію Гейндорфа, Шлейермахера и Аста, есть вставка, внесенная въ текстъ à margine. Единственное доказательство неподлинности этого мѣста состоитъ въ томъ, что будто бы прерывается здѣсь связь между мыслию Сократа и слѣдующими далѣе словами Федра. Я тутъ не вижу никакого нарушенія связи и, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, почитаю вводныя слова весьма умѣстными, какъ лакедемонскую пословицу, которая приводится и Плутархомъ (Aporrh. lac. 233, 13): μεγαλυνομένου τινός, ἐπὶ τῇ ρητορικῇ τέχνῃ εἶπε τις Λάκων, ἀλλὰ νη τῷ Σίῳ, τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἠφθαίε οὔτε ἔστιν οὔτε μήποτε γένηται.

261. *Федръ.* Такія рѣчи намъ нужны, Сократъ; подай ихъ сюда къ допросу, что и какъ онѣ говорятъ.

Сокр. Такъ подойдите, благородныя произведенія, и докажите отцу прекрасныхъ дѣтей ¹, Федру, что если онъ не будетъ достаточно философствовать, то ни о чемъ и ничего не скажетъ удовлетворительнаго. Пусть-ка Федръ отвѣчаетъ.

Федръ. Спрашивайте.

Сокр. Риторикѣ вообще нельзя ли назвать руководительницею души посредствомъ рѣчей, не только въ судахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, но и въ частной жизни, — В. руководительницею души и въ маломъ и въ великомъ? И правильная ея дѣятельность бываетъ не гораздо ли почтеннѣе, касаясь предметовъ важныхъ, чѣмъ когда она относится къ мало важнымъ? Какъ ты слышалъ объ этомъ?

Федръ. Совсѣмъ не такъ, клянусь Зевсомъ. По правиламъ искусства всего чаще говорятъ и пишутъ какъ-то примѣнительно къ судамъ и народнымъ собраніямъ; а больше я не слыхивалъ.

Сокр. Да неужели ты слышалъ только о словесныхъ искусствахъ Нестора и Одиссея ², которыя они, отъ нечего дѣлать, писали подъ стѣнами Трои, а о Паламидовыхъ ничего не слышалъ?

Федръ. Даже и о Несторовыхъ-то, клянусь Зевсомъ, не

¹ *Отцу прекрасныхъ дѣтей*, т.-е. *γενναίων ἑρμηνέων*, къ которымъ теперь дѣлается обращеніе и которыя своимъ рожденіемъ обязаны Федру, какъ возбудителю ораторовъ писать и произносить прекрасныя рѣчи (см. выше р. 242).

² *О словесныхъ искусствахъ Нестора и Одиссея.* Извѣстно, что въ сонмѣ Омировыхъ героевъ Улиссъ и Несторъ почитались мудрецами, и что, по свидѣтельству Омира, первый отличался особенною пріятностію, а послѣдній особенною силою слова. Современники Сократа, принося дань удивленія краснорѣчію своихъ софистовъ, не замедлили сравнить ихъ съ троянскими героями, и Горгіаса леонтинскаго называли Несторомъ, а Тразимаха халкидонскаго и Феодора византійскаго — Улиссомъ (Schol. р. 318). Поводомъ къ шуткѣ, что Несторъ и Улиссъ подъ стѣнами Трои, отъ нечего дѣлать, занимались изложеніемъ теоріи риторики, послужило Сократу преданіе о хитромъ и всезнающемъ Паламидѣ, который, говорятъ, для препровожденія времени, изобрѣлъ подъ Троєю игру въ кости (см. *Aristoph. Ran.* 1488, *Schweig. ad Athen.* Т. I, р. 145). Кожность этой шутки состоитъ въ томъ, что софисты пишутъ свои теоріи отъ нечего дѣлать и осаждаютъ ими города для денегъ и славы.

слыхалъ, если подъ Несторомъ ты не разумѣешь какого-нибудь Горгіаса, а подъ Одиссеемъ—какого-нибудь Трази-маха и Θεодора.

Сокр. Можетъ быть; но оставимъ ихъ. Скажи мнѣ, что дѣлаютъ въ судахъ противныя стороны? не спорятъ ли одна съ другою? Что будемъ отвѣчать?

Федръ. Это самое.

Сокр. О справедливомъ и несправедливомъ?

Федръ. Да.

Сокр. И кто слѣдуетъ искусству, тотъ сдѣлаетъ такъ, D. что одно и то же однимъ и тѣмъ же покажется либо справедливымъ, либо, если захочетъ, несправедливымъ?

Федръ. Какже.

Сокр. И въ народномъ собраніи одно и то же представится городу иногда добрымъ, а иногда противнымъ?

Федръ. Конечно.

Сокр. Но не извѣстно ли намъ, что и элейскій Паламидъ ¹ слѣдуя правиламъ искусства, говоритъ такъ, что его слушателямъ одно и то же кажется подобнымъ и неподобнымъ, однимъ и многимъ, покоящимся и движущимся?

Федръ. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно словопреніе, употребляется нетолько въ судахъ и народныхъ собраніяхъ, но, какъ видно, E. и во всякихъ бесѣдахъ оно есть одно нѣкоторое искусство. Если же это искусство, то оно должно быть такимъ, которое бываетъ въ состояніи уподобить все возможное всему возможному и выводить на свѣтъ уподобленіе, сокровенно дѣлаемое другимъ.

Федръ. Какъ же это понимаешь ты?

Сокр. А вотъ какъ, повидимому, выражусь я вопрошателямъ. Гдѣ скорѣе бываетъ обманъ, — въ большомъ или маломъ различіи вещей?

¹ *Элейскій Паламидъ.* Такъ называетъ Сократъ Зенона элейскаго, который, для защищенія положеній своей школы, пользовался хитрыми изворотами слова, похожими на игру Паламида (Рамш. р. 128 D).

262. *Федръ.* Въ маломъ.

Сокр. Но переходя понемногу, ты не столь ощутительно придешь къ противоположному, какъ переходя помногу.

Федръ. Какже.

Сокр. Стало-быть, кто хочетъ обмануть другаго, не обманываясь самъ, тотъ долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей ¹.

Федръ. Это необходимо.

Сокр. Но возможно ли, не зная истины каждой вещи, замѣтить малое или великое сходство вещи незнаемой съ другими вещами?

Федръ. Невозможно.

Сокр. Итакъ, мнѣнія, несообразныя съ дѣйствительностью, и заблужденія входятъ въ людей, очевидно, чрезъ какія-нибудь сходства.

Федръ. Такъ и бываетъ.

Сокр. Но можетъ ли какой-нибудь искусникъ, не познакомившись съ истиною каждой вещи, понемногу, рядомъ подобій, всякій разъ переводить другаго отъ дѣйствительности къ противоположному, или остеречься, чтобы другою не провелъ его самого?

Федръ. Никогда.

с. *Сокр.* Слѣдовательно, кто не знаетъ истиннаго искусства рѣчей, другъ мой, тотъ, гоняясь за мнѣніями, будетъ представлять себѣ искусство какое-то смѣшное и повидимому безъискусственное.

Федръ. Должно быть.

Сокр. Теперь, хочешь ли видѣть, что есть, какъ сказа-

¹ Долженъ съ точностію распознавать сходство и несходство вещей. Ходъ Сократовыхъ вопросовъ въ настоящемъ случаѣ направляется къ раскрытію слѣдующей мысли: кто хочетъ ввести въ заблужденіе другаго, тотъ переходитъ отъ истиннаго къ ложному не вдругъ, — иначе ложь сдѣлалась бы слишкомъ замѣтною, а постепенно, чрезъ уподобленіе вещей едва различныхъ, и наконецъ заключаетъ, что вещи, совершенно различныя, подобны, даже тождественны.

но, искусственнаго и безыскусственнаго въ принесенной тобою рѣчи Лизіаса и въ рѣчахъ, произнесенныхъ нами?

Федръ. Даже всего болѣе: вѣдь доселѣ—то мы говорили довольно сухо, безъ достаточныхъ примѣровъ.

Сокр. Такъ видно, какой-нибудь счастливый случай расположилъ насъ сказать двѣ рѣчи, чтобы онѣ служили примѣромъ, какъ знатокъ, поддѣлывая въ рѣчахъ истину, можетъ проводить своихъ слушателей. Я-то приписываю ихъ, Федръ, мѣстнымъ богамъ ¹; а можетъ быть и поющіе надъ нашими головами пророки музъ вдохнули въ насъ это преимущество, потому что мнѣ вовсе неизвѣстно искусство говорить.

Федръ. Пусть и такъ; только выскажи свою мысль.

Сокр. Прочитай же мнѣ начало Лизіасовой рѣчи.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, Е. что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впрочемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные раскаяваются.»

Сокр. Постой. Теперь надо сказать, въ чемъ Лизіасъ погрѣшилъ и поступилъ безыскусственно. Не правда ли? 263.

Федръ. Да.

Сокр. Не ясно ли для всякаго по крайней мѣрѣ то, что въ иномъ здѣсь мы согласны, а объ иномъ готовы спорить?

Федръ. Кажется, я понимаю, чтѣ ты говоришь; но выскажи еще яснѣе.

Сокр. Когда кто-нибудь произносить слово: *жельзо* или *серебро*, тогда всѣ мы разумѣемъ не одно ли и то же?

Федръ. Конечно.

Сокр. А когда—слово: *справедливость* или *добро*, тогда не расходятся ли наши мысли и не разногласимъ ли мы какъ другъ съ другомъ, такъ и сами съ собою?

¹ Мѣстными богамъ, т.-е. Пану, Ахелюю и нимфамъ. См. р. 232, 238, 263, 279.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

В. *Сокр.* Стало-быть, въ иномъ мы сходимся, а въ иномъ нѣтъ.

Федръ. Такъ.

Сокр. Но чѣмъ мы удобнѣе вводимся въ заблужденіе и въ чемъ риторика болѣе сильна?

Федръ. Очевидно, въ томъ, въ чемъ можемъ обманываться.

Сокр. Посему, приступающій къ искусству риторическому долженъ путемъ различить это, — долженъ взять какой-нибудь характеръ обоихъ видовъ, — и того, въ которомъ народъ необходимо обманывается, и того, въ которомъ нѣтъ.

С. *Федръ.* Да, Сократъ, тотъ имѣлъ бы прекрасное понятіе объ обоихъ видахъ, кто взялъ бы это.

Сокр. Потомъ, обращаясь къ частному дѣлу, не забывать этого, но живо чувствовать, къ которому роду относится содержаніе предназначаемой рѣчи.

Федръ. Какже.

Сокр. Итакъ, что скажешь объ Эросѣ? къ обоюднымъ ли относится онъ предметамъ, или нѣтъ?

Д. *Федръ.* Конечно къ обоюднымъ; иначе кто позволилъ бы тебѣ говорить то, что ты говорилъ о немъ, то-есть, что онъ вреденъ для любящихся, и опять, что онъ — величайшее благо?

Сокр. Превосходно сказано. Скажи же еще, — самъ-то, бывъ тогда въ восторгѣ, несовсѣмъ помню, — опредѣлил ли я Эроса въ началѣ своей рѣчи?

Федръ. Даже, клянусь Зевсомъ, чрезвычайно какъ точно.

Е. *Сокр.* То-то! видишь, сколько нимфы Ахелювы и Панъ Эрміевъ въ составленіи рѣчей искусства Лизіаса Кефалова? Впрочемъ, не ошибаюсь ли я? Можетъ быть, начиная эротическую рѣчь, Лизіасъ заставилъ насъ принимать Эроса за такое существо, какого хотѣлось ему самому, и потомъ уже, сообразно съ этимъ, развивалъ въ ней все дальнѣйшее? Хочешь ли опять прочитаемъ ея начало?

Федръ. Пожалуй, если угодно; только въ ней не найдешь того, чего ищешь.

Сокр. Однако читай, чтобы слышать самого Лизіаса.

Федръ. «О моихъ дѣлахъ ты знаешь и, думаю, слышалъ, что они будутъ полезны намъ, если это состоится. Впрочемъ, смѣю надѣяться, что ты не отвергнешь моей просьбы—именно потому, что я не влюбленъ въ тебя. Влюбленные, когда страсть умолкаетъ, раскаиваются въ добрыхъ своихъ дѣлахъ.» 264.

Сокр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ далеку кажется Лизіасъ отъ того, чего мы здѣсь ищемъ! Онъ велитъ своей рѣчи плыть не отъ начала, а отъ конца, спиною назадъ, и выходитъ изъ того, что любовникъ могъ бы сказать любимцу уже въ заключеніи. Развѣ не правда, Федръ, любезная гогола?

Федръ. Такъ и есть, Сократъ: эти слова, дѣйствительно, в. болѣе приличны на концѣ.

Сокр. А прочія? не представляются ли они разбросанными въ рѣчи кое-какъ? Думаешь ли, что сказанное на второмъ мѣстѣ должно стоять необходимо на второмъ, или тутъ умѣстнѣе что-нибудь другое сказанное? Мнѣ, какъ человѣку ничего незнающему, показалось, что писатель все такое говорилъ произвольно: а ты, конечно, видишь въ рѣчи какую-нибудь необходимую нить, по которой онъ расположилъ все послѣдовательно одно за другимъ?

Федръ. Ты любезенъ, если считаешь меня способнымъ разбирать это съ такою точностію. С.

Сокр. Но то-то и тебѣ, думаю, представляется, что всякая рѣчь, подобно животному, должна являться въ приличномъ тѣлѣ, то-есть не должна быть ни безъ головы, ни безъ ногъ, но имѣть средніе и крайніе члены въ правильномъ отношеніи одинъ къ другому и къ цѣлому.

Федръ. Какъ же иначе?

Сокр. Разсмотри же рѣчь своего друга, такова она, или

нѣтъ,—и найдешь ее нисколько не отличною отъ надписи, Д. сдѣланной, говорятъ, на гробницѣ фригійскаго Мидаса ¹.

Федръ. Что же это за надпись, и какова она?

Сокр. А вотъ слѣдующая:

Я, мѣдная дѣва, покоюсь на тѣлѣ Мидаса,
 Доколѣ и воды текутъ, и древа зеленѣютъ;
 Я здѣсь безотлучна на гробѣ, оплаканномъ мною;
 Проходимъ вѣщаю, что тутъ былъ Мидасъ похороненъ.

Е. Ты, думаю, замѣчаешь, что въ ней всякій стихъ безъ различія можно поставить и прежде и послѣ.

Федръ. Ты, Сократъ, насмѣхаешься надъ нашею рѣчью.

Сокр. Такъ оставимъ ее, чтобы не досаждалъ тебѣ, — хотя, мнѣ кажется, въ ней много примѣровъ, на которые полезно было бы смотрѣть, чтобы неслишкомъ рѣшаться подражать имъ,—и перейдемъ къ другимъ рѣчамъ. Въ нихъ, 265. повидимому, есть также нѣчто, достойное вниманія людей, изслѣдывающихъ свойство рѣчи.

Федръ. Что же именно?

Сокр. То, что онѣ взаимно себѣ противорѣчили. Одна убѣждала быть благосклоннымъ какбы къ любящему, а другая какбы къ нелюбящему.

Федръ. И обѣ—очень сильно.

Сокр. Мнѣ казалось, что ты говорилъ истину, потому что говорилъ съ изступленіемъ. Такъ вотъ это-то и было предметомъ моего изслѣдованія. Вѣдь Эроса мы назвали какимъ-то изступленіемъ. Такъ ли?

Федръ. Да.

¹ Эту надпись одни относятъ къ сочиненіямъ Омира (Homeri. vit. с. 11 ib. *Vesseting.* ad Herod. p. 250), другіе, основываясь на свидѣтельствѣ Симонида, приписываютъ ее Клеовулу линдскому, который писалъ загадки, грифы и иныя сочиненія того же рода (*Diog. Laert.* 1, 89). У Діогена Лаерція она излагается полнѣе. Послѣ стиха: «Доколѣ и воды текутъ», и проч., слѣдуетъ:

Ἠέλιος τ' ἀνιὼν λάμπη λαμπρὰ τε σελήνη
 Καὶ ποταμοὶ γε ρέουσιν, ἀνακλίξῃ δὲ θάλασσα.

Сокр. Но изступленіе бываетъ двухъ родовъ: одно, происходящее отъ человѣческихъ болѣзней, а другое—отъ божественной переменны обыкновеннаго состоянія.

Федръ. Конечно такъ.

В.

Сокр. Изступленіе божественное, — даръ четырехъ боговъ, раздѣлили мы на четыре вида: на пророческое, внушаемое Аполлономъ; усовершенительное, производимое Діонисомъ; поэтическое, происходящее отъ музъ, и четвертое—эротическое, посылаемое Афродитою и Эросомъ. Последнее назвали мы превосходнѣйшимъ и, не зная, какъ изобразить его, а между тѣмъ касаясь какой-то истины, или увлекаясь чѣмъ другимъ, измыслили несовсѣмъ невѣроятную рѣчь — миеническій гимнъ, и въ немъ, Федръ, скромно и благопристойно прославили моего и твоего властелина, Эроса, покровителя прекрасныхъ дѣтей.

Федръ. И мнѣ очень пріятно было слушать это.

Сокр. Изъ этого-то мы должны понять, какимъ образомъ рѣчь отъ порицанія можетъ перейти къ похвалѣ.

Федръ. Что хочешь ты сказать?

Сокр. То, что хотя иное говорено было, повидимому, только для шутки, однакожь, кто постигаетъ искусствомъ силу тѣхъ двухъ случайно высказанныхъ родовъ¹, тотъ не D. будетъ неблагодаренъ.

Федръ. Которыхъ именно?

Сокр. Смотря на одну идею, онъ постарается подвести подъ нее разсѣянное, чтобы, опредѣляя каждый предметъ, выяснить, чему хотѣлъ онъ учить, подобно тому, какъ теперь объ Эросѣ — хорошо ли, худо ли разсуждалось, по крайней мѣрѣ опредѣлено, что такое онъ. Эта-то ясная и сама съ собою согласная задача должна быть раскрываема въ рѣчи.

¹ Здѣсь, очевидно, говорится о двухъ методахъ познанія,—синтетической и аналитической: первую Греки называли *θεωρεῖαν*, или *μέθοδον συνθετικὴν*, а вторую — *μέθοδον διαλεκτικὴν*. *Arist. Top.* 1711, 2. Одну изъ нихъ Сократъ выдержалъ въ первой своей рѣчи, другую—во второй.

Федръ. Но что называешь ты, Сократъ, другимъ родомъ?

- Е. *Сокр.* Другой, наоборотъ, состоитъ въ умѣннѣ дѣлить предметъ на виды—и дѣлить, какъ водится, почленно, такъ чтобы, подобно плохому повару, не раздробить ни одной части ¹. Напримѣръ, въ тѣхъ двухъ рѣчахъ безуміе при-
266. нято за одинъ общій видъ. Но какъ изъ одного тѣла вырастаютъ два соименные члена, называемые лѣвымъ и правымъ: такъ и изъ тѣхъ двухъ рѣчей, принявшихъ безуміе за одинъ прирожденный намъ видъ, первая, разрѣшая лѣвую его часть, дотолѣ не остановилась въ дѣленіи, пока не нашла въ ней такъ называемой лѣвой любви и по надлежащему не побранила ея; а вторая, направляя насъ къ
В. правой сторонѣ изступленія, открыла хотя соименную той, однакожъ божественную любовь и, выставляя ее на свѣтъ, восхвалила, какъ причину величайшихъ благъ.

Федръ. Весьма справедливо.

- Сокр.* Эти-то дѣленія и соединенія, Федръ, я и самъ люблю, чтобы умѣть говорить и мыслить, и если кого-нибудь почитаю способнымъ всматриваться въ одно и многое по природѣ ², то гоняюсь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ ³.
С. Людей, могущихъ это, я донинѣ, Богъ знаетъ, справедливо или нѣтъ, называю діалектиками,— но какъ назвать тѣхъ, которые учатся у тебя и Лизіаса? Не это ли искусство рѣ-

¹ *Чтобы не раздробить ни одной части.* Подобное выраженіе см. Menon. 77 А. Дѣлить, не раздробляя, значитъ разрѣшать предметъ, слѣдуя естественному соединенію частей его. Hoc non est dividere, sed frangere, говоритъ Цицеронъ (de Fin. 11, 9). То же читаемъ и у Сенеки (Epist. 89, 2): Faciam ergo, quod exiges, et philosophiam in partes, non in frusta, dividam; dividi enim illam, non concidi utile est.

² *Всматриваться въ одно и многое по природѣ—*εἰς ἓν καὶ πολλὰ ὁρᾶν. Эти слова Платонъ понимаетъ не просто какъ логическое правило дѣленія и соединенія понятій, но какъ діалектическую методу изслѣдованія самыхъ вещей. Всякая вещь, по своей природѣ, есть одно и многое: одно въ ней—идея, обнаруживающаяся единствомъ внѣшней формы; многое — части ея, которыя, бывъ взяты сами по себѣ, опять суть идеи, и слѣдовательно, опять содержать въ себѣ многое. Parmenid. p. 157, 158.

³ *Гоняясь за нимъ по слѣдамъ, какъ за богомъ —* κατόπισθε μετ' ἑχμιον ὡς τε θεοῦ: походить на полустипіише Омировыхъ гексаметровъ. Oduss. V, 193; VII, 38.

чей, съ помощію котораго Тразимахъ и прочіе не только сами сдѣлались мудрыми въ словѣ, но надѣлили мудростію и другихъ, желавшихъ приносить имъ дары, какъ царямъ ¹.

Федръ. Они, конечно, люди царственные; однакожь того-то не знаютъ, о чемъ ты спрашиваешь. Назвавъ этотъ родъ діалектикою, ты, кажется, справедливо назвалъ его: но родъ риторики, повидимому, еще ускользаетъ отъ насъ. D.

Сокр. Что ты говоришь? То должно быть нѣчто прекрасное ², что пропущено діалектикою, а между тѣмъ подчиняется искусству. Этимъ отнюдь не надобно пренебрегать ни мнѣ, ни тебѣ. Скажемъ же, что именно остается еще для области риторики.

Федръ. Весьма многое, Сократъ,—все, что пишется въ свиткахъ объ искусствахъ рѣчей.

Сокр. Хорошо, что напомнилъ. Въ началѣ рѣчи, я думаю, надобно излагать приступъ. Не правда ли, что это ты называешь торжествомъ искусства?

Федръ. Да. E.

Сокр. Во-вторыхъ, какое-нибудь—повѣствованіе и свидѣтельство на него; въ-третьихъ—доказательства; въ-четвертыхъ—подобія; а великій византійскій Дедалъ рѣчей ³,

¹ *Приноситъ имъ дары, какъ царямъ.* Софисты, жадные къ деньгамъ и высоко цѣнившіе свои уроки, сравниваются съ персидскими царями, которымъ и частые люди, и цѣлыя провинціи должны были представлять необычайные дары. Alcib. 1, p. 123. *Wesseling. ad Diodor.* Т. 1, p. 62. Поэтому еще Исиодъ называлъ ихъ: βασιλικὸς δωροφάγοι. Opp. et Dd. 1, 38, 262. Ὁ βασιλικὸς φόροςъ относится и къ Лакедемонянамъ, которымъ платили огромныя суммы; слѣдовательно, писатель могъ имѣть въ виду и царей лакедемонскихъ.

² *То должно быть нѣчто прекрасное:* рѣчь ироническая; прямой смыслъ ея состоитъ въ томъ, что все дѣльное въ риторикѣ относится къ области діалектики, безъ которой риторика есть пустая и произвольная топка, ἀλογος τριβή καὶ ἐμπειρία. См. выше p. 260 E.

³ *Византійскій Дедалъ рѣчей,* т.-е. Феодоръ византійскій, риторъ и софистъ, въ свое время отличавшійся искусственными, тонкими и сухими дѣленіями понятій. *Arist. Rhet.* III, 13. *Cicer. Orat.* 12. Haec tractasse Trasimachum chalcedonium primum et leontinum ferunt Gorgiam, Theodorum inde Bizantium multosque alios, quos λογοδαϊδάλους appellat in Phaedro Socrates; quorum satis arguta multa, sed ut modo primumque nascentia minuta et versicolorum similia quaedam nimiumque depicta. Изъ этихъ словъ Цицерона видно, что

помнится, говорить еще объ убѣжденіи и надубѣжденіи ¹.

Федръ. Ты разумѣешь добряка Θεодора?

267. *Сокръ.* Почему не такъ? Надобно даже излагать обличеніе и надобличеніе — какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи. Не вывести ли еще на сцену прекраснаго Эвена паросскаго, который первый изобрѣлъ подпоказаніе и косвенныя похвалы, а косвенныя порицанія, для облегченія памяти, говорятъ, заключилъ въ стихахъ. Такой мудрецъ! Оставить ли въ покоѣ Тизиаса ² и Горгіаса, которые открыли, что правдоподобное надобно предпочитать истинному, которые силою слова могутъ маловажное представлять какъ великое, а великое какъ маловажное, которые о В. новомъ умѣютъ говорить какъ о древнемъ, а о древнемъ какъ о новомъ, которые нашли способъ рассуждать о всемъ и коротко и до безконечности продолжительно? Когда я рассказалъ объ этомъ Продику ³,—онъ засмѣялся и началъ доказывать, что ему одному принадлежитъ честь открытія, каковы должны быть рѣчи сообразно съ искусствомъ, а именно—онъ должны быть ни длинны, ни коротки, а умѣренны.

Федръ. Какой мудрецъ этотъ Продику!

логодедами назывались бездарные труженики, неутомимо старавшіеся напрягать свои рѣчи всѣми мелочными затѣями, какія могла придумать тогдашняя формальная теорія словесности. См. *Lamb. ad Horat. T. 1, p. 15 sq.*

¹ *Объ убѣжденіи и надубѣжденіи—πίστωσιν καὶ ἐπιπίστωσιν.* Какое значеніе у Θεодора имѣли эти слова, опредѣлять трудно. Не обращая вниманія на взаимное ихъ различіе, можно понимать ихъ вообще, какъ формы убѣжденія. Къ столь же выразительной терминологіи надобно отнести слѣдующее далѣе ὑποδύλωσις. Но въ словахъ *παρέπαινος* и *παράψορος*, — хитромъ изобрѣтеніи Эвена паросскаго, есть нѣсколько смысла. Ими означаетъ похвала во внѣшней формѣ порицанія, и порицаніе во внѣшней формѣ похвалы.

² *Тизиаса.* О немъ см. *Cicero. Brut. 12, 16. de Orat. I, 20, 21, III, 21, et al.* Коракусъ и Тизиасъ почитались древнѣйшими излагателями теорій краснорѣчія; за ними слѣдовалъ Горгіасъ леонтинскій.

³ *Когда я рассказалъ объ этомъ Продику.* Сократъ былъ коротко знакомъ съ Продикумъ. См. *Menon. p. 96 D. Protag. p. 341 A. Charm. p. 163 D. Cratyl. p. 384 B.* Соображая надменность и самоувѣренность этого софиста (см. *Protag. p. 337 A. B. C.*), легко понять, что Сократъ говорить о немъ иронически.

Сокр. Не сказать ли и объ Иппіасѣ? Впрочемъ, этотъ элейскій пришлецъ, помнится, одного мнѣнія съ Продикомъ.

Федръ. Вѣроятно.

Сокр. А какъ назовемъ опять музыку рѣчей Полоса ¹, С. напимѣрь, его сугубословіе, мыслесловіе, образословіе и всѣ эти имена, которыя подарилъ ему Ликимній въ пользу благородія?

Федръ. Но у Протагора, Сократъ, развѣ не то же почти?

Сокр. У него, сынъ мой, какое-то праворѣчіе ² и много другихъ прекрасныхъ вещей. Искусствомъ же рѣчей, жалобно воющихъ и увлекающихъ къ старости и бѣдности, мнѣ кажется, особенно торжествуетъ сила оратора халкидонскаго ³. Этотъ мужъ весьма способенъ вдругъ воспламе-

¹ *Музыку рѣчей Полоса.* Гейндорфъ догадывается, что τὰ μουσεῖα λόγων было заглавіе написанной Полосомъ книги. Но вѣроятнѣе почитать это выраженіемъ насмѣшки надъ варварскою и бессмысленною терминологіею Полоса: διπλασιολογία, γνωμολογία, εἰκονολογία, или, какъ у прочихъ логодедаловъ: ἐπιπίστωσις, ἐπεξελέγχος, ὑποδήλωσις, παρέπαινος, παράφορος и проч. Признаюсь, что, переводя эти слова на русскій языкъ, я не менѣе умышленно, какъ и по необходимости долженъ былъ составить, для созвучія имъ, столь же странные термины. Этого требовало намѣреніе Сократа—показать всю нелѣпость и мелочность софистической мудрости въ дѣлѣ краснорѣчія, которое такъ каррикатурно называетъ онъ благородіемъ, εὐπέεια. Кому угодно знать, въ чемъ состояла Полосова διπλασιολογία, тотъ увидитъ это изъ слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ самимъ Полосомъ въ Платоновомъ Горгіасѣ (р. 448 С): «люди изобрѣли много искусствъ изъ опытовъ опытно; потому что опытность дѣйствуетъ по искусству — κατὰ τέχνην, а неопытность по случаю, κατὰ τύχην, и какъ то, такъ и другое перенимается иными у иныхъ иначе, отличными у отличныхъ.» Такая гармоническая мудрость заимствована Полосомъ у Ликимнія, который былъ его учителемъ. Различіе между наукою учителя и ученика состояло, кажется, въ томъ, что первый предметомъ своей заботливости имѣлъ κάλλος τῶν ὀνομάτων (Arist. Rhet. III, 7), а послѣдній—μουσεῖαν τῶν λόγων.

² *Какое-то праворѣчіе* — δρθοπέεια γέ τις. Подъ этимъ словомъ надобно разумѣть рѣчь, выражаемую именами въ собственномъ ихъ значеніи—κυριολεξίαν. Эрміасъ говоритъ: διὰ γὰρ τῶν κυρίων ὀνομάτων μετῆρχετο ὁ Πρωτάγορας τὸν λόγον, καὶ οὐ διὰ παραβολῶν (Wossii de arte grammat. 1, 7). Но, по свидѣтельству Аристотеля (Rhet. III, 5, de sophist. elench. р. 574, ed Buhl). Протагорово δρθοπέεια состояло въ изъясненіи грамматическихъ формъ и въ опредѣленіи правильнаго произношенія словъ. Впрочемъ, δρθοπέειαν не должно смѣшивать съ тѣмъ, что разумѣется подъ заглавіемъ δρθότης ὀνομάτων. См. Cratyl. р. 391 С.

³ *Сила оратора халкидонскаго.* Говорится о Тразимахѣ халкидонскомъ,

Д. нить гнѣвъ, а разгнѣванныхъ снова укротить — будто чарами; онъ очень силенъ, говорятъ, какимъ бы то ни было образомъ, возбудить ненависть и избавить отъ ненависти. Что же касается до окончанія рѣчи, то оно, по общему мнѣнію всѣхъ, должно состоять изъ обзорѣнія, сказанныхъ истинъ, что одни называютъ возвращеніемъ (*ἐπίνοδος*), а другіе—другими именами.

Федръ. Но согласенъ ли ты, что въ концѣ рѣчи надобно припоминать слушателямъ все сказанное?

Сокр. Согласенъ и на это, и на прочее, что говорится въ искусствѣ о рѣчахъ.

Федръ. Прочее-то маловажно и не стоитъ словъ.

268. *Сокр.* Такъ маловажное-то оставимъ, а рассмотримъ при полномъ свѣтѣ то, какую силу и когда обнаруживаетъ это искусство?

Федръ. Очень великую, Сократъ, по крайней мѣрѣ въ народныхъ собраніяхъ.

Сокр. Да, обнаруживаетъ; однакожь, почтеннѣйшій, посмотри и ты, — эта ткань не покажется ли и тебѣ столь же дырявою, какъ мнѣ?

Федръ. Только показывай.

Сокр. Отвѣчай-ка мнѣ. Еслибы кто-нибудь пришелъ къ твоему другу Эриксимаху, или къ его отцу, Акумену, и сказалъ: я умѣю сообщать тѣлу нѣчто такое, что, если захочу, оно согрѣется, либо прохладится, также, когда вздуваю, его будетъ рвать или слабить,—много и другаго тому подобнаго. Зная же это, я объявляю себя врачомъ и вызываюсь сдѣлать такимъ же другаго, кому преподамъ свое знаніе. Что, по твоему мнѣнію, отвѣчали бы ему слушатели?

Федръ. Чтò больше, какъ не спросили бы, знаетъ ли онъ

который много разсуждалъ о возбужденіи страстей. Написанныя съ этою цѣлію книги его извѣстны были подъ заглавіемъ *ἔλεος*. *Arist. Rhet.* III, 1, 20. *Hermias* p. 182. Упомяная о немъ, Платонъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ выражается поэтически, чтобы подстроиться подъ тонъ его элегій.

сверхъ того, въ комъ, когда и въ какой степени надобно производить каждое изъ этихъ явленій?

Сокр. А еслибы онъ сказалъ, что совсѣмъ нѣтъ; но кто научится у меня этому, тотъ самъ въ состояніи дѣлать то, С. о чемъ спрашиваешь?

Федръ. Въ такомъ случаѣ, думаю, сочли бы его человѣкомъ сумасшедшимъ ¹, который, вычитавъ нѣчто изъ книгъ, или случайно обратившись съ лекарствами, а искусства вовсе не зная, думаетъ, что онъ уже сдѣлался врачомъ.

Сокр. И опять, еслибы кто, пришедши къ Софоклу и Эврипиду, сказалъ, что онъ о маловажномъ предметѣ умѣетъ рассказывать очень длинно, а о важномъ — очень коротко, или, что онъ можетъ, по произволу, дѣлать свой рассказъ то Д. жалобнымъ, то вдругъ страшнымъ и грознымъ, либо инымъ тому подобнымъ, и вообразилъ бы, будто, уча этому другому, онъ учитъ писать трагедіи?

Федръ. Мнѣ кажется, Сократъ, что и они тоже засмѣялись бы, когда бы кто почиталъ трагедію чѣмъ-то другимъ, а не взаимно-гармоническимъ соединеніемъ частей въ цѣломъ.

Сокр. Впрочемъ, побранили бы его, думаю, не грубо, подобно тому, какъ музыкантъ, встрѣтившись съ человѣкомъ, который почитаетъ себя знатокомъ музыки, потому что случайно научился поднимать и опускать струну, не сказалъ бы Е. грубо: ты-де съ ума сошелъ, бѣднякъ, — но съ свойственною музыканту мягкостію: почтеннѣйшій! кто хочетъ быть знакомъ съ гармоніею, тому, конечно, необходимо знать и это; однако человѣку съ твоею способностію ничто еще не мѣшаетъ вовсе не понимать гармоніи. Вѣдь ты имѣешь познанія, нужныя предъ гармоніею, и не самую гармонію.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Стало-быть, то же сказалъ бы своему трагику и 269. Софоклъ: ты знаешь нѣчто предшествующее трагедіи, а не

¹ *Человѣкомъ сумасшедшимъ*—*μαίνεται ἄνθρωπος*. О значеніи слова *ἄνθρωπος*, когда оно безъ члена, см. Protag. p. 314 E.

трагическое,—и Акумень: ты знаешь нѣчто предшествующее врачебному искуству, а не врачебное искуство.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но чтò, по нашему мнѣнію, сказалъ бы медоустый Адрасть ¹, или хотя бы Периклъ, услышавъ объ этихъ прекрасныхъ затѣяхъ искуства, объ этихъ краткословіяхъ, образословіяхъ и о проч., чтò было разсматриваемо нами и чтò, какъ мы говорили, надобно изслѣдовать въ полномъ свѣтѣ? Стали ли бы они обнаруживать свою досаду, подобно мнѣ В. и тебѣ, какими-нибудь невѣжливыми выраженіями противъ людей, пишущихъ и преподающихъ это подъ именемъ риторики, — или, будучи мудрѣе насъ, дали бы намъ слѣдующій урокъ: Федръ и Сократъ! вы должны не сердиться, а извинять, когда иные, не умѣя разговаривать, не могутъ опредѣлить, чтò такое риторика, и оттого, владѣя познаніями, необходимыми предъ искуствомъ, обыкновенно видятъ въ нихъ самую риторику. Тому же учатъ они и другихъ и думаютъ, что у нихъ учатся дѣйствительно риторикѣ. А говорить о каждомъ предметѣ убѣдительно и составлять одно цѣлое,—это бездѣлица, это ихъ ученики въ своихъ рѣчахъ должны дѣлать сами собою.

Федръ. Конечно, Сократъ, таково вѣроятно искуство, которое эти люди пишутъ и преподаютъ подъ именемъ ри-

¹ *Медоустый Адрасть.* Прилагательнымъ «медоустый» Платонъ намекаетъ на стихъ Тиртея (Fragm. III, v. 8): οὐδ' εἰ—γλώσσαν δ' Ἀδρήστου μελιχόγυρον ἔχον. Адрасть Аргивянинъ, лице изъ героическихъ временъ Греціи, приходилъ къ Тезею и съ удивительнымъ краснорѣчіемъ умолялъ его подать себѣ помощь (*Isocr. Panath.* p. 829; *Paus.* 1, p. 37). Асть и Штальбомъ полагаютъ, что подъ именемъ Адраста Платонъ разумѣлъ котораго-нибудь лучшаго изъ позднѣйшихъ ораторовъ, и говорятъ, что онъ указываетъ именно на Антифона рамнузійскаго, какъ прежде именами Нестора, Одиссея и Паламида называлъ современныхъ себѣ софистовъ. Антифонъ, дѣйствительно, былъ весьма пріятный ораторъ; такъ что, уважая въ немъ μέλιτος γλῶκίονα ἀὐδὴν, Греки придавали ему имя Нестора (v. *Ruhnk. dissert. de Antiph. orat. Att.* T. VII, p. 810, ed. Reisk). Притомъ, обвиненный въ измѣнѣ, Антифонъ, точно какъ нѣкогда Адрасть къ Тезею, прибѣгалъ къ Аѳинянамъ съ прошеніемъ, и столь краснорѣчиво защищалъ свою невинность, что, по свидѣтельству Фукидида (VIII, 68), всѣхъ превзошелъ въ этомъ отношеніи.

торики; ты, мнѣ кажется, говоришь правду: но какъ и откуда взять искусство объ истинно-риторическомъ и убѣдительномъ?

Сокр. Совершенство на поприщѣ краснорѣчія, вѣроятно, а можетъ быть и необходимо, пріобрѣтается, Федръ, какъ и все прочее. Если отъ природы дано тебѣ быть ораторомъ, то ты будешь ораторомъ достойнымъ похвалы, соединивъ въ себѣ знаніе съ упражненіемъ; а не имѣя того либо другаго, въ томъ самомъ отношеніи останешься несовершеннымъ. Искусство здѣсь,—какую бы силу ни обнаруживало, идетъ, очевидно, не тѣмъ путемъ, которымъ идутъ Тизіасъ и Тразимахъ:

Федръ. А которымъ?

Сокр. Мнѣ кажется, почтеннѣйшій, что въ риторикѣ, Е. по справедливости, совершеннѣе всѣхъ Периклъ.

Федръ. Почему такъ?

Сокр. Во всѣхъ великихъ искусствахъ требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ ¹. Отсюда-то непонятнымъ образомъ истекаетъ та высота мыслей и та дѣйствительность слова ², которыми, кромѣ естественныхъ способ-

¹ *Требуются пустословіе и верхоглядство о природѣ.* Сократъ доселѣ направлялъ разговоръ къ тому, чтобы въ риторикѣ отличить форму отъ содержанія и доказать, что первая безъ послѣдняго не составляетъ искусства, и что, слѣдовательно, всѣ чисто формальныя теоріи упомянутыхъ софистовъ сами по себѣ ничего не значатъ. Послѣ сего естественно родился вопросъ: что еще требуется въ помощь къ этимъ теоріямъ, чтобы рѣчь оратора могла убѣждать?—Требуется содержаніе; надобно форму одушевить мыслию, нужно мертвую теорію риторика оживить глубокомысліемъ и созерцательностію философа. Это-то глубокомысліе и созерцательность, примѣняясь къ образу мыслей и выраженію необразованнаго народа о философіи, Сократъ называетъ пустословіемъ и верхоглядствомъ о природѣ, и свое положеніе объясняетъ примѣромъ Перикла.

² *Та высота мыслей, та дѣйствительность слова.*—Высота мыслей, τὸ ὑψηλόνοον, есть свойство ума входить въ предметъ глубоко, разсматривать его природу; дѣйствительность слова, τὸ τελεσιουργόν, есть дѣйствіе убѣждать не искусственными оборотами и соизмами, а самымъ существомъ предмета. Такой умъ древніе приписывали Периклу. *Cicer. Orat. 4. Quum alia praeclara quaedam et magnifica didicisset, ob eam rem et foecundum fuisse gnarumque, quibus orationis modis quaeque animarum partes pellerentur.*

ностей, обладалъ Периклъ. Привязавшись къ Анаксагору, —человѣку тѣхъ самыхъ качествъ, привыкши къ верхоглядству, обращаясь къ природѣ разума и неразумія ¹, о чемъ Анаксагоръ говорилъ много, Периклъ извлекалъ изъ этого все полезное для искусства рѣчей.

Федръ. Какъ ты понимаешь это?

В. Сокр. Способъ искусства риторическаго, вѣроятно, тотъ же, какой и врачебнаго.

Федръ. А какой именно?

Сокр. Въ обоихъ искусствахъ надобно разсматривать природу: въ одномъ—тѣла, въ другомъ—души, какъ-скоро рѣшаешься не навыкомъ только и опытомъ, а искусствомъ доставить: тѣлу, посредствомъ врачевства и пищи,—здоровье и крѣпость, душѣ, посредствомъ бесѣдъ и правильныхъ наставлений,—убѣдительность и, какую хочешь, добродѣтель.

Федръ. Ужъ вѣроятно такъ, Сократъ.

С. *Сокр.* Но думаешь ли, что можно, какъ слѣдуетъ, знать природу души, не зная природы всего?

Федръ. Если вѣрить Иппократу изъ касты Асклепиадовъ, то безъ этой методы нельзя знать и тѣла.

Сокр. Иппократъ говоритъ очень хорошо, другъ мой; однако кто изслѣдываетъ, тому надобно еще спросить разумъ, согласенъ ли онъ.

Федръ. Полагаю.

Сокр. Смотри же, что говорятъ о природѣ—Иппократъ ²

¹ *Обращаясь къ природѣ разума и неразумія.* Извѣстно, что Анаксагоръ первый началъ учить о верховномъ умѣ, какъ о существѣ, отдѣльномъ отъ матеріальной природы, слѣдовательно долженъ былъ опредѣлять источники разума и неразумія.

² *Смотри же, что говоритъ о природѣ Иппократъ.* Мысли Иппократа изложены Галеномъ такъ (р. 16, 26): «Предполагая въ этой книгѣ опредѣлить природу нашего тѣла, Иппократъ, для опредѣленія ея, пользовался слѣдующею методою. Сперва онъ изслѣдовалъ, простое ли нѣчто она, или многовидное; потомъ, нашедши, что многовидное, разсматривалъ въ ней сущность началъ простыхъ, какова она, т.-е. способна ли страдать отъ чего или дѣйствовать. Такой же методъ слѣдовалъ и Платонъ, когда разсматривалъ природу души.» Очевидно, что здѣсь указывается на тѣ же два вида методы, о которыхъ говорено было выше, р. 265 D.

и истинный разумъ. Не такъ ли слѣдуетъ разлагать мыслию D.
 всякую природу, въ которой хотимъ быть искусны сами
 и сдѣлать знатоками другихъ, чтобы сперва рассмотретьъ,
 проста она, или многообразна: потомъ, если проста, наблю-
 дать ея силу, то-есть, какая природа и на что способна
 дѣйствовать, либо, какая и отъ чего можетъ приходиться въ
 страдательное состояніе, — а если многообразна, исчислять
 ея образы и что тамъ было дѣлано съ однимъ, то здѣсь
 дѣлать съ каждымъ, то-есть смотреть, какая дѣятельность
 и какое страданіе свойственны каждому недѣлимому?

Федръ. Должно быть, Сократъ.

Сокр. Безъ этого, метода была бы подобна ходьбѣ слѣпца; а того, кто руководствуется искусствомъ, нельзя упо- E.
 добить ни слѣпому, ни глухому. Напротивъ, ясно, что кто
 учить другаго писать рѣчи сообразно съ искусствомъ, тотъ
 тщательно раскрываетъ сущность той природы, о которой
 надобно будетъ говорить; а это-то и есть душа.

Федръ. Какже.

Сокр. Итакъ, къ этому клонится вся его забота; въ
 этомъ-то старается онъ внушить убѣжденіе. Не такъ ли?

Федръ. Да.

Сокр. Стало-быть, явно, что и Тразимахъ, и всякій дру- 271.
 гой, преподающій риторическое искусство не шутя, во-пер-
 выхъ, со всею точностію опишетъ и покажетъ душу, одно
 ли она, равное самому себѣ по природѣ.

Федръ. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Во-вторыхъ, рассмотреть, на что ей свойственно
 дѣйствовать, или отъ чего принимать дѣйствія.

Федръ. Какже.

Сокр. Въ-третьихъ, поставивъ въ порядокъ роды рѣчей B.
 и душъ, и свойства ихъ, различить причины и будетъ при-
 наравливать одно къ другому, замѣчая, какая душа, отъ ка-
 кихъ рѣчей и по какой причинѣ необходимо либо убѣж-
 дается, либо не убѣждается.

Федръ. Это, повидимому, было бы прекрасно.

Сокр. По крайней мѣрѣ, другъ мой, кто станетъ доказывать и говорить иначе, тотъ не напишетъ и не скажетъ ничего, удовлетворяющаго искусству, о чемъ бы ни говорилъ С. онъ. Что же касается до тѣхъ, которыхъ ты слышалъ и которые нынѣ пишутъ искусства рѣчей, то они хитрецы, — они только скрываются, а душу знаютъ превосходно. Посему, доколѣ не выскажутъ и не напишутъ этого способа, мы не будемъ вѣрить, будто пишутъ они сообразно съ искусствомъ.

Федръ. Какого способа?

Сокр. Самыми словами не выразить этого скоро; а какъ надобно писать, чтобы удовлетворить искусству, по возможности скажу.

Федръ. Конечно, скажи.

Сокр. Такъ какъ сила рѣчи направляется душою, то D. желающій быть ораторомъ необходимо долженъ знать, изъ сколькихъ видовъ состоитъ душа. Положимъ, ихъ столько, или столько, и они таковы или таковы: тогда и рѣчи должны быть такія или другія. Различивъ же это, ты опять найдешь столько или столько видовъ въ рѣчахъ, и свойства каждаго; ты узнаешь, что такіе-то люди, такими-то рѣчами, по такой-то причинѣ, должны убѣждаться въ томъ-то, а другіе, потому-то, не убѣждаются. Размысливъ объ E. этомъ достаточно, надобно еще смотрѣть и быстро слѣдовать вниманіемъ за ходомъ дѣлъ въ жизни практической; иначе не будешь знать ничего, кромѣ наставленій, слышанныхъ нѣкогда отъ учителя. А когда ты въ состояніи дать себѣ отчетъ, кто и чѣмъ убѣждается, и, при будущихъ встрѣчахъ, можешь сознательно сказать, что вотъ теперь на 272. самомъ дѣлѣ — тотъ человѣкъ и та природа, къ которой, какъ мнѣ говорили, надобно прилагать такія-то рѣчи, такимъ-то образомъ, для убѣжденія въ томъ-то, — когда все это ты уже помнишь, да сверхъ того берешь еще въ расчетъ время говорить и удержаться, также наблюдаешь благоприличіе или неблагоприличіе краткословія, сожалительности, пылкости и всѣхъ выученныхъ тобою видовъ рѣчи; тогда

твое искусство будетъ отдѣлано прекрасно и въ совершенствѣ,—но только тогда, а не прежде. Напротивъ, кто, го- В. воря, уча или сочиняя, упускаетъ изъ виду показанныя правила, а между тѣмъ утверждаетъ, что держится искусства, тому продолжаютъ не вѣрить. Такъ что же, Федръ и Сократъ, скажутъ, можетъ быть, этотъ писатель,—такъ ли, по вашему мнѣнiю, или какъ иначе надобно оцѣнивать принятое искусство рѣчей?

Федръ. Иначе конечно нельзя, Сократъ; однакожь дѣлотно, мнѣ кажется, немалое.

Сокр. Твоя правда. Потому-то всѣ рѣчи надобно поворачивать такъ и сякъ и смотрѣть, не откроется ли пути къ искусству болѣе легкаго и короткаго, чтобы, когда есть не- С. большой и удобный, не предпринимать понапрасну длиннаго и труднаго. Впрочемъ, если, слушая Лизіаса, или кого другаго, ты узналъ иной способъ, то припомни его и постарайся сообщить мнѣ.

Федръ. Можно бы, конечно, для опыта, но теперь какъ-то не въ состоянiи.

Сокр. Такъ хочешь ли, я скажу тебѣ, что слышалъ объ этомъ отъ другихъ?

Федръ. Почему не хотѣть?

Сокр. Вѣдь говорятъ, Федръ, что можно извинять себя и по-волчьи ¹.

Федръ. Ну дѣлай и ты то же.

D.

Сокр. Утверждаютъ, что нѣтъ никакой надобности представлять это столь важнымъ и длинными излучинами возводить столь высоко. Въ самомъ дѣлѣ, еще при началѣ своей бесѣды, привели мы мнѣнiе, что кто хочетъ быть надлежащимъ ораторомъ, для того не нужно истинное понятiе о

¹ Можно извинять себя и по-волчьи. Указывается на извѣстную басню Эзопа: λύκος ἰδὼν ποιμένας ἐσθλιόντας ἐν οκνηῇ πρόβατον, ἐγγύς προσελθὼν, ἤλικος ἐν ἧν ὑμῖν θόριβος, εἰ ἐγὼ τοῦτο ἐποίησα. Изъ этой басни могла произойти половица: τὸ τοῦ λύκου εἰπεῖν—извинять себя по обычаю злодѣевъ. Такъ именно въ слѣдующемъ монологѣ извиняются ораторы.

справедливыхъ и добрыхъ дѣлахъ, либо о такихъ, по природѣ и воспитанію, людяхъ; потому что въ судахъ никто и нисколько не заботится объ истинѣ въ этомъ отношеніи, но всѣ думаютъ о вѣроятномъ. А это значитъ, что намѣревающийся говорить сообразно съ искусствомъ долженъ обращать вниманіе на правдоподобіе. Иногда не надобно разсуждать и о томъ, что уже сдѣлано, если это сдѣлано неправдоподобно: какъ въ обвиненіи, такъ и въ защищеніи разсуждай о правдоподобномъ. Ораторъ вообще обязанъ слѣдить за правдоподобіемъ, а съ истиною вовсе распрощаться.

273. Это-то свойство и составляетъ искусственность рѣчи, если имъ проникнута вся она.

Федръ. Ты, Сократъ, раскрылъ именно то, что говорятъ люди, выдающіе себя за мастеровъ рѣчей. Теперь я вспоминаю, что прежде мы слегка коснулись этой мысли; но она въ такомъ случаѣ кажется весьма важною.

Сокр. Впрочемъ, ты вѣдь до точности, конечно, изучилъ и самого Тизиаса: такъ пусть онъ скажетъ намъ и объ этомъ, — что другое, по его мнѣнію, называется правдоподобнымъ, какъ не кажущееся народу.

Федръ. Чему быть другому?

Сокр. Тизиасъ, помнится, мудро выдумалъ и мастерски написалъ вотъ что: Если человѣкъ слабосильный, но мужественный напалъ на сильнаго, но трусливаго, съ намѣреніемъ снять съ него плащъ, или что другое, и за то приведенъ въ судъ; то оба они должны говорить неправду. Трусъ будетъ доказывать, что на него напалъ мужественный не одинъ; а мужественный будетъ спорить, что они были одни, и въ заключеніе скажетъ: какъ же было мнѣ, такому, поднять руки на такого? Между тѣмъ первый, конечно, не сознается въ своей трусости, но рѣшится лгать какъ-нибудь иначе и скоро дастъ противнику случай обличить себя. Искусство Тизиаса и о другихъ предметахъ говорить нѣчто подобное. Не такъ ли, Федръ?

Федръ. Какже.

Сокр. Куда хитерь долженъ быть въ изобрѣтеніи сокровеннаго искусства этотъ Тизіасъ, или кто бы то ни былъ и откуда бы ни получилъ свое названіе! Не обратитъ ли намъ своего слова лучше къ нему самому, другъ мой? D.

Федръ. Какого слова?

Сокр. Да вотъ: Тизіасъ! еще задолго до твоего прибытія, мы говаривали, что народъ имѣетъ понятіе о правдоподобномъ только по причинѣ сходства его съ истиннымъ. А эти сходства, какъ мы недавно показали, прекрасно умѣетъ вездѣ находить тотъ, кто знаетъ истину. Посему, если объ искусствѣ рѣчей ты хочешь сказать что-нибудь другое, мы готовы слушать тебя; а когда нѣтъ, будемъ вѣрить тому, E. о чемъ нынѣ разсуждали, то-есть: кто не въ состояніи разсчитывать природныя качества своихъ слушателей, дѣлать все сущее на виды и въ одной идеѣ разсматривать каждый изъ нихъ, тотъ никогда не сдѣлается искуснымъ въ словѣ, сколько то возможно человѣку. Но это ни въ какомъ случаѣ не пріобрѣтается безъ великихъ усилій, которыя въ человѣкѣ умномъ бывають не для того, чтобы бесѣдовать и дѣйствовать въ обществѣ людей, а для того, чтобы умѣть говорить пріятное богамъ и посылно совершать все угодное имъ ¹. Вѣдь и тѣ, которые мудрѣ насъ, Тизіасъ, говорятъ, что человѣкъ съ умомъ долженъ стараться угождать не подобнымъ себѣ рабамъ, развѣ только между дѣломъ, а 274. господамъ добрымъ и происходящимъ отъ добрыхъ. Не удивляйся, что этотъ путь длиненъ: вѣдь по немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется ². Впрочемъ, кто, какъ говорится, захочетъ, тотъ изъ послѣдней цѣли прекрасно выведетъ и первую.

¹ *Умѣть говорить пріятное богамъ и посылно совершать все угодное имъ.*— Это есть одно изъ выраженій высшей цѣли человѣческой жизни, по ученію Платона. На всѣ свои слова и поступки, касающіеся людей, смотри такъ, какбы ты говорилъ первымъ и совершалъ послѣдніе не предъ людьми и не для людей, а предъ очами боговъ, для исполненія воли ихъ.

² *По немъ надобно идти къ высшей цѣли, а не къ той, которая тебѣ представляется:* т. е. надобно стараться о томъ, какъ бы угождать богамъ,

Федръ. По моему мнѣнію, Сократъ, это сказано превосходно, лишь бы только быть въ состояніи.

Сокр. Но кто предпринимаетъ хорошее, тому, если случится, хорошо и потерпѣть.

Федръ. И очень.

Сокр. Теперь касательно искусства и не-искусства рѣчей довольно.

Федръ. Пожалуй.

Сокр. Остается еще сказать о приличіи и неприличіи письменнаго изложенія, то-есть, когда оно бываетъ хорошо и когда неприлично. Не такъ ли?

Федръ. Да.

Сокр. Знаешь ли, чѣмъ лучше угодить Богу, какъ скоро дѣло идетъ о рѣчахъ, сочиняя или произнося ихъ?

Федръ. Я не знаю; а ты?

Сокр. Я расскажу тебѣ преданіе древнихъ; а древніе знали правду. Впрочемъ, если мы сами откроемъ ее, то будемъ ли еще заботиться о мнѣніяхъ человѣческихъ?

Федръ. Смѣшной вопросъ! Но рассказывай, что слышалъ.

Сокр. Я слышалъ, что близъ египетскаго Навкратиса жилъ одинъ изъ тамошнихъ древнихъ боговъ, которому посвящена была птица, называемая ибисомъ. Имя этого божества—Теутъ¹. Онъ первый изобрѣлъ число, ариѣметику, геометрію и астрономію, игру въ шашки и кости, изобрѣлъ

а не о томъ, какъ бы убѣдить слушателей, хотя, стремясь къ первой цѣли, тѣмъ легче достигнешь и послѣдней.

¹ *Имя этого божества—Теутъ.*—Теутъ, кажется, имѣлъ родовое значеніе Бога: потому что это имя близко къ греческому Δεός и латинскому Deus, также къ древнему корню восточныхъ языковъ di (отсюда dia, dio и проч.), dew и deu (отсюда санскр. dew-ta, латинск. dei-tas). По крайней мѣрѣ извѣстно, что Теута Греки называли также Меркуріемъ, которому, по свидѣтельству Эліана (H Nat. X, 29), посвященъ былъ ибисъ. Притомъ Цицеронъ говоритъ (de nat. D. 1, 36): quartus (Mercurius) Nilo patre, qui Argum dicitur invenisse ob eamque causam Aegyptum profugisse atque Aegyptiis leges et litteras tradidisse. Hunc Aegyptii Thoth appellarunt. Что же касается до самой басни, то она, по всей вѣроятности, выдумана самимъ Платономъ. Это, кажется, чувствовалъ и Федръ, когда говорилъ: «ты легко сочиняешь и египетскія и какія угодно повѣсти.»

также и буквы. Царемъ всего Египта въ то время былъ D. Тамусъ¹, сидѣвшій въ большомъ городѣ верхней части страны. Этотъ городъ Греки называютъ египетскими Фивами, а бога—Аммономъ. Однажды Теуть, пришедши къ Тамусу, объявлялъ ему о своихъ искусствахъ и говорилъ, что надобно сообщить ихъ всѣмъ Египтянамъ; но послѣдній спросилъ его: какую пользу можетъ доставить каждое изъ нихъ? Когда Теуть началъ объяснять это,—царь, смотря по тому, хорошимъ или худымъ представлялось ему объясненіе, иное порицалъ, иное хвалилъ. Вообще, много говорилъ онъ Теуту E. о каждомъ искусствѣ въ ту и другую сторону: рассказывать объ этомъ было бы долго. Наконецъ дѣло дошло до буквъ, и Теуть сказалъ: Государь! эта наука сдѣлаетъ Египтянъ мудрѣе и памятьливѣе; я изобрѣлъ ее, какъ средство для памяти и мудрости. Но царь отвѣчалъ: Многоученый Теуть! одинъ способенъ раждать искусства, а другой судить, сколько вреда или выгоды принесутъ они людямъ, которые будутъ пользоваться ими. Вотъ ты, отецъ буквъ, по родительской любви, приписалъ имъ противное тому, что онѣ могутъ. Вѣдь это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ въ душахъ учениковъ забывчивость²; потому что, полагаясь на виѣшнее письмо, изображенное чужими знаками, они не будутъ вспоминать впечатлѣній внутренно—сами въ

275.

¹ Тамусъ, *Θαμους*—то же, что *Ἄμμους* или *Ἄμμουῖς*, по-латини—*Jupiter Ammon*, египтійскій богъ, бывшій прежде царемъ египетскимъ. О различномъ произношеніи этого имени см. *Gal. ad Iamblich de myst.* IX 4 p. 304. Впрочемъ, далѣе (p. 275 D) Тамуса Платонъ самъ называетъ Аммономъ. А ближайшія слова (274 D.): *καὶ τὸν θεὸν Ἄμμωνα*, Штальбомъ признастъ внесенными чуждою рукою, и его догадка правдоподобна.

² Это, ослабляя заботливость о памятованіи, произведетъ забывчивость. Ученіе, что имѣтъ подъ руками мысли другихъ, изложенныя на бумагѣ, болѣе вредно для памяти, нежели полезно, Платонъ заимствовалъ, кажется, у Пифагорейцевъ, которые, слѣдуя постановленію Пифагора, считали преступленіемъ распространять его ученіе письменно (*Porphyr. vit. Pythag.* 58). Впрочемъ, должно замѣтить, что Пифагоръ имѣлъ въ виду совсѣмъ другую цѣль. *Plut. vit. Num.* T. 1, 75 D. Впослѣдствіи мнѣніе Платона о вредной сторонѣ письменности принялъ и Сенека (*Ep.* 88, 28): *Certior est memoria, quae nullum extra se subsidium habet.*

себѣ. Значить, ты изобрѣлъ средство не для памятованія, а для напоминанія. Да и мудрость ученики приобрѣтуть ¹ у тебя не истинную, а кажущуюся; потому что многого наслушавшись и ничего не изучая, будутъ представлять себя многознайками и, какъ мнимые мудрецы, вмѣсто истинныхъ, В. останутся большею частію невѣждами и людьми въ обществѣ несносными.

Федръ. Ты, Сократъ, легко сочиняешь и египетскія, и какія угодно повѣсти.

Сокр. Но рассказывали же ², другъ мой, что въ храмѣ додонскаго Зевса первымъ провѣщателемъ былъ дубъ. Такъ видно, въ тѣ времена жили не такіе мудрецы, какъ вы—молодые люди: они, въ простотѣ сердца, довольствовались и провѣщаніемъ дуба, либо камня, только бы говорили имъ правду; а тебѣ кажется не все равно, кто бы ни сказалъ С. и откуда бы онъ ни былъ, — ты смотришь не на то одно, такъ ли это, или иначе.

Федръ. Выговоръ справедливъ; касательно буквъ и мнѣ представляется то же, что говорить Фивеецъ.

Сокр. Стало-быть, кто думаетъ, что искусство онъ заключилъ въ буквы, и увѣренъ также, что отъ буквъ оно получитъ какую-то ясность и твердость: тотъ слишкомъ простъ и дѣйствительно не понимаетъ Аммонова предска- D. занія; ему кажется, что мысли написанныя гораздо лучше умѣнья помнить, чтò написано.

Федръ. Весьма справедливо.

Сокр. Да, Федръ, такова-то бѣда съ письмомъ, равно

¹ Да и мудрость ученики приобрѣтутъ у тебя и проч.—Самое осязательное, опытное и современное намъ доказательство, что письменность не всегда полезна.

² Но рассказывали же... Сократъ слегка упрекаетъ Федра, что рассказъ о Теутѣ онъ почитаетъ вымысломъ и какъ презираетъ его. — Почему же представляется тебѣ маловажнымъ провѣщаніе Фамуса, хотѣлъ онъ сказать, когда у насъ, въ Греціи, первымъ провѣщателемъ былъ дубъ?—О додонскомъ дубѣ см. *Herod.* 11, 52, а о пророчественномъ камнѣ — *Odysv.* XIX, 163, *Иад.* XXII, 126.

какъ и съ живописью. Произведенія послѣдней стоятъ буд-то живыя: а спроси ихъ о чемъ-нибудь, преважно молчатъ. То же и рѣчи: подумаешь, что онѣ говорятъ, какъ умныя; а когда кто спрашиваетъ ихъ, съ намѣреніемъ понять содержаніе, отдѣлываются одними и тѣми же выраженіями. Всякая, однажды написанная рѣчь бродитъ вездѣ—и между Е. людьми, разумѣющими ее, и между тѣми, къ которымъ она не относится: она не знаетъ, кому говорить, кому нѣтъ; а потому, подвергаясь оскорбленіямъ и несправедливому прицанію, всегда имѣетъ нужду въ помощи своего отца. Самой ей невозможно ни защититься, ни помочь себѣ.

Федръ. И это также очень справедливо.

Сокр. Что же теперь? не посмотрѣть ли намъ и на дру- 276. гую рѣчь—родную сестру ея, какъ она происходитъ и во сколько бываетъ лучше и сильнѣе?

Федръ. На какую это, и что разумѣешь ты подъ происхожденіемъ?

Сокр. На ту, которая вписывается въ душу познающаго вмѣстѣ съ знаніемъ, которая можетъ защищать сама себя и понимаетъ, съ кѣмъ говорить и предъ кѣмъ молчать.

Федръ. Ты разумѣешь рѣчь человѣка знающаго — живую и одушевленную; такъ что написанная справедливо можетъ быть названа ея изображеніемъ?

Сокр. Безъ сомнѣнія. Скажи же мнѣ: благоразумный земледѣлецъ, заботясь о своихъ сѣменахъ и желая отъ нихъ В. плодовъ, согласится ли, не шутя, посѣять ихъ лѣтомъ въ садахъ Адониса ¹, чтобы наслаждаться созерцаніемъ ихъ красоты впродолженіе осьми дней, или сдѣлаетъ это только для забавы и ради праздника, если сдѣлаетъ? тѣ же, которыми

¹ *Посѣять въ садахъ Адониса.* Греки въ честь Адониса праздновали ежегодно восемь дней и къ этому времени засѣвали рожью и пшеницею принадлежавшія къ его храму поля, которыя назывались садами Адониса—'Αδωνίδος κήποι, а въ самый храмъ приносили множество корзинокъ съ плодами и вазъ со скоро увядающими цвѣтами—въ знакъ того, что земныя удовольствія кратковременны. Отсюда произошла пословица: 'Αδωνίδος κήποι—блестящія бездѣлки, минутныя наслажденія (Diction. des cultes religieux).

хочетъ воспользоваться серьезно и по правиламъ земледѣльческаго искусства, посѣть, гдѣ слѣдуетъ, и будетъ желать, чтобы посѣянное созрѣло въ восьмой мѣсяцъ?

С. *Федръ*. Вѣроятно такъ, Сократъ: одно сдѣлаетъ онъ не шутя, а другое иначе, то-есть, какъ говоришь.

Сокр. Но скажемъ ли, что у человѣка, обладающаго познаніями праведнаго, прекраснаго и добраго, меньше ума для своихъ сѣмянъ, чѣмъ у земледѣльцевъ?

Федръ. Никакъ не менѣе.

Сокр. Слѣдовательно, не шутя, онъ не будетъ писать на водѣ ¹ чернилами и сѣять посредствомъ трости да словъ ², которыя не могутъ ни разумно помочь самимъ себѣ, ни достаточно высказать истину.

Федръ. Ужъ вѣроятно, не будетъ.

Д. *Сокр.* Конечно, нѣтъ; напротивъ, луга письменности, должно быть, станутъ засѣвать и исписывать, если станутъ, ради забавы,—приготовляя и себѣ сокровище замѣтокъ на время забывчивой старости, и всякому идущему тою же дорогою, чтобы радоваться, смотря на ихъ нѣжную молодость. Когда другіе предаются инымъ забавамъ, орошая себя ³ пирами и прочими, сродными съ этимъ удовольствіями; тогда онъ, вдали отъ подобныхъ удовольствій, вѣроятно, будетъ наслаждаться тѣми, о которыхъ я говорю.

Е. *Федръ*. Прекрасная забава, Сократъ, вмѣсто худой, когда

¹ *Будетъ писать на водѣ* — ὕδατι γράφει. Выраженіе ὕδατι γράφει у Грековъ, какъ и у насъ, имѣетъ силу пословицы и означаетъ суетный трудъ, или, точнѣе, намѣреніе неисполнимое; ἐπὶ τῶν μάτην ποιοῦντων. Въ томъ же значеніи употребляется выраженіе: πόντον σπεῖρειν, εἰς ὕδωρ, или ἐν ὕδατι σπεῖρειν.

² *Сѣять посредствомъ трости да словъ* — σπεῖρειν διὰ καλάμου μετὰ λόγων. Считаеиъ нужнымъ замѣтить, что μετὰ λόγων должно соединять не съ σπεῖρειν, какъ нѣкоторые дѣлали, а съ διὰ καλάμου, какъ бы стояло: διὰ καλάμου καὶ λόγων. Подобныя сочетанія см. выше р. 253 Е: μάστιγι μετὰ κέντρων; τιμῆς ἐραστῆς μετὰ σωφροσύνης τε καὶ αἰδοῦς.

³ *Орошая себя* — ἄρδοντες αὐτοῦς. Ἄρδειν — орошать, указываетъ на средство возвращенія крыльевъ, о которомъ говорено было выше (251 В сл.). Предполагается, что чрезъ возвращеніе и поддержаніе крыльевъ облегчается старость.

кто, умѣя забавляться рѣчами, размышляетъ ¹ о праведности и о прочихъ, упомянутыхъ тобою предметахъ.

Сокр. Конечно такъ, любезный Федръ; но тотъ еще лучше, думаю, заботится объ этомъ, кто, пользуясь діалектикою и избравъ приличную душу, насаждаетъ и посѣяваетъ въ ней проникнутыя знаніемъ мысли, которыя въ состояніи 277. помочь и самимъ себѣ, и сѣятелю, которыя не бесплодны, но заключаютъ въ себѣ сѣмя, а потому, бывъ способны осѣменить мыслями и другіе умы, всегда служатъ залогомъ безсмертія, и кто имѣетъ ихъ, тому доставляютъ блаженство, сколько можетъ вмѣстить его человѣкъ.

Федръ. Это, въ самомъ дѣлѣ, гораздо лучше.

Сокр. Такъ согласившись съ послѣднимъ, мы можемъ теперь уже судить и о первомъ.

Федръ. О чемъ?

Сокр. О томъ, что желали мы узнать, пускаясь въ эти разсужденія, то-есть изслѣдовать упрекъ, сдѣланный Лизіасу за письменное изложеніе рѣчей, и самыя рѣчи, какія изъ В. нихъ могутъ быть написаны сообразно съ искусствомъ, какія нѣтъ. Вѣдь мы, кажется, порядочно отличили искусное отъ неискуснаго.

Федръ. Да, казалось такъ; однакожь напосади мнѣ, какимъ образомъ.

Сокр. Кто сперва не узнаетъ истины каждаго предмета, о которомъ говоритъ или пишетъ, и не будетъ въ состояніи опредѣлить цѣлое само по себѣ, либо, опредѣливши, не сумѣетъ опять раздѣлить его на виды до самыхъ недѣлимыхъ; кто, разсматривая такимъ же образомъ природу души, не будетъ искать приличнаго каждой природѣ вида и не поставится располагать и украшать свою рѣчь такъ, чтобы раз-

¹ *Размышляетъ*—*μυθολογούτα*. Глаголь *μυθολογεῖν* противуполагается здѣсь слову *διαλέγεσθαι* и значить: свободно предаваться размышленію, ничѣмъ не стѣсняясь и не связываясь строгими законами діалектики. Глаголу *μυθολογεῖν* въ этомъ смыслѣ соответствуетъ наше простонародное слово «балагурить».

новидной душѣ ¹ высказывать разнovidныя и совершенно стройныя, а простой простыя мысли: тотъ, къ какому бы роду рѣчей ни приступалъ, не сдѣлается въ искусствѣ сильнымъ ни для наученія, ни для убѣжденія, какъ это видно изъ прежнихъ нашихъ разсужденій.

Федръ. Да, это-то безъ сомнѣнія какъ-то такъ представлялось намъ.

Д. *Сокр.* Что же теперь? похвально ли говорить и писать рѣчи, или постыдно? и въ какомъ случаѣ упрекъ за это былъ бы справедливъ, въ какомъ нѣтъ? Не рѣшаются ли эти вопросы тѣмъ, что сказано незадолго прежде?

Федръ. А что сказано?

Сокр. То, что если Лизіасъ, да хоть и кто другой,—писалъ, или будетъ писать, либо частно, либо для общества, обнаруживая политическія свои мнѣнія, какъ законодатель, и предполагая въ нихъ много основательности и ясности; то писателю въ этомъ случаѣ—упрекъ, высказывается ли онъ кѣмъ-нибудь, или нѣтъ. Вѣдь совершенное незнаніе ²

Е. справедливости и несправедливости, добра и зла, не избѣгнетъ должнаго порицанія, хотя бы оно слышало похвалы отъ всего народа.

Федръ. Конечно, нѣтъ.

Сокр. Такой-то человѣкъ въ писанной рѣчи о всякомъ предметѣ необходимо предполагаетъ лишь много забавы, и ни одного стихотворнаго и нестихотворнаго сочиненія не почитаетъ достойнымъ того, чтобы оно могло быть писано,

¹ *Разновидной душѣ... разнovidныя и совершенно стройныя... мысли — ποικίλη μὲν ποικίλους ψυχῆ καὶ παναρμονίους... λόγους.* Слово *ποικίλος* употребляется для выраженія разноцвѣтности въ природѣ, искусствахъ, одеждахъ и проч. Прилагаемое къ душѣ, это слово метафорически означаетъ душу, обогащенную различными познаніями, образованную и дѣйствующую подъ условіями свѣтскихъ приличій. Для такой души такая нужна и рѣчь.

² *Совершенное незнаніе — τὰ ἀγνοεῖν ὑπάρ τε καὶ βλαρ.* Это греческое выраженіе есть пословица, буквально соответствующая русской поговоркѣ: «во-снѣ и на-яву»; οὐτ' βλαρ οὐδ' ὑπάρ, ни во-снѣ, ни на-яву. Phileb. p. 36. E. Lobeck. ad Phryg. p. 422 sq., т.-е. *никогда, или никакимъ образомъ.*

или говорено серьезно, какъ будто все это рапсодія ¹, которыя читаются безъ разбора и знанія, имѣющаго цѣлю убѣжденіе. Между тѣмъ лучшія изъ нихъ пишутся для на- 278. поминанія людямъ знающимъ: это—сочиненія учительныя ², которыя произносятся для наставленія и, дѣйствительно вписывая въ души уроки о праведномъ, прекрасномъ и добромъ, носятъ на себѣ характеръ дѣйственности и совершенства, достойнаго серьезной внимательности. Такія рѣчи писатель долженъ почитать какбы родными своими дѣтьми, то-есть, сперва рѣчь, возникшую въ немъ самомъ, если она есть, потомъ происшедшія отъ ней порожденія и сестры ея, развившіяся въ душахъ другихъ людей, а прочія оставить. И в. вотъ, должно быть, тотъ человѣкъ, котораго я и ты, Федръ, желали бы осуществить собою.

Федръ. Да, я желаю и прошу себѣ именно того, о чемъ ты говоришь.

Сокр. Но, кажется, довольно уже намъ забавляться рѣчами. Теперь поди ты и скажи Лизіасу, что мы ходили къ ис-

¹ Какъ будто все это рапсодіи—ὡς οἱ ῥαψωδοῦμενοι. Λόγοι ῥαψωδοῦμενοι, или ῥαψωδίαи отъ (ῥάπτειν τὴν φθόν), по изъясненію Аста, суть *carmina continua*, quae solus cantat; vel continua pronunciatione (recitatione) utitur, ideoque a histrione distinguitur (Rep. II, 373 B. Legg. VI, 764 D). Такое понятіе о рапсодіяхъ, очевидно, поставляетъ онъ въ противоположность съ сочиненіями драматическими; слѣдовательно, согласно съ изъясненіемъ Аста, всякая эпопея будетъ рапсодія. Но это — явное недоразумѣніе. Рапсодія, конечно, есть пѣснь непрерывная; но она предполагаетъ эпопею, изъ которой должна быть заимствована. Поэтому рапсодіи Омировы суть рассказы о богахъ и герояхъ, на основаніи эпопей Омира (см. Jon. 530 B. C). Рапсодіями Греки называли также краткія импровизація пѣвцовъ о любовныхъ дѣлахъ и событіяхъ вымышленныхъ. На такія рапсодіи указываетъ Свида — ῥαψωδῆσαι ἐστὶ τὸ φλυαρεῖσαι, ἢ τὸ ἀπλῶς λαλεῖν καὶ ἀπαγγεῖλαι χωρὶς ἔργου τινός. Подобнаго рода рапсодами на сѣверѣ были барды или баяны, а рапсодіями ихъ—выдержки изъ народныхъ преданій, баллады, героическія и романтическія повѣсти. Впрочемъ здѣсь, очевидно, различаются два рода рѣчей: однѣ рѣчи (писанныя и неписанныя, прозаическія и стихотворныя), неимѣющія знанія о прекрасномъ, добромъ и справедливомъ; другія, основывающіяся на этомъ знаніи и напечатлѣвающія его въ душахъ.

² Разумѣются сочиненія философскія, въ которыхъ должно быть раскрываемо ученіе объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ; такъ какъ въ этомъ ученіи всякая ораторская рѣчь должна найти свое основаніе и твердость.

С. точнику нимфъ, въ убѣжище музъ, и слышали тамъ слова, которыми повелѣвалось намъ объявить, во-первыхъ, ему со всѣми другими писателями рѣчей, во-вторыхъ, Омиру со всѣми слагателями стиховъ для пѣнія и не для пѣнія¹, въ-третьихъ, Солону со всѣми политическими ораторами, которые подаютъ свои мнѣнія въ смыслѣ законовъ,—объявить слѣдующее: кто, сознавая истину дѣла, написалъ о немъ и можетъ помочь ему, когда написанное подвергается испытанію, и кто устными объясненіями въ состояніи доказать, что написанное ниже этихъ объясненій тотъ долженъ носить названіе не р. по тѣмъ рѣчамъ, а по другимъ, которыми занимался серьезно.

Федръ. Какія же ты дашь ему названія?

Сокр. Назвать его мудрецомъ, Федръ, мнѣ кажется, слишкомъ много,—это имя прилично одному Богу: гораздо сообразнѣе и пристойнѣе было бы называться ему либо любителемъ мудрости², либо подобнымъ этому именемъ.

Федръ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего несообразнаго.

Сокр. Напротивъ, кто опять болѣе всего любитъ—сочиненное или написанное долго вертѣтъ такъ-и-сякъ, одно съ дру-

¹ *Со всеми слагателями стиховъ для пѣнія и не для пѣнія — καὶ εἰ τις ἄλλος αὖ ποιῆσιν ψιλήν ἢ ἐν ᾧδῇ συντέθεικε. Ποίησις ψιλή* есть повѣсть простая, или пѣснь, неположенная на ноты, неназначенная для пѣнія, слѣдовательно противоположная стихотворенію лирическому. *Tyrwhitt. ad Arist. de poes. p. 115 Legg. II, 669 D.*

² *Называться ему любителемъ мудрости—φιλόσοφος.* Основываясь на этомъ мѣстѣ Платона, Мейнерсъ (Fortg. u. Verf. d. Wissensch. in. Griech. u. Rom. T. 1, p. 119) полагаетъ, что первый, оставившій названіе мудреца, и начавшій называться философомъ, былъ Сократъ. Но Сократъ старался только утвердить и доказать законность этого имени; а изобрѣтено оно Пиеагоромъ. *Cicer. Tuscul. V. 3. Wittenb. Bibl. crit. V. II T. IV, 118 sqq. Quamquam si verum est, quod Heraclide Pontico auctore veteres narrant, Pythagoram primum semet ipsum vocitasse philosophum, quum ante qui in rerum contemplatione studium posuissent sapientes essent nominati, hoc etiam veri est simile Platonem (germanae philosophiae partim restitutorem partim inventorem) hac quoque in re Pythagorae sententiam sophisticae vitio tum fere obscuratam iterum in lucem protulisse et pythagorium φιλοσοφον data opera opposuisse σοφῶ vel σοφιστῆ sui temporis.* Это мѣсто имѣлъ въ виду и Климентъ Алекс. *Paedag. 1, 10. T. I, p. 153. Ποτὶ: σοφὸς δὲ ὁ θεὸς μόνος, ἀφ' οὗ ἡ σοφία, καὶ τέλειος μόνος, διὰ ταῦτα καὶ μόνος ἐπαινετός.*

гимъ склеивать и одно отъ другаго отнимать; того не назвешь ли ты по справедливости либо поэтомъ, либо писателемъ рѣчей, либо излагателемъ законовъ?

Федръ. Почему не назвать?

Сокр. Скажи же это своему другу.

Федръ. А ты-то что? Какъ поступишь? Вѣдь нельзя умолчать и о твоёмъ другѣ?

Сокр. О комъ это?

Федръ. О красавцѣ Исократѣ ¹. Что объявишь ты ему, Сократъ? Какимъ именемъ назовешь его?

Сокр. Исократъ еще молодъ, Федръ; впрочемъ, пожалуй, я скажу, чего ожидаю отъ него.

279.

Федръ. А чего именно?

Сокр. Судя по рѣчамъ Лизіаса, дарованія Исократы, кажется, лучше, да и нравъ благороднѣе; такъ что не должно удивляться, если, достигнувъ возраста болѣе зрѣлаго, онъ, въ томъ самомъ родѣ рѣчей, которымъ нынѣ занимается, станетъ выше не однихъ мальчиковъ, иногда рѣшающихся писать рѣчи. Даже, когда и того будетъ ему мало, божественное стремленіе повлечетъ его далѣе; потому что въ разсудкѣ этого человѣка, другъ мой, есть какое-то природное любомудріе. Такъ вотъ что, по волѣ здѣшнихъ боговъ, я объявлю своему любимцу Исократу, а ты своему—Лизіасу—объяви сказанное прежде.

Федръ. Такъ и будетъ. Однакожь пойдёмъ, теперь и жарь послабѣе.

¹ *О красавцѣ Исократѣ.* Исократъ былъ другъ и ученикъ Сократа (ауст. аполун. in vit. Isocr. p. VIII.). Въ его рѣчахъ ясно отразились правила и мысли его учителя. Поэтому Платонъ имѣлъ о немъ высокое понятіе и совершенно противопологалъ его Лизіасу, который былъ старше Исократы двадцатью двумя годами. Исократъ родился 1, 86 олимп. См. *Taylor. vit. Lys. p. 101. Reisk.* Это мѣсто имѣлъ въ виду и Цицеронъ (*Orat. 13*): но объ Исократѣ отзываясь онъ невыгодно. *Quin ipsum Isocratem, quem divinus auctor Plato, suum fere aequalem, admirabiliter in Phaedro laudari fecit a Socrate, quem omnes docti summum oratorem esse dixerunt, tamen hoc in numero non gerono.* Діогенъ Лаэртій замѣчаетъ (III, 8), что, по поводу этого отзыва Платона объ Исократѣ, возникла вражда между Исократомъ и Лизіасомъ,

Сокр. Но не приличнѣ ли намъ удалиться отсюда, помолвившись здѣшнимъ богамъ?

Федръ. Почему не такъ?

Сокр. О любезный Панъ и прочіе здѣшніе боги! Даруйте мнѣ быть прекраснымъ внутренно, и съ моимъ внутрен-
с. нимъ согласите все, что имѣю, внѣшнее. Богатымъ да почитаю я мудраго,—и такого золота да будетъ у меня столько, сколько не можетъ ни унести, ни увезть никто, кромѣ человѣка разсудительнаго.

Просить ли еще чего-нибудь, Федръ? Для меня-то достаточно.

Федръ. Того же проси и для меня; вѣдь у друзей все общее ¹.

Сокр. Пойдемъ.

¹ У друзей все общее—κοινὰ τὰ τῶν φίλων. Схолиастъ къ эт.: κοινὰ τὰ τῶν φίλων, ἐκὶ τῶν εὐμεταδότων. То-есть, слова эти относились къ тому, что легко передавать. Пословица, говорятъ, высказана сперва въ Великой Греціи — въ то время, когда жилъ тамъ Пиеагоръ и требовалъ, чтобы всѣ тамошніе обитатели пользовались нераздѣльно своимъ имуществомъ.